

ПЕТР ГРИГОРЕНКО

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1977

ПЕТР ГРИГОРЕНКО

СБОРНИК СТАТЕЙ
под редакцией А. Григоренко

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Открытое письмо секретарям компартий	7
О психиатрических больницах СССР	28
Наши будни (фрагменты из книги)	61

PETER GRIGORENKO

SELECTED WORKS

Copyright © by: Andrei Grigorenko

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Manufactured in the United States of America

ПРЕДИСЛОВИЕ

“... Прекращение применения принудительных мер медицинского характера производится судом ...”

Статья 60 УК РСФСР

“... 25. После отмены принудительного лечения за 10 дней до выписки больного психиатрическая больница направляет в психоневрологический диспансер по месту жительства выписку из истории болезни ...

Одновременно психиатрическая больница извещает об отмене принудительного лечения и выписке больного его родственников или опекунов, а также органы милиции по месту жительства.”

Инструкция о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психических больных, совершивших общественно опасные деяния, от 14 февраля 1967 года

Все годы нахождения моего отца — Петра Григоренко — сначала в одиночной камере СПБ города Черняховска, занявшей помещение бывшей каторжной тюрьмы бывшего города Инстебурга в бывшей Восточной Пруссии, а затем в психиатрической больнице № 5, расположенной в сотне километров от Москвы, мы с матерью делали все возможное, чтобы ускорить его освобождение. Само собой разумеется, что мы беспрерывно задавали вопрос о сроках освобождения лечащим врачам и администрации обоих учреждений. 23 июня 1974 года на очередной такой вопрос о выписке главный врач по принудительному лечению больницы № 5 Александра Кожемякина ответила: “Ну, это еще не скоро. Разве что осенью будет выписная комиссия”.

Тем более неожиданным был разбудивший меня 26 июня телефонный звонок. Звонил мой приятель, который из передачи западной радиостанции на польском языке услышал, что Петр Григоренко освобожден из заключения. Мы пришли в полное недоумение. Однако приблизительно через час последовало разъяснение — раздался звонок из больницы № 5, и нам сообщили, что мы можем приехать и забрать отца. И это, кажется, был первый случай, когда нарушение установленного Законом порядка вызвало у меня радость, а отнюдь не огорчение.

Однако уже на следующий день в ближайшее отделение милиции была вызвана моя мать — Зинаида Григоренко. В отделении с ней провели беседу два лица в штатском, назвавшихся сотрудниками КГБ. Нам с отцом присутствовать во время беседы было не разрешено, как, впрочем, и покинуть помещение милиции.

Суть беседы с сотрудниками КГБ сводилась к тому, что встречи отца с иностранцами и даже со старыми друзьями могут быть расценены как рецидив болезни. Таким образом, "диспансерный учет" вступил в действие. В заключение беседы нам посоветовали на время выехать из Москвы. Последнее, между тем, совпадало с нашими планами, и вскоре все мы выехали на Украину, в родное село моего отца.

Но "диспансерный учет" не прекратился и здесь. Постоянным напоминанием об этом служило появление в далеком от курортных центров селе каких-то праздно шатающихся незнакомцев, которых непосредственные сельские ребятишки моментально определили как "шпиков". Те же праздные лица проследовали за нами и в Крым, куда мы направились с Украины.

Словом, неусыпное око "бесплатной медицины" не оставляло своего бывшего пациента. Ни тяжелый инфаркт миокарда, приковавший отца к постели вскоре после возвращения в Москву, ни запущенная болезнь предстательной железы — в специальных психиатрических больницах, как правило, отсутствуют терапевты и другие непсихиатрические специалисты, ни потеря зрения на один глаз, ни появившиеся в годы заключения явления диабета не занимали это бдительное око, но его более чем занимало другое: где отец бывает, с кем встречается, о чем говорит.

30 января 1976 года во время очередного допроса Петра Гри-

горенко офицером КГБ ему прямо угрожали новым заключением в психиатрическую больницу.

Одновременно с вызовом в КГБ в "психиатрическую профилактику" включилась и советская пресса.

Так, московская газета "Комсомольская правда" в серии статей от 18, 19, 20, 21 февраля 1976 года под заглавием "С меня хватит" некоего Юзефа Эрлиха предприняла ряд клеветнических нападок на советских инакомыслящих, обвиняя их в связях с "международным империализмом и сионизмом". В доказательство своих построений журналист от КГБ сообщил, что он якобы пересылал по поручению русской эмигрантской организации НТС деньги ряду советских граждан. Поименно были названы Наталья Горбаневская и Зинаида Григоренко. Видимо, здесь нет нужды указывать, что никаких денег от неизвестных лиц ни моя мать, ни Наталья Горбаневская не получали. Цель этой публикации вполне однозначна — скомпрометировать идею солидарности и подбросить нового угля в антисемитскую истерию, изображающую любую неконформистскую и правовую деятельность в виде происков "сионистов" вне зависимости от того, к какой нации принадлежат обличаемые. Однако в этом случае была и еще одна цель — попытка терроризировать моих родителей, так как иные упоминаемые в статье лица ко времени публикации эмигрировали из СССР.

Два месяца спустя, 22 апреля 1976 года, в № 7 газеты "Вісті з України", издаваемой советскими посольствами для зарубежного потребления на украинском языке, было помещено интервью с небезызвестным психиатром Рубеном Наджаровым. В этом интервью, имеющем заглавие "Гуманизм навыворот", ведущий советский психиатр признается в своем непосредственном участии в проведении экспертиз над инакомыслящими, а затем заявляет, что " ... зарубежные психиатры прекрасно понимают всю беспочвенность утверждений..., основанных ни на чем, если не принимать во внимание заявлений самих больных.." (привожу по обратному переводу с украинского — А.Г.). Далее Наджаров утверждает, что в этом смог убедиться ряд западных психиатров по беседе с "пресловутым Григоренко".

Одновременно не прекращались допросы отца в КГБ. Ввиду того что эти допросы состояли только из угроз, Петр Гри-

горенко в декабре прошлого года сделал заявление об отказе в дальнейшем являться по любым вызовам КГБ.

5 декабря прошлого года во время традиционной демонстрации протеста против попрания прав человека в СССР агенты КГБ предприняли новую тактику — в академика Андрея Сахарова и Петра Григоренко было брошено несколько комьев грязи.

Столь странная методология профилактики психических заболеваний могла бы вызвать определенное недоумение, если бы не масса иных случаев, указывающих на отсутствие четких граней не только между КГБ и психиатрией, но, например, на отсутствие подобных граней между КГБ и советской зарубежной торговлей и дипломатией или уж совсем трогательное единорудие между КГБ и советской прессой.

Неужто *"стенотерапия"*, а именно такое средство "лечения" было объявлено необходимым на процессе моего отца экспертом-психиатром Специальной психиатрической больницы г. Черняховска, является единственным универсальным рецептом разрешения всех вопросов социалистического общества?

Во всяком случае, вряд ли можно рассчитывать на ответ по этому вопросу московских теоретиков коммунизма. Но не менее интересно было бы ознакомиться с ответом на этот вопрос теоретиков коммунизма и социализма на Западе. К сожалению, постановка этого и ряда других вопросов перед французскими, итальянскими, британскими и испанскими лидерами коммунистического движения в приватном порядке не дала положительного результата.

Поэтому, оставаясь оптимистом, я надеюсь, что ответ на вопросы, поставленные в письме моего отца — Григоренко Петра Григорьевича, посвятившего всю свою жизнь осуществлению социалистической идеи, последует в обозримом будущем. Я также хочу надеяться, что адресаты письма предпримут все, что в их силах, чтобы их корреспондент не получил очередную порцию *"стенотерапии"*.

Андрей Григоренко

Март 1977 года
Нью Йорк

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Генеральным секретарям коммунистических партий:

– Франции – тов. Марше

– Италии – тов. Берлингуэру

– Великобритании – тов. Макленнану

К вам обращается шестидесятивосьмилетний человек, который вошел в коммунистическое движение 14-летним юношей в тяжкие для Советской страны годы (1921-22 гг.) и до сегодняшнего дня остается верным коммунистическим идеалам, несмотря на тяжкие незаконные репрессии, обрушенные на него в последние полтора десятилетия партией, которая называется коммунистической.

Данное письмо – не первая моя попытка установить общение с международным коммунистическим движением. В феврале 1968 года мы с писателем-коммунистом с 1916 года Костериным Алексеем Евграфовичем направили Центральным Комитетам Коммунистических партий Венгрии, Италии и Франции обращение, которое просили довести до всех участников Будапештского совещания коммунистических и рабочих партий.

С содержанием этого обращения при желании можно ознакомиться и теперь. На русском языке оно опубликовано в 1973 году в Амстердаме Фондом Герцена в сборнике "Мысли сумасшедшего". Ни один непредвзятый человек не увидит в этом документе ничего, кроме искреннего беспокойства за судьбы коммунистического движения. Но я за это обращение просидел год в темном сыром подвале Ташкентского КГБ и 4 года 2 месяца в самой страшной из советских тюрем, в так называемой специальной психиатрической больнице, подвергался избиениям и другим физическим и моральным пыткам. Костерин избежал ареста только потому, что умер за несколько месяцев до того.

Столь катастрофический опыт указывал на то, что обращаться в компартии западных стран не только бесполезно, но и небезопасно. Однако коммунисты моего поколения были воспитаны в глубоком доверии к тем, кого мы считали соратниками. Поэтому жена моя — Григоренко Зинаида Михайловна, дочь старого большевика и сама коммунистка — обратилась в июне 1969 года к находившимся в то время в Москве на международном совещании коммунистических и рабочих партий генеральным секретарям ваших трех партий. Но Вальдек Роше, Луиджи Лонго и Джон Голан не нашли возможности откликнуться на призыв о помощи коммунистки, мужа которой (тоже коммуниста) в это время избивали в подвалах Ташкентского КГБ по распоряжению людей, которые тоже называют себя коммунистами. Стало ясно, интересы взаимоподдержки руководителей компартий поставлены выше интересов движения и писать, следовательно, бессмысленно.

Но вот из передач Би-Би-Си на русском языке я узнал, что французская и итальянская компартии сделали заявление, что если они придут к власти, то сохранят многопартийную систему, а компартия Великобритании на своем последнем съезде приняла резолюцию, в которой призывает КПСС дать возможность свободно высказываться всем инакомыслящим, в том числе и примыкающим к немарксистским течениям.

Это сообщение Би-Би-Си вселило в нас, коммунистов, обеспокоенных судьбой коммунистического движения, хоть слабую искорку надежды на то, что наметился выход из глухого тупика, в который завела это движение политика тоталитаризма. Мы не знаем, насколько серьезен этот поворот от тоталитаризма к плюрализму. Но если это не тактический ход в борьбе за власть внутри своей страны, то мы обязаны высказаться, обязаны заявить, что упомянутое заявление и резолюция съезда назвали как раз то главное, чего не хватает советскому обществу. Только потому, что в советском обществе отсутствовала свободная борьба мнений, было до предела заторможено развитие науки. Теория относительности Эйнштейна была названа мракобесием, генетика — мистикой, кибернетика — буржуазной лженаукой. Ряд лет на творчество в этих областях знаний, как и в ряде других, было наложено строгое "табу". Особенно пострадала наука об обществе. Партийная бюрократия вообра-

зила, что эту науку можно развивать директивами, резолюциями, постановлениями, что научные выводы из опыта могут исходить только от вышестоящих партийных учреждений и должностных лиц. В результате развитие общественной науки остановилось. Практика по ряду важнейших вопросов ушла совсем не по тому пути, который был намечен классиками марксизма-ленинизма (особенно яркий пример "учение о государстве"), но никто даже не пытается исследовать причины этого.

Хотя нет! Находятся смельчаки. Пытаются. "Награда" – лагерь, тюрьма или, как для Л. Плюща, спецпсихбольница.

Всем, а марксистам в особенности, должно быть ясно, что теорию развивают не служилые люди, не партийные учреждения, а ученые-теоретики, которые в своих выводах не должны зависеть от партийного аппарата и властей. Даже в физике теоретики и экспериментаторы, хоть и связаны между собой теснейшим образом, выполняют различные функции. Тем более в науках об обществе, где эксперимент ведется на живом общественном организме, над десятками и сотнями миллионов людей, особенно важны свободное творчество и широкое обсуждение теоретических выводов, и экспериментаторы, т.е. практические руководители общественного развития, должны находиться под строгим контролем своего народа. Только отсутствие теоретической работы, независимость партийно-государственного аппарата от контроля масс могли привести к уничтожению тех десятков миллионов людей, о которых с такой потрясающей убедительностью рассказано в "Архипелаге ГУЛаг". Марксистам особенно непростительно то, что они столько времени не вспоминали важнейшее марксистское требование – независимость теоретической работы от партийного аппарата. Маркс и Энгельс, чтобы быть независимыми в теоретической деятельности, формально в партию не вступали и ее решения обязательными для себя не считали. Ленин являет собой единственный пример совмещения в одном лице теоретика и экспериментатора. Долгое время ему удавалось, будучи активнейшим практиком, вести теоретическую работу независимо от партийных решений. Но до конца не удалось удержаться и ему. Практик перевесил. Именно по его инициативе 10-й съезд принял резолюцию, которая в последующем послужила основанием для полного запрета теоретической деятельности.

В силу изложенного резолюция КПВ имеет исключительно важное, можно сказать, судьбоносное значение. Однако лишь при том единственном условии, что КПВ будет по-настоящему добиваться от КПСС предоставления своему народу творческой свободы во всех областях науки и жизни, если она сумеет разъяснить свою позицию другим коммунистическим партиям и завоеует их поддержку.

Пока такого стремления мы не видим. Советская печать даже не упомянула о названной резолюции, а протеста КПВ против этого не слышно. Сам Макленнан, выступая на XXV съезде КПСС ни словом не обмолвился об этой резолюции. Будет непростительной и непоправимой ошибкой, если эта резолюция останется на бумаге, не превратится в документ действия. Мировое коммунистическое движение переживает серьезнейший кризис. Выход из этого кризиса в осуществлении резолюции съезда КПВ. Путь к тому будущему, за которое борются коммунистические партии, лежит только через освобождение советского народа от бюрократических пут. Без этого напрасны будут все уверения западных коммунистов, что они добиваются "социалистического общества, которое будет самой передовой демократией в истории страны" (из изложения в "Правде" выступления Ж. Марше на пленуме ФКП 5-6 ноября 1975 г.). Вашим словам не поверят. Да и глупо было бы верить. Социализм — явление интернациональное, притом находится в процессе созидания, не имеющее готового образца. Поэтому идущие вслед обязаны использовать опыт впереди идущих. А что мы там видим? В СССР хоть наиболее отвратительные внешние симптомы культа личности ликвидированы, а вот недавно я случайно наткнулся на журнал "Корея", так там "Великий вождь, Красное Солнце" Ким Ир Сэн ловит удочкой карасей. Да не просто ловит, а одновременно думает о благе своего народа. Тошно смотреть. Стыдно, что это тоже "коммунист".

Так вот, пока социализм выглядит так, как он выглядит в "социалистическом лагере", можно ввести в заблуждение показом рекламных картинок не только епископа Стоквуда, но раньше или позже истина все же обнаружится. Даже не очень искушенные в политике люди не смогут не задуматься над вопросом, почему берлинскую стену построила и заминировала демар-

кационную линию ГДР, а не ФРГ, почему бегут, рискуя жизнью, из первой во вторую, а не наоборот. Стоит епископу Стоквуду встретиться с умудренным жизнью и опытом ума 80-летним председателем Всесоюзной церкви верных, свободных христиан Адвентистов Седьмого Дня (ВАСД) В.А. Шелковым, как все его умственные миражи рассеются. Ибо что сможет Стоквуд противопоставить тому факту, что начиная с 1930 года Шелков арестовывался трижды и провел в заключении в общей сложности 23 года, из них 55 дней в ожидании казни (в камере смертников). И все это за чисто религиозную деятельность и за отстаивание свободы мысли и других общечеловеческих свобод.

Хотя, может, на пути Стоквуда попадет не адвентист Шелков, а православный священник Дудко Дмитрий Сергеевич, богословское образование которого включает и 8,5 лет советских концентрационных лагерей.

А может, это будет и не Дудко, а баптист Винс, только что осужденный на длительный срок заключения. Или простая женщина-католичка из Литвы, Нийоле Садунайте, которая в своем последнем слове на суде над нею 17 июня 1975 года сказала:

”Этот день самый счастливый в моей жизни: меня судят за ”Хронику ЛКЦ”, которая борется против духовной и физической тирании. Значит меня судят за правду и любовь к людям!.. Мне выпала завидная доля не только бороться за права народа, но и быть осужденной, мое наказание будет моим триумфом... С радостью пойду на рабство за свободу других. И согласна умереть, чтобы другие могли жить”.

В общем, кого-нибудь из числа гонимых за веру он обязательно встретит. Не может не встретить, поскольку в стране существует узаконенное гонение на религию.

В 1929 году, вопреки ленинскому декрету от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви, было принято законодательство о культах, которое снова соединило государство с казенными, т.е. во всем зависимыми от государства, религиями и атеизм (как господствующую религиозную систему) с государством. По сути создана диктатура госатеизма с вмешательством в сферу религии и личных убеждений каждого, с применением жестоких репрессий к верующим особенно. К тем, кто пытается проповедовать вероучение и

вступает тем самым в борьбу с госатеизмом, т.к. последний находится в резком противоречии с Декларацией прав человека и с Пактами о правах, ратифицированными Советским Союзом. Стоквудам об этом законодательстве не говорят. Законодательство о культах не популяризируется. Перед стоквудами разыгрываются идилические картинки, поэтому стоквудам можно простить их заблуждения.

Нельзя простить коммунистам, особенно руководителям компартий, то, что они, видя пороки системы, молчат о них, убеждая себя и других в том, что критика может принести вред. Нет, вред приносит ваше молчание. Неразоблаченные до конца величайшие преступления сталинизма не только нас душат, но и вас покрывают несмываемой грязью.

В СССР началось великое очистительное движение от мерзостей сталинизма. Огромная работа проделана в этом направлении 20-м и 22-м съездами КПСС. Но главное впереди. Суть этого главного в упоминавшейся уже резолюции XXXIV съезда КПВ. Дело в том, что в КПСС, особенно в ее верхах, вскоре после 20-го и особенно после 22-го съездов возникло серьезное противодействие линии, намеченной этими съездами. А это усилило, не могло не усилить, процесс пробуждения антидиктаторских общественных сил нашей страны. Я имею в виду движение, получившее на Западе название "инакомыслия", "диссидентства". Мы, участники этого движения, называем его иначе — "движение на Голгофу". И это единственно правильное название, так как объединяет нас только одно — готовность идти на любые личные жертвы в знак протеста против бесправия, в котором пытаются удержать наш народ.

Сейчас в Омской тюрьме умирает мой друг Мустафа Джемилев. Этого 32-летнего крымского татарина уже трижды осуждали по заведомо ложным обвинениям и сейчас пытаются сделать это в четвертый раз.* У него нет другого способа борьбы против явного произвола, кроме голодовки протеста. И он голодает

* 15 июля 1976 года Мустафа Джемилев был осужден на 2,5 года лагерей строгого режима. Сейчас он находится в лагере в Приморском крае в советско-китайской пограничной зоне. (Прим. А.Г.)

уже шестой месяц. Он часто теряет сознание, сердце дает перебои, но не сдается. Подумайте только, какой ужас! Небольшого роста, исхудавший до скелетного вида человек непреклонной воли и духа, мягкий и чуткий к чужой беде, не только не совершивший преступлений, но и неспособный на них, не может найти защиты от явного произвола в стране, руководители которой называют ее страной строящегося коммунизма. Он должен умереть только потому, что кучка взбесившихся бюрократов выбросила, творя этот произвол, крымско-татарский народ с его исторической Родины, а Джемилев не хочет признать этот произвол законным. Кто же прав: те, кто кричат о 1000 человек, высланных с острова Диего-Гарсия, как о страшном геноциде, или тот, кто требует прекращения более чем 30-летнего геноцида по отношению к более чем 800-тысячному народу крымских татар? Мустафа не коммунист. Наоборот, с именем коммунистов у него связан непрерывный дикий произвол по отношению к его народу и к нему самому.

Одновременно на другом конце страны — в Днепропетровске в тюрьме, называемой спецсхбольницей, совершается убийство интеллекта у второго моего друга — коммуниста Леонида Плюща.* Выдающийся математик, он мог бы жить сытой, обеспеченной жизнью. Но его беда в том, что партбилет он считает далеко не главным признаком коммуниста. Он поднимал голос протеста против незаконных преследований "инакомыслящих". Это послужило причиной обыска, во время которого обнаружилось, что на досуге Л. Плющ увлекается марксистской философией. Это, в особенности острая критика извращений в марксистском учении о государстве, и послужило причиной ареста и последующего заключения в спецсхбольницу, что является уделом всех коммунистов, осмеливающихся критиковать ошибки и теоретическую нищету партийных иерархов.

Еще один мой друг, член коммунистической партии с 1920 г. — Сергей Писарев, в сталинские времена перенес 43 допроса с пытками, которыми был искалечен на всю жизнь (разрыв связок позвоночника), впоследствии прошел еще и через спец-

* Леонид Плющ в начале 1976 года был выслан из СССР и в настоящее время проживает во Франции. (Прим. А.Г.)

психбольницу. А "преступление" только одно — боролся и борется за освобождение из заключения людей, в невиновности которых уверен.

Упомяну еще одного очень близкого мне человека — коммуниста Генриха Алтуняна. Только за то, что выступил в мою защиту и солидаризировался с моими высказываниями, он (последовательно): исключен из партии, уволен из армии, арестован и отбыл три года в заключении, а после этого лишен права работать по специальности (он радиоинженер).

С коммунистами вообще обращаются наиболее беспощадно. Друзья Алтуняна — коммунисты Владислав Недобора, Владимир Пономарев и Аркадий Левин, которые солидаризировались с Алтуняном, исключены из партии и вслед за ним отправлены на три года в лагерь. После отбытия срока все они, как и Алтунян, лишены возможности работать по специальности.

А. Левин в настоящее время гражданин Израиля и, если вы пожелаете, сможет рассказать об этой безсудной расправе более подробно.

Выдающийся украинский писатель-фантаст, инвалид Великой Отечественной войны коммунист Микола Руденко,* чтобы овладеть по-настоящему жанром фантастики, углубился в науки, особенно в философию. Выводы, к которым он пришел, заставили его обратиться в ЦК КПУ. В течение ряда лет писал он туда, внося предложения, просил разобраться. Истины, которые он излагал, настолько очевидны и важны, что логично было бы немедленно взяться за их изучение и реализацию. Но логика уступила место расправе. М. Руденко исключен из партии, изгнан из писательской организации и лишен возможности публиковаться, т.е. у него отняли право на самовыражение и на то, чтоб он мог зарабатывать свой хлеб присущим ему способом. Теперь он, немолодой, искалеченный войной человек, вынужден работать сторожем, живя в комнатенке, из которой его мо-

* Микола Руденко — глава Украинской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, был арестован. Одновременно с ним арестованы член Украинской Группы О. Тихий и глава аналогичной Московской Группы член-корреспондент Академии Наук Армянской ССР Юрий Орлов и член Московской Группы А. Гинзбург. (Прим. А.Г.)

гут выселить в любой момент, т.к. она является "служебной". При этом он находится под постоянной угрозой ареста, поскольку от своих взглядов не отказался.

Моя жена — коммунистка Григоренко Зинаида Михайловна исключена из партии и лишена средств существования только за то, что отказалась признать меня невменяемым и осудить мои взгляды, а наоборот, вступила в борьбу за мое освобождение из спецсиббольницы, т.е. по сути за мою жизнь, и пять долгих лет вела эту мужественную борьбу, находясь под постоянной угрозой ареста.

Наш младший сын — Григоренко Андрей Петрович, чтобы остаться в комсомоле и в институте, должен был выступить на комсомольском собрании с осуждением моих взглядов и действий, а он выступил с их разъяснением и отстаиванием. За это его исключили и из комсомола, и из института. Не собранием. Оно, наоборот, выразило сочувствие. Но такие "ошибки" масс легко исправляются... бюрократическим аппаратом. Комитет комсомола и дирекция сработали безотказно, выполнив в точности директивы КГБ.

"Проработка" на собрании, которой был подвергнут наш сын Андрей, является одним из важных методов террора против инакомыслящих. Далеко не каждый проходит через такие собрания, не склонив головы. "Проработочные" собрания готовятся заблаговременно и очень тщательно. Роли распределяются заранее и распределяются таким образом, чтобы оказать неотразимое моральное давление на "прорабатываемого", тем принудить его отказаться от своих взглядов и просить прощения, давая обязательство никогда не повторять своих ошибок. Не брезгают никакими методами, чтобы запугать и сломить волю "заблудшего".

Вот пример. Жена упомянутого выше коммуниста-украинца Недоборы Владислава еврейка — инженер Софья Зиновьевна Карасик — подверглась "проработке" за то, что подписала заявление "В защиту П.Г. Григоренко". Так на этом собрании были открытые погромно-черносотенные выступления, носившие откровенно антисемитский характер. И никто, кроме самой Софьи Карасик, не дал им отпора. Я не имею возможности более подробно осветить этот мерзейший способ подавления человеческой личности. Если у вас возникнет желание узнать о

нем побольше, вы сможете проинформироваться у упоминавшихся выше бывшего советского коммуниста, ныне гражданина Израиля А. Левина, а также у моего сына Андрея, который ныне живет в Мюнхене.*

Да, наш сын эмигрировал в ФРГ и сделал это по моей инициативе. Можете себе представить ужас царящего здесь произвола, если отец направляет в эмиграцию любимого сына. Не просто сына – самого близкого друга. Расстается с ним не на день, не на месяц, даже не на годы – на всю жизнь, если порядки в нашей стране не переменятся. Так вот, этого моего друга – сына вы можете расспросить об всем. Неправды он не скажет.

Хотя насчет "проработок" вам вряд ли нужно кого-либо спрашивать. Вы воочию видели, как это делалось в отношении Солженицына и Сахарова. Не только видели – ваша печать принимала участие. Во всяком случае советские газеты помещали изложение ругательств западной коммунистической прессы в их адрес. Вот и вчера (25 ноября 1975 года) "Правда" опубликовала под заголовком "Отповедь отщепенцу" изложение несправедливой по отношению к Сахарову ругательной статьи в "Юманите". Я вполне допускаю, что есть люди, несогласные со взглядами Сахарова, но выступать на стороне его гонителей, заведомо зная, что на родине его непрерывно травят, не дают рта раскрыть и держат под постоянной угрозой репрессий, не очерь благородно. Неужели можно одобрить псеведение того, кто, увидев, как избивают человека со связанными руками и заткнутым ртом, присоединится к толпе поощрительно улюлюкающих типов? А ведь поведение вашей печати в отношении Солженицына и Сахарова аналогично поведению улюлюкающих. Разумеется, ваша печать вправе не соглашаться с любыми высказываниями и иметь собственное мнение по любым вопросам, но если она честная печать, то в данном случае ее долг заявить: "Мы не согласны со многим у Сахарова (Солженицына), но мы ничего не скажем против, пока их труды не будут опубликованы на их родине". К сожалению, ваша печать ведет себя таким образом, что советские газеты имеют возможность вести трав-

* А. Григоренко переселился в Соединенные Штаты.

лю Сахарова от имени вашей печати, не прибегая к внутренним материалам.

Мой собственный "путь на Голгофу" начался на партийной конференции Ленинского района гор. Москвы 7 сентября 1961 года. За "страшное преступление" — выступил вопреки желанию партаппарата и притом внес такие "ужасные" предложения, как ликвидация высоких окладов должностным лицам партийного и государственного аппарата и их широкая сменяемость. За эти "преступления" получил самое строгое партийное взыскание, снят с должности начальника кафедры Военной академии и отправлен на Дальний Восток. Не согласился с незаконными репрессиями, а впоследствии еще и установил связь с "инакомыслящими" и стал выступать против всех становившихся мне известными незаконных репрессий. За это в последние полтора десятка лет подвергся следующим репрессиям: после двух лет пребывания в ссылке на Дальнем Востоке арестован, признан невменяемым и направлен в спецпсихбольницу, одновременно разжалован из генералов в рядовые и уволен из армии без выплаты жалованья за время со дня ареста, без выходного пособия и без пенсии (пенсия — 120 рублей, вместо положенных по закону 300 руб., назначена только через 20 месяцев после ареста); затем второй арест, снова спецпсихбольница и лишение пенсии. Последнее — репрессия специально против жены. Это наказывали ее, оставляя двух инвалидов — жену и сына инвалида детства — без всяких средств существования. Жену наказывали за выступление в защиту мужа. Наказывали незаконно и даже не скрывали этого.

Таким образом, из 15 прошедших лет — 2 года ссылки и 6,5 лет — подвал КГБ и ужаснейшие тюрьмы, называемые спецпсихбольницами. При этом почти 7 лет без пенсии и какого-либо другого дохода. Самое возмутительное то, что такие наказания, как разжалование и увольнение из армии без выплаты жалованья и выходного пособия, лишение пенсии и уменьшение ее с 300 до 120 рублей, по действующим законам недопустимы по отношению к лицам, признанным по суду невменяемыми. Несмотря на это, найти правовую защиту оказалось невозможным. Ни на одно заявление мое и моей жены никто даже не ответил — ни суд, ни прокуратура, ни правительство, ни руководство партии, ни Президиум Верховного Совета СССР. Бюрократический

аппарат своим глухим долголетним молчанием демонстрирует, что он всемогущ перед личностью, что он сможет сделать с ней все что угодно. Может в порошок стереть, и никакие законы ее не защитят.

Цель движения "инакомыслящих", цель, которую никто никогда не формулировал, но которая ясно видна из практики, состоит в том, чтобы показать, что практика государственного подавления инакомыслия опирается не на писанные законы, а на произвол. Каждый, кто включается в это движение, разоблачает произвол, ставя под удар только себя самого, и избирает способ действия по своему разумению и по своим возможностям.

Владимир Буковский добывает 10 заключений психиатрических экспертиз, из которых совершенно ясно, что в психически невменяемых превратили здоровых людей, и делает эти заключения достоянием гласности. За это он получает 12 лет неволи. Это плюс к тем шести, которые он отбыл ранее за аналогичные "преступления". Таким образом, начав свою деятельность по разоблачению произвола 20-летним юношей, он торит свой путь по жизни через лагерь и тюрьму; и закончит свой последний 12-летний срок на пятом десятке. Вся жизнь отдана служению людям. Это ли не подвиг. Это ли не героизм. Я горжусь тем, что такой человек наградил меня своей дружбой.

Я сказал — закончит свой последний 12-летний срок на пятом десятке. К несчастью, он может его не закончить. Система пыток голодом, которую к нему применяют, может свести его в могилу, если вы не поднимете свой протестующий голос, не добьетесь скорейшего освобождения этого мужественного и благороднейшего человека.*

Семен Глузман — врач-психиатр, который никогда со мной не встречался,— на основании того, что было мною опубликовано в "Самиздате"; и по дошедшим до него материалам предварительного следствия и суда написал и опубликовал "Заочную психиатрическую экспертизу на Григоренко П.Г.". Расплата — 7 лет тюрьмы и лагеря.

Валентин Мороз после отбытия первого срока, который он

* Буковский был обменен в конце 1976 года на Председателя Чилийской компартии Луиса Корвалана. В настоящее время проживает в Швейцарии. (Прим. А.Г.)

получил за разоблачение русификаторских действий властей на Украине, написал "Репортаж из заповедника им. Берия", где показал бесчеловечность современных советских лагерей и тюрем. "Награда" — новый огромный срок.

Эдуард Кузнецов идет на попытку угона самолета, хотя заведомо знает, что попытка не удастся, т.к. он и все его друзья плотно обложены агентами КГБ. Но он как герой идет на этот еще более отчаянный подвиг, чем вызов огня на себя. В результате арест и смертный приговор. Но дело его, как он и надеялся, всколыхнуло весь мир, привлекло внимание мировой общественности к еврейской эмиграции из СССР, продемонстрировало перед всем миром двуличие властей, которые одной рукой не дают разрешения на выезд, а другой держат заявление, утверждающее, что среди советских евреев нет желающих эмигрировать.

Волна протеста, прокатившаяся по всему миру, спасла жизнь Эдуарда, но, к сожалению, мы, советские коммунисты, вставшие на "путь к Голгофе", не слышали голоса мировой коммунистической общественности. Мы вообще не слышим ее голоса и потрясенные спрашиваем себя: "Почему это, если коммунистов томят в тюрьмах Чили, то этим надо возмущаться, а если коммунисты вместе с другими ни в чем не повинными честными людьми во много раз большем количестве заточены в бесчеловечные лагеря и тюрьмы Советского Союза, то надо либо молчать об этом, либо находить оправдание?"

Только теперь, наконец, "Юманите" высказалась в защиту Леонида Плюща, представители итальянской и французской компартий выступили с упоминавшимся уже заявлением, их поддержала испанская компартия, а съезд КПВ принял эпохальную резолюцию о КПСС. Но откуда узнаем об этом мы — советские люди? В советской печати об этом ни строчки. Ваши газеты с этими документами в продажу не допущены. Значит, единственные, кто нас информирует, — это "Би-Би-Си", "Голос Америки", "Немецкая Волна", "Свобода" и другие аналогичные радиостанции. Но их глушат. Да, дорогие товарищи, глушат. Вот, кстати, вам вопрос для размышления. Полагаю, у вас найдутся экономисты, способные подсчитать, сколько это стоит. Думаю, немало. Глушилками ведь вся страна покрыта. А поищите в бюджете — где записаны средства на это? Вот вам и обра-

зец того, как советское правительство информирует свой народ и как оно отчитывается перед ним за производимые расходы.

Почему вы молчите? Почему вы миритесь с тем, что информация о вашей деятельности извращается? Возьмем для примера XXXIV съезд КПВ. В сообщениях о съезде резолюция, прямо направленная в адрес КПСС, даже не упомянута, но зато говорится, что съезд отметил: "Советский Союз и другие социалистические страны продолжают свое неуклонное движение вперед, не зная ни безудержной инфляции, ни массовой безработицы". Не будем здесь обсуждать данную оценку. Это оссбая тема. Но совершенно же очевидно, что без упоминания о резолюции, относящейся непосредственно к КПСС, информация о съезде, мягко выражаясь, необъективна. Но вы молчите. Позволяете информировать о ваших делах необъективно. При таком вашем поведении можно подумать, что отдельные ваши демократические высказывания предназначены только для "внутреннего употребления" и нужны вам лишь как тактический ход в борьбе за власть.

Честная политика коммунистических партий не может не заботиться об интересах всего коммунистического движения. А эти интересы требуют критического анализа опыта СССР. Недостаточно сказать, как сказал Жорж Марше, что ФКП добивается " ... социалистического общества, которое будет самой передовой демократией в истории страны". О передовой демократии мы слышаны. КПСС говорит о ней куда больше, чем ФКП. А нам, как и французским, и итальянским, и английским, и испанским и всем другим коммунистам, важно знать, приемлете ли вы "передовую демократию" СССР или нет? Если не приемлете в целом, то что из нее для вас приемлемо?

Вы все почему-то пугаетесь жупела "вмешательство во внутренние дела". Но, во-первых, то, что делается в Советском Союзе, не может быть только его внутренним делом. Об этом сказал Ленин еще в начале становления республики советов. Он говорил, что теперь о социализме будут судить не по ученым трактатам (следовательно, и не по заявлениям руководителей западных компартий), а по живой практике Советского государства. Именно поэтому он называл нашу страну детищем мирового пролетариата. Но ни один настоящий родитель не может быть безразличен к тому, как растет и во что вырастет его де-

тище. Следовательно, надо вмешиваться, по крайней мере выступать с критикой по тем вопросам, где дело касается принципов, являющихся общими для всех, кто идет или намеревается идти по пути социализма.

Во-вторых, на вмешательство во внутренние дела СССР надо смотреть с той же точки зрения, с какой смотрят на вмешательство во внутренние дела всех других стран. Вот Луиджи Лонго в связи со смертью Франко пишет в газете "Унита":

"Сейчас перед испанским народом, перед всеми демократическими силами Европы и всего мира встает проблема ликвидации наследия диктаторского режима. После смерти Франко должен умереть и франкизм." И далее: *"Уход диктатора, ... сам по себе не ведет к решению проблемы Испании... Для восстановления демократии в стране необходима борьба всех политических и социальных сил, вовлечение в нее широких народных масс... всех тех сил, которые подвергались репрессиям со стороны франкистского режима за свое стремление к свободе и прогрессу Испании. Широкая и объединенная борьба за глубокие коренные изменения в Испании необходима прежде всего потому..., что реакционные силы, обладающие силой и властью, хотели бы после смерти Франко придать окраску некоторой либерализации старому режиму и сохранить его сущность. Борьба между старым и новым ... уже началась... народы Европы должны рассматривать ее не как посторонние зрители, а как активные участники, ставшие на сторону всех прогрессивных сил Испании".* И наконец: *"Прямая обязанность и долг всех народов и правительств... заключается в том, чтобы внести активный вклад и оказать полную поддержку рождению новой Испании, ее обновлению, прогрессу"*. (Цитирую по "Правде" от 25 ноября 1975 года. Курсив везде мой — П.Г.)

Эту программу тов. Лонго, по-видимому, не считает вмешательством во внутренние дела Испании. Ну, а если мы в приведенной цитате заменим "Франко", "франкизм", "франкистский режим", "Испания" на "Сталин", "сталинизм", "сталинский режим", "СССР", то суждения Лонго станут неверными? В этом случае на них следует смотреть как на попытку вмешательства во внутренние дела, как на возрождение нравов "холодной войны"?

Для СССР "уход диктатора... сам по себе" приведет к реше-

нию всех проблем? Или, может, Сталин и не был диктатором? Может, он вообще не существовал? Значит, не нужна и *"широкая объединенная борьба за глубокие коренные изменения"* в СССР? Не нужно *"вовлечение в нее широких народных масс"*? В СССР не остались от сталинщины *"реакционные силы, обладающие силой и властью"*; которые *"хотели бы после смерти"* Сталина *"придать окраску некоторой либерализации старому режиму и сохранить его сущность"*? Разве народы Европы, компартии в том числе, должны рассматривать борьбу между старым и новым в СССР не *"как активные участники, вставшие на сторону всех прогрессивных сил"* в СССР, а *"как посторонние зрители"*?

В применении к СССР, Сталину, сталинизму *"прямая обязанность и долг всех народов и правительств"* состоит не в том, чтобы *"внести активный вклад и оказать полную поддержку... обновлению и прогрессу"* в СССР?

Неужели западные коммунисты думают так? А если нет, то почему молчат? Даже те действия КПСС, которые до крайнего предела компрометируют все коммунистическое движение (грубое попрание прав человека и жестокие незаконные репрессии внутри СССР, интервенция в дружественные страны), критике не подвергаются и должной оценки не получают. В результате движение *"за обновление и прогресс"* в СССР получает поддержку только из демократических (некоммунистического направления) кругов цивилизованных стран мира. Это очень опасное явление для коммунистического движения. При этой тактике оно легко может оказаться за бортом действительного прогресса. Чтобы ликвидировать создавшееся ненормальное положение, коммунисты всех стран должны самым решительным образом поддержать резолюцию последнего съезда КПВ и в первую очередь *добиться амнистии для всех политических заключенных в СССР*. Надо решительно выступать в защиту прав человека, против жестоких незаконных репрессий не только в Чили, но и в социалистических странах, прежде всего в Советском Союзе.

Всему миру ныне известны имена двух великих людей нашего времени — Андрея Сахарова и Александра Солженицына. Бесспорно, подобные люди в любой демократической стране были бы национальной гордостью. А вот в СССР А. Солженицын в течение длительного времени подвергался жестокому незакон-

ным репрессиям, а затем, после разнузданной черносотенной травли в печати, изгнан из страны. А. Сахарова травят до сих пор, терроризируют угрозами физической расправы с ним и членами его семьи, подвергают всяческой дискриминации. Весь мир возмущенно протестует против такой дикости. Почему же молчат коммунисты? Не хотят выступать против своих? Но это недостойный поступок. До сих пор так поступали только в преступном мире. Неужели можно допустить, чтобы нравы этого мира проникли в политику?

Отношение советских властей к Солженицыну и Сахарову не эпизод. Это общая линия, направленная на подавление всего мыслящего. Поэтому коммунисты тем более не имеют права молчать.

Я уже называл талантливого украинского писателя и философа, инвалида войны коммуниста М. Руденко, который подвергнут репрессиям только за то, что мыслит не по установленному свыше стандарту, а по собственному разумению. Назову еще нескольких репрессированных за аналогичные "преступления".

Арестованы и предаются суду биолог Сергей Ковалев и математик Андрей Твердохлебов.

Первому из них инкриминируется участие в издании "Хроники текущих событий"* и "Хроники Католической церкви".

Мне не известно, кто фактический издатель и той и другсй. Но мне хорошо знакомы оба издания. Я считаю, что это гениальное открытие движения инакомыслящих. Без этих изданий людям невозможно было бы видеть скорбное "шествие на Голгофу" лучших людей наших народов. Судить ни за первую, ни за вторую невозможно даже по советским законам. "Хроники" сообщают только проверенные факты без политической их оценки. И в этом их сила. Собранные вместе описания актов произвола и без комментариев производят потрясающее впечатление. Кто не читает "Хроники", тот не знает многого очень важного об СССР. Коммунистическим партиям капиталистических стран непростительно не знать публикуемые в них факты. Я обращусь в Нью Йорк к издателю Валерию Чалидзе с просьбой выслать

* "Хроника текущих событий" переиздается на русском и английском языках издательством Chronika Press, 505 8th Ave, New York, N.Y. 10018. (Прим. — А.Г.)

вам по одному комплекту "Хроник". Но вы бы и сами могли произвести подписку на все издания нашего "Самиздата", издаваемые в Нью Йорке Валерием Чалидзе, который сам до недавнего времени жил и работал в Москве, подвергаясь всем опасностям, окружающим нас и теперь. Если вы хотите знать СССР не только по рекламным картинкам, то вы произведете эту подписку.

Я не знаю, что будет предъявлено в качестве официального обвинения Андрею Твердохлебову, но фактически его преследуют за создание советской группы "Эмнисти" и за участие в ее работе.

Оба, безусловно, будут осуждены. Советский суд не может оправдать людей независимой творческой мысли.* После отбывания срока к научной работе их не допустят. Если вы не согласны с такими действиями советских властей – протестуйте! Если не верите мне – добейтесь, чтобы ваших доверенных представителей допустили на суд, и убедитесь в правдивости или ложности моего сообщения.

Все, кого я упоминал в настоящем письме, высокоталантливые люди. Не всем из них удалось закончить высшие учебные заведения. У Мустафы Джемилева и Владимира Буковского на пути встала тюрьма, но ни тот ни другой не остановились. Джемилев вырос в талантливого общественного деятеля и писателя, Буковский в тюрьме закончил университетский курс биофака и занимается научной работой в области биологии. Чтобы понять, какой это подвиг, надо самому побыть в заключении в советской тюрьме.

Продолжает в условиях тюрьмы свои научные исследования талантливый астроном Кронид Любарский.** Между тем, на воле готовятся лишить его ученого звания. Когда один из его бывших сотрудников указал на то, что Любарский результативный ученый, представитель ВАК заявил:

"Его научное лицо не имеет значения. Мы должны исходить

* Сергей Ковалев осужден на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки, а Андрей Твердохлебов – на 5 лет ссылки. (Прим. – А.Г.)

** Кронид Любарский был лишен постановлением ВАК ученой степени. (Прим. – А.Г.)

из оценки его общественного поведения. А эту оценку дал суд. Любарский ни до суда, ни в тюрьме не раскаялся, и это для нас важнее всего.”

В тяжелых лагерных условиях находятся: литературовед Габриэль Суперфин, украинский писатель Черновол и многие другие. В сибирской ссылке писатель очень яркого дарования и мужественный борец против произвола Анатолий Марченко.

Мне хотелось бы продолжать и дальше сей скорбный и гордо-героический список, без конца рассказывать о молодых дарованиях, беспощадно подавляемых бесчувственной бюрократической машиной, о наиболее смелой и стойкой творческой молодежи нашей страны. Но знания мои ограничены, а объем письма не позволяет слишком расширять список. Поэтому, как мне ни грустно, я остаюсь в долгу перед многими, кого знаю лично, и еще перед большим числом тех, с кем лично незнаком.

Особенно велик мой долг перед так называемыми ”националистами” стран, имевших собственную государственность,* — Литва, Латвия, Эстония, а также перед участниками еврейского движения за выезд на национальную родину. После того как Генеральная Ассамблея ООН при самом активном участии советской делегации приняла позорную антисемитскую резолюцию, коммунисты обязаны особенно решительно и бескомпромиссно поддерживать это движение.

Я заканчиваю. Луиджи Лонго в цитированной статье совершенно правильно говорит, что после смерти диктатора нельзя ограничиться тем, чтобы *”придать окраску некоторой либерализации старому режиму и ссхранить его сущность”*. К сожалению, сущность сталинского режима во многом сохранилась.

*

П.Г. имеет в виду в недалеком прошлом, так как в более ранние периоды истории все нерусские народы имели свою национальную государственность, которая была этими народами утрачена в силу непрерывной экспансионистской политики правящей верхушки Российской империи. В период Гражданской и национально-освободительных войн на территории современного СССР национальная государственность была восстановлена большинством этих наций. Однако уже к середине 20-х годов империя почти полностью была восстановлена. Правительству во главе с Лениным не удалось восстановить контроль Москвы только на территориях пяти стран: Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. (Прим. — А.Г.)

Теперь нет столь массовых арестов, как при Сталине. Но осталось главное — полная нетерпимость к свободной мысли. Это не выступает столь ярко, как в прежние времена, когда эта мысль душилась открыто. Теперь для ее удушения научились подбирать уголовные статьи. Диктатура личности устранена — заменена коллективным руководством. Но государственная олигархия, как в прошлом диктатор, неподконтрольна народу и партии. Карательные органы стали еще мощнее, но им пока не дают той рабочей нагрузки, которую они имели при Сталине.* Однако весь арсенал способов подавления сохраняется. В применении карательные органы тренируются на "инакомыслящих". Вызов в карательные органы "для воспитания",

* Дело, однако, им находят.

У памятника Маяковскому собирается несколько юношей, чтобы почитать и послушать стихи. Сейчас же вокруг них накапливается сотенная толпа КГБистов в гражданском, чтобы путем провокаций ликвидировать "сборище".

Семь человек приходят на Красную площадь, садятся в тихом уголке, там, где нет никакого движения, и выставляют лозунги протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Тут же на них налетают многие десятки "защитников безопасности"; опять же одетые под частных граждан, — избивают и уволакивают демонстрантов в тюрьму. (Впоследствии они еще будут и лжесвидетельствовать в суде, утверждая, что демонстранты грубо нарушали общественный порядок.)

Группа художников на пустыре выставляет свои произведения (помещения для них власти не нашли). Тут же пустырь заполняется "блюстителями безопасности", картины рвут, художников избивают.

Люди собрались в молитвенный дом — то ли в синагогу, то ли в какой другой — обязательно появляется многочисленная "охрана порядка" — развязная, наглая, следящая не за порядком, а за тем, чтобы испортить людям молитву, а может, и арестовать кого-либо.

Идет праздничная манифестация. Весь путь ее движения и сами колонны буквально прошиты агентами КГБ.

В настоящее время в связи с приближением 25-го съезда КПСС многие граждане СССР, права которых попораны бюрократией, пишут на съезд, посылают делегации в ЦК. И вот весь аппарат КГБ трудится над тем, чтобы не допустить этот крик народный до съезда. Несколько крымских татар, буквально прорвавшиеся сквозь заставы КГБ из Ташкента, рассказывают ужасающие картины. Все выезды (аэродром, вокзал, шоссе) перехвачены КГБистами. Татар задерживают, обыскивают и отбирают петиции, которые они везут в ЦК на имя съезда, и сжигают их. Отбирают также проездные билеты. Деньги, правда, возвращают.

Много и других, столь же полезных, дел в активе КГБ. Я в 1968 году писал Ю.В. Андропову, что слежением за мной занято 26 человек. С тех

предупреждение, "проработка" на собрании, исключение из партии, комсомола, профсоюза, увольнение с работы, лишение возможности работать по профессии или в данной местности, запрещение жить в определенном районе (литовцам, например, предписывают выехать за пределы Литвы), наконец, арест и осуждение с отбыванием наказания в лагере обычного, строгого, особо строгого режима, в тюрьме или спецпсихбольнице (та же тюрьма, но худшего типа), после освобождения ряд дискриминационных действий властей: установление надзора, запрещение жить в определенных районах, лишение возможности работать по профессии — вот те способы, с помощью которых подавляется мысль, пользуясь которыми неконтролируемая народом власть в любой момент может начать массовый террор, может свергнуть страну в войну.

Устраивает вас коммунизм с такими атрибутами? Если нет, заявите это открыто. Не надо вмешиваться в наши внутренние дела, но скажите, что вам не нужен коммунизм, возрастающий на инъекциях страха. Поставьте неременным условием единства прекращение преследований за мысль, установление в стране, построившей бесклассовое общество, полной свободы получения и распространения информации вне зависимости от границ, свободного обсуждения всех взглядов и событий, происходящих в стране и за рубежом, в том числе действий партийного и государственного аппарата.

Первым же и неременным условием единства должна быть поголовная амнистия всех политических заключенных в СССР и запрещение использования психиатрии как способа подавления "инакомыслия".

Ноябрь-декабрь 1975 года

С уважением —

П. Григоренко

СССР 119021 Москва, Г-21

Комсомольский проспект

дом 14/1, кв. 96

тел. 246-27-37

пор я более пяти лет отсидел в тюрьме, а люди, о которых я писал, так и оставались и сегодня остаются задействованными на такой "важной" работе. (Прим. — П.Г.)

О ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ СССР

По поводу специальных психиатрических больниц я уже однажды выступал.

Осенью 1968 года надо мной нависла угроза ареста. Особенно ясно это стало после того, как я выступил 14 ноября 1968 года на похоронах моего друга писателя Алексея Костерина, и после обыска, проведенного у меня через пять дней после похорон.

Я решил: надо готовиться. И готовиться именно к психиатричке. Почему именно к ней? Да потому, что законов я не нарушал и судить меня с точки зрения закона не за что. Но для властей я стал "персона нон грата".

Я слишком открыто и безбоязненно разоблачал ложь и произвол и тем подавал опасный для властей пример. Надо было припугнуть моих возможных последователей и закрыть рот мне самому. Я должен был понять это и предупредить общественность о надвигающейся на меня расправе, раскрыть ее сущность. Именно с этой целью я написал коротенькую записку друзьям о вероятности моего ареста и очерк "О специальных психиатрических больницах ("Дурдомах)". Очерк пустил в "Самиздат". Наталья Горбаневская включила этот очерк в свою книгу "Полдень", а оттуда он перекочевал в сборник "Казнимые сумасшествием" и таким образом приобрел широкую известность.

В своем очерке я писал: "Идея психиатрических специальных больниц сама по себе ничего плохого не содержит, но в нашем специфическом осуществлении этой идеи нет ничего более преступного, более античеловеческого".

Сейчас я глубоко раскаиваюсь в том, что написал это. Нет ничего более ошибочного и вредного, чем данная фраза. Но в то время, после первого пятнадцатимесячного знакомства с системой психиатрического "лечения", я так понимал это дело. Потребовалось еще более пяти лет пребывания в руках "психиатров", чтобы понять, что зло не только в осуществлении, но прежде всего в самой идее. Осуществление может меняться в за-

висимости от места расположения "больницы" и состава ее кадров. Первый раз (в 1964-65 гг.) меня "лечили" в Ленинградской СПБ. После нее Черняховская показалась истинным адом. Из Черняховска меня отправили на "долечивание" в 5-ю Московскую городскую больницу — "Столбы", о которой в Москве идет самая мрачная слава. О ней говорят: "Отсюда или никогда не выходят или выходят вперед ногами" (т.е. мертвыми). Мне же после Черняховска она показалась чуть ли не санаторием. Но такого, как творилось в Днепропетровске над Леонидом Плющом, не знает и Черняховск. Сычевка же и особенно Благовещенск несравнимы по ужасам, которые там творятся, даже с Днепропетровском.

Таким образом, осуществление разное. Но сама разность эта порождена идеей. Именно по идее заключенные специальных психиатрических больниц лишены всяких прав. Они отданы полностью во власть персонала этих "больниц", который никем не контролируем. Вы не можете ни на что пожаловаться. Жалоба никуда не уйдет. Останется в больнице или будет уничтожена. А если бы кто-нибудь когда-то заинтересовался ею, ему будет сказано администрацией, что это просто бред, проявление болезни. Можно не сомневаться, что людская корысть не может не воспользоваться возможностью безнаказанно творить зло. А если к тому же и власти заинтересованы в том, чтобы совершались жестокости, если власти поощряют и выделяют тех, кто особенно жесток и беспощаден к "политическим", то истинное положение заключенных больницы трудно даже представить.

Митгерлих в своей книге о Нюрнбергском процессе 23-х врачей-эсэсовцев "Das Diktat der Menschenverachtung" пишет, что для него самым потрясающим было органическое слияние в одном лице врача и эсэсовца. "Именно отсюда, — пишет он, — холодная бесчеловечность в опытах над людьми".

Но где граница между "просто службой" в учреждении, которое создано для подавления инакомыслия и культивирует бесконтрольность и беззаконие по отношению к своим пациентам, и полным срастанием с преступной организацией политического террора?

А идея спецпсихбольниц в том именно и состояла, чтобы создать учреждения бесконтрольного и не опирающегося на закон политического террора. Именно для этого заключенных этих

больниц лишили всех прав, даже тех, которыми пользуются заключенные тюрем и лагерей, а в "няньки" к ним назначили уголовных преступников и дали этим последним возможность творить со своими подопечными все, что им вздумается.

Я совершил ошибку, оценив положительно идею создания спецпсихбольниц, потому что суждение свое вынес из пребывания в той единственной "больнице", где меня содержали в первый раз. Да и судил я не по предназначению этого учреждения, что скрыто от постороннего взгляда, замаскировано, а по составу заключенных, что сразу бросается в глаза. Чтобы понять истинное предназначение таких "больниц", надо вернуться к истокам.

Первая и единственная тюремная психиатрическая больница была создана в Казани еще до войны для заключения в ней опасных политических противников режима или, как их тогда называли, — "врагов народа". В то время говорилось, что это политическая тюрьма, и держали в ней только политических заключенных. В 1952 году в Ленинграде на Арсенальской был создан аналог Казанской. Здесь тоже тогда не скрывали, что сия тюрьма только для "врагов народа". О ней я писал уже в упоминавшемся очерке.

Но вот Сталин умер, и началась реабилитация. Опустели и политические тюремные психбольницы в Казани и Ленинграде. Но "свято место пусто не бывает". Кому-то не хотелось расставаться с идеей использования психиатрии для подавления политического протеста, и в обе эти "больницы", чтобы продлить их существование, завезли небольшой контингент психически больных, совершивших особо тяжкие уголовные преступления (убийства, изнасилования, грабеж и т.п.). Таким путем кадры политических психбольниц и их традиции были сохранены.

А время не стояло на месте. Появились и недовольные. Во-первых, те, кто не хотел успокоиться на полумерах 20-го съезда. Во-вторых, кто не мирился с попытками ЦК вскоре после съезда пойти назад к частичной реабилитации Сталина и заведенных им порядков. Иными словами, появились политические — люди, несогласные с попытками затормозить, задушить общественное движение за обновление жизни, начавшееся после смерти Сталина. Ничего незаконного в этом движении не было. Наоборот, оно исходило из линии 20-го съезда, отстаивало эту ли-

нию. Следовательно, судить сторонников этого движения по закону невозможно. И вот тут кстати оказались психбольницы. Но там уже укоренились психически больные уголовники. Очистить от них и послать на их место политических значит вызвать нареkanie, что методами психиатрии начали бороться с политически неугодными.

Быстро нашли выход — помещать политических вместе с уголовными психбольными. Тогда все нормально: нет, как прежде при Сталине, психбольниц для политзаключенных, есть просто специальные психиатрические больницы для общественно опасных психических больных, которым нужна особенно строгая охрана.

Между тем, количество политических, коих судить нежелательно, все растет, а мест в двух спецпсихбольницах не прибавляется. Очищать места для политических, освобождая эти "больницы" от тех, кто совершил тяжкие уголовные преступления в состоянии психической невменяемости, значит разоблачить свой замысел. Следовательно, нужное количество мест для политических надо получить путем увеличения числа спецпсихбольниц, каждая из которых заполнена в основном психическими больными, совершившими тяжкие уголовные преступления, но имеет некоторое количество мест для нормальных политических.

В г. Сычевке Смоленской области открывается спецпсихколлония. Затем в г. Черняховске (б. Инстербурге) в бывшей прусской каторжной тюрьме еще одна спецпсихбольница. И пошло... поехало. Во второй половине 60-х и в 70-х годах спецпсихбольницы растут, как грибы после дождя. К настоящему времени только мне известно не менее чем о десятке таких "больниц": Казань, Ленинград, Сычевка, Черняховск, о чем я уже писал, затем Смоленск, где для этой цели занята часть тюрьмы и выстроен новый пятиэтажный корпус одиночных камер, Минск, Днепропетровск, Орел, Свердловск, Благовещенск, Алма-Ата да еще какой-то "спецпсихсанаторий" где-то на Полтавщине или Киевщине. Кроме того, отделения для принудительного лечения образованы во всех пяти московских городских психбольницах и во всех областных психбольницах страны. Тем самым созданы широчайшие возможности для вкрапления психически здоровых политических среди массы психически тяжело больных.

Но одно — условия для вкрапления, а другое — это само вкрапление. Чтобы его осуществить, нужны как минимум врачи, которые бы одновременно представляли и репрессивный орган, врачи, которым можно было бы в открытую сказать: "Такого-то надо признать невменяемым" и которые, обладая врачебным дипломом, а еще лучше высокими научными званиями, могли бы изобретать наукообразные формулировки для признания невменяемыми нормальных людей. Все, кто сталкивался с этой проблемой в СССР, приходят к единодушному выводу, что такие преступные медики — "врачи" и "ученые" имеются. Главными среди них признаются всеми, писавшими на эту тему, доктор медицинских наук профессор Даниил Романович Лунц и члены-корреспонденты АМН СССР Морозов Г.В. и Морозов В.М. Действительного члена АМН СССР Снежневского Тарсис, например, считает милейшим и безусловно порядочным человеком. Я со Снежневским сталкивался. Он председательствовал во время моей первой экспертизы и произвел очень благоприятное впечатление. Благородная внешность, добрый взгляд, понимающее и внешне сочувственное дружелюбное выражение лица — кого это не тронет? Тем более в обстановке, где чувствуешь себя попавшим во враждебную и вредную для тебя среду. Очень высокое мнение сложилось у меня и о профессоре Тимофееве Н.Н. В моем деле он вел себя, как мне представлялось, честно и даже мужественно. Он добивался моего освобождения, восстановления в партии и в генеральском звании, а также назначения положенной мне по закону пенсии.

Но о подобных людях, вероятно, нельзя судить только по личному впечатлению. Милая улыбка и дружелюбный взгляд Снежневского не помешали ему подписать для меня акт экспертизы, равнозначный смертному приговору, если не более страшный. А когда Снежневский заявил корреспонденту "Известий", что в СССР психиатрия стоит настолько высоко, что *ошибка в диагностике* даже рядовых психиатров *"абсолютно исключена"* и что он за 50 лет своей психиатрической практики не знает *ни одного* случая, чтобы нормальный человек был признан невменяемым, мне стало совершенно ясно, что он активный участник творчества лживых экспертиз. Да и не мог он не быть им. Он духовный отец всего нынешнего направления политических психоэкспертиз, идеолог расширительного толкования шизофрении и других

психических заболеваний. С.П. Писарев в своих письмах в ЦК КПСС и самому Снежневскому фактами подтвердил, что этот ученый — преступник, равнозначный тем 23-м, которых судили в Нюрнберге и о которых так убедительно написал Митгерлих.

Совсем в ином свете проявился и профессор Тимофеев Н.Н. в рассказах В. Борисова (ленинградского) и В. Файнберга. Как и в моем случае, Тимофеев понял, что перед ним люди нормальные, но не выписать их он торопился, а сломить. В моей голове не укладывалось это. Я не мог и не хотел поверить своим друзьям. Но, когда я увидел подпись профессора Н.Н. Тимофеева под лживым ответом западным психиатрам, под документом, в котором утверждалось, что в СССР нет ни одного нормального человека, который был бы заключен в психбольницу, я понял, что Н.Н. Тимофеев такой же, как Лунц, Морозовы, Снежневский, и несет такую же, как они, ответственность за заключение в спецпсихбольницы нормальных людей. Отношение ко мне лично было индивидуальным случаем, объяснившимся как смутностью обстановки после снятия Хрущева, так и корпоративными соображениями — *генерал* Тимофеев защищал *генерала* Григоренко.

Итак, спецпсихбольницы и психиатрические экспертизы, возглавляемые единым органом политического террора, представляют собой хорошо отлаженную систему перевода отдельной категории нормальных людей на статут психически невменяемых, с последующей обработкой их как таковых.

Что же это за люди? И почему их надо обязательно превратить в психически невменяемых? Не проще ли просто осудить и направить в тюрьму, лагерь или ссылку, а то так и расстрелять? Ведь при Сталине так и поступали.

Да, при Сталине так было. Но теперь времена иные. Теперь нужна хотя бы видимость обвинения, хотя бы признание обвиняемым своей вины. Сами законы, по которым судят политических, не очень убедительны. Квалификация как преступных, предусмотренных этими законами действий весьма спорна. По этим законам, если вы, например, храните в своей библиотеке книгу нежелательного для властей содержания, то вы можете получить за это 7 лет лагеря строгого режима плюс 5 лет ссылки. Такому же наказанию можно подвергнуться за устные выражения недовольства различными явлениями советской жизни. Пре-

ступными могут быть признаны записи в дневниках, записных книжках, в письмах друзьям и родным.

Классификация преступности обнаруженных произведений, записей и разговоров целиком зависит от органов следствия или даже просто от произвола следователя. У меня, например, изъяли на обыске машинописный экземпляр воспоминаний моего друга о Великой Отечественной войне с его дарственной надписью, изъяли только потому, что в краткой одностраничной аннотации, предварявшей труд, была фраза: "Сталин умер, но посеянные им ядовитые семена продолжают прорастать". Следователь подчеркнул эту фразу и отложил книгу к изымаемым. Были изъяты два самиздатских эссе "Сталин и Грозный — два сапога пара" и "Сталин и Гитлер — два сапога пара" — только за их заголовки. Затем изъяли все, какие нашли, машинописные и рукописные тексты, мотивируя тем, что все это выполнено не в государственных предприятиях, а частным образом. Под занавес, чохом изъяли два чемодана газетных и журнальных вырезок на том "мудром основании", что "для чего-то же Вы их собирали". Была попытка изъять и журнал "Иностранная литература", но среди обыскивавших нашелся человек, заявивший, что это издается официально, и комплект журналов за несколько лет остался у нас.

Крамольным без какого-либо доказывания признается все, изданное за рубежом: книги философского и исторического содержания, большинство произведений художественной литературы, книги религиозного содержания и т.д.

В общем, путь за решетку широко открыт для всякого мыслящего человека в СССР. При таких законах вроде бы можно и не заботиться о подыскании методов подавления. Но советские органы госбезопасности пришли к выводу, что перед растущим политическим протестом бывшие приемы заключения в тюрьмы и лагеря утратили свою эффективность. На политическую арену вышло поколение, не зараженное страхом, с развитым чувством справедливости, поколение не революционеров, а правдолюбцев, сторонников порядка и закона, защитников неотъемлемых прав человека и непоколебимых противников произвола и насилия. Эти люди не идут на нарушение законов страны, даже тех, которые им не нравятся, не вступают в противоречие с законами. Но они упорно отстаивают свои законодательно закрепленные пра-

ва, пользуются этими правами и из-за этого приходят к конфронтации с органами государственного насилия, в противоречие с общественной жизнью страны.

Это как-будто бессмыслица какая-то. На самом деле — это трагедия нашего народа. Многие важнейшие законы советской страны имеют чисто декларативное значение. О правах, декларированных в этих законах (например, свобода слова, печати и т.д.), можно говорить, рассказывать, как хорошо иметь такие права, но нельзя воспользоваться ими. Тот, кто захочет этого, а не получив, заявит, что таких прав у нашего народа нет, будет объявлен антисоветчиком и клеветником. Но одно дело объявить, а другое доказать. Если человек в действительности законов не нарушал и, несмотря на целую систему мер общественного воздействия, давление государственной машины и хитродействия следственного аппарата, не признает себя виновным, не раскаивается, а продолжает отстаивать свои законные права, то открытый суд вряд ли доставит лавры властям. Так что же, не судить? Но ведь пример заразителен. Явление может принять спонтанный характер. Значит, надо наказать, но так, чтобы по форме был суд, а по существу чтоб его не было. Надо таких людей сначала пропустить через психиатрическую экспертизу, приклеить им ярлыки психически невменяемых. А тогда уж на "законном" основании судить их заочно, без вызова в суд, без права защищаться.

Итак, кандидаты в спецпсихбольницу — это люди, совершившие такие действия, которые для властей ненавистны (главные из них — критика действия государственных и партийных органов), но с точки зрения закона преступниками не являются. Это люди, для которых не нашлось статьи в Уголовном кодексе, которых нет возможности наказать иначе, чем через "психушку". "Психушка" — обычная судьба человека, который хочет быть самим собой, хочет говорить, что думает, свободно пользоваться информацией и распространять ее, исповедовать и проповедовать любую религию или не исповедовать никакой, придерживаться своих убеждений и свободно отстаивать их. Мой друг Андрей Амальрик в одном из своих интервью сказал: "Приравнивание критики к сумасшествию — невероятное, ужасающее самообличение режима. Кто же действительно болен в этом обществе? Помещение в "дурдома" — это самое отвратительное из того, что

делает режим. Вместе с тем, это яркий пример полной идейной капитуляции режима перед своими противниками, раз режиму не остается ничего другого, как объявить их сумасшедшими”.

Да, бесспорно капитуляция. Ничего в открытую. Все по-воровски и лживо. Экспертиза в Институте им. Сербского, если орган террора тебя приговорил к спецпсихбольнице, — пустая формальность. Там найдут наукообразную формулировку, а если не найдут, то солгут. Иногда ложь случайно выползает наружу. Так обнаружилась и одна ложь относительно меня. Директор Института им. Сербского член-корреспондент АМН СССР Г.В. Морозов дал интервью корреспондентам журнала “Штерн” и показал им “мою” историю болезни, которую он показывал и иностранным психиатрам. Эта “История” — несомненная фальшивка, ибо из нее корреспонденты “Штерна” выписали такие мои заболевания, каких у меня никогда не было. Например, инсульт в 1952 году с потерей речи и параличом руки. Это такая чушь, которую и опровергать неудобно. Но Институту Сербского эта ложь потребовалась. Он должен был выполнить задание.

Если бы соблюдалась нормальная процедура, то вообще зачем бы мне было попасть в Институт им. Сербского? Ведь экспертиза, проводившаяся в Ташкенте, на прямой вопрос следователя — нужна ли стационарная экспертиза? — записала:

”Григоренко в стационарном обследовании не нуждается, так как его личностные особенности и психическое состояние достаточно полно рисуются материалами дела, данными наблюдения в следственном изоляторе, а также данными, полученными его обследованием в амбулаторном порядке.

Сомнений в психическом здоровье Григоренко при его амбулаторном обследовании не возникло. Стационарное обследование в настоящее время не расширит представление о нем, а наоборот, учитывая возраст, резко отрицательное его отношение к пребыванию в психиатрических стационарах, повышенную его ранимость, — *осложнит экспертизу*” (курсив мой — П.Г.).

Ташкентская экспертиза в составе заслуженного деятеля науки Детингофа Ф.Ф., главного психиатра Средне-Азиатского военного округа полковника м/с Кагана Е.Б. и экспертов, врачей-психиатров Славгородской и Смирновой нашла нужным высказать свое отношение и к моей невменяемости 1964-65 гг. В акт экспертизы записано: “Не исключено, что Григоренко под влия-

янием создавшейся у него в 1964 г. неблагоприятной психогенной ситуации и, имея отдельные своеобразные черты характера, перенес болезненную реакцию, расцененную в Институте им. Сербского как "параноальное развитие"...

Почему же при таких записях в акте экспертизы, назначенной и организованной Ташкентским следствием, последнее вдруг направляет меня на новую экспертизу? По закону следствие может так поступить, но для этого оно обязано мотивировать свое решение. В деле никаких мотивировок нет. Да и откуда им взяться? Выводы акта Ташкентской экспертизы настолько основательны и всесторонне обоснованы, что опровергать их не рискнул даже Институт им. Сербского. Он составил свое заключение так, как будто до этого никакой экспертизы не было.

Но объективная экспертиза в политических делах и не требуется. Здесь нужна такая, "как надо" для госбезопасности. Еще во время первого моего пребывания в Институте им. Сербского я взялся предсказать заключения экспертиз всем бывшим со мною в отделении 11 человекам. И ни одной ошибки не сделал.

Невменяемость, я считал, получают трое — те, кого судить не за что и которые не признают себя виновными сами. Остальные, я считал, пойдут под суд. Так и случилось, хотя среди последних был один явный дебил. И в нынешнем моем случае не мотивировки были нужны — требовалось команду выполнить. Последовал окрик — "нам такого заключения не надо", и меня спецконвоем на самолете доставили за 3000 км и там дают невменяемость.

А что делать, если все мое уголовное дело с точки зрения объективного обвинения — макулатура чистой воды: 21 том макулатуры, включая туда и все мои газетные вырезки. Но все это идет в суд. И нет сомнения, суд тоже сработает безотказно. Это столь же отлаженная машина, как и психэкспертиза. Осечки не будет. Адвокат, даже когда удастся найти не следующего слепо указке властей, может ходатайствовать о чем хочет — судья не удовлетворит ни одного, если это может помешать вынесению нужного определения, которое уже заранее известно: оно аналогично заключению экспертизы.

Вот мой суд в Ташкенте. 21-й том дела, в котором 300 якобы криминальных документов, но на суде упоминаются только три, и ни один не рассматривается, как положено рассматривать в

суде. В ходе следствия допрошено 108 свидетелей, а на суде присутствует всего пять, и среди них ни одного, который мог бы дать существенные показания. Все основные свидетели на суд не вызваны, т.к. все они свидетельствуют в мою пользу. Правда, и пять присутствовавших не дали против меня показаний ни по линии моего уголовного дела, ни по линии невменяемости. В деле два диаметрально противоположных заключения о моей психической вменяемости, но суд полностью игнорирует заключение, в котором я признан вменяемым. Именно игнорирует, а не опровергает. Ходатайство моего замечательного, высококвалифицированного, умного и мужественного адвоката Софьи Васильевны Каллистратовой о назначении третьей психиатрической экспертизы (в суде) судом отводится. Отводятся и все другие ее ходатайства. За один день "проворачивается" столь огромное дело. По сути не исследована ни уголовная его часть, ни вопрос о вменяемости.

Да этого и сделать невозможно. Суд не может одновременно решать и то и другое. По-серьезному можно разбирать только одну из дилемм— вменяем или невменяем. Если последнее, значит, дальше и говорить нечего — уголовное дело надо прекращать, а "преступника" отдать в руки врачей и родных, а не КГБ или МВД. Если вменяем, начать разбирательством уголовное дело, с участием обвиняемого.

Этот ясный и справедливый путь в нашем законодательстве запутан и замутнен. А в мутном легче протащить, легче замаскировать под законное осуждение нормального человека на содержание в тюрьме для психически больных. Да, именно этот смысл в статьях УК и УПК, касающихся "принудительных мер медицинского характера". Уголовное дело в таких случаях в суде не исследуется, т.к. осуждать, мол, не требуется, а в сути медицинского заключения суд и не пытается разобраться. Ввиду этого в данном случае вершится суд трех-четырёх врачей, а вернее, суд того, кто командует этими врачами.

В таких условиях возможны различные злоупотребления. Поэтому в спецпсихбольницах политические не единственно нормальные. Есть там и такие, чью вину в совершении тяжкого преступления (например, зверского убийства) следствие доказать не смогло, но не сомневается, что совершил это он. Или же, наоборот, сомневается, но улики против данного обвиняемого со-

шлись столь неопровержимо, что ему грозит расстрел. По-человечески следователю бывает трудно решиться на способствование расстрелу человека вполне вероятно невинного. Спецпсихбольница в таких случаях прикрывает недоработку следствия, получая в "награду" психически нормальных пациентов.

Есть и укрывающиеся за наказание за совершенное преступление. Я знал двух таких: один, благодаря высокому покровительству, за тяжкое преступление (растление малолетних) отделался восьмью месяцами спецпсихбольницы. Другой — работник КГБ — за избиеие милиционера в пьяном виде был самими органами упрятан в Черняховскую СПБ на длительную экспертизу. Закончилась она признанием его вменяемым. Одновременно он был и освобожден из-под стражи по объявленной к тому времени амнистии.

Иногда спецпсихбольницу превращают во временное узилище. В Ленинградской спецпсихбольнице встретился с азербайджанцем-контрабандистом. Его хотели взять с поличным, но он перехитрил своих преследователей. Добычей последних оказались два пустых чемодана. Тогда из этого "мудреца" стали выбивать признание: жестоко избивали, травили специально обученными собаками. Признания не добились, но искалечили так, что показать его в суде оказалось невозможным. Тогда его "присудили" к спецпсихбольнице. И здесь взялись за интенсивное лечение его страшных ран и переломов. Свыше года ушло на то, чтобы привести его в относительно нормальный вид. После этого провели новую экспертизу и выписали для продолжения следствия. Дальнейшая его судьба мне не известна.

В числе нормальных пациентов спецпсихбольниц есть, видимо, и какое-то количество платных осведомителей, а может, и штатных работников КГБ. Во всяком случае с одним таким я встретился в Ленинградской СПБ. Сначала я услышал об этом человеке от больных. Меня предупреждали, чтобы я не сказал чего лишнего при Василь Васильиче. Предупреждениям этим я не придавал значения. Посчитал такие разговоры обычными бредовыми идеями. Еще сильнее утвердился я в этом своем мнении, встретившись с самим Василь Васильичем. Он без обиняков назвался старшим лейтенантом КГБ, а это по тамошним меркам явный признак завихрения в мозгах. В нашем ксрпусе кого только не было: и "императоры", и "короли", и "генералы", и

даже "генералиссимус". Так что "старший лейтенант" меня удивить не мог. Но он вполне осмысленно рассказывал, что командирован сюда в звании лейтенанта на четыре года вскоре после окончания училища КГБ (кажется, через 2 года). Здесь уже получил старшего лейтенанта, а по окончании срока оденет капитанские погоны. Выслуга лет ему здесь идет, как на фронте — год за три. Он говорил, что может дать на меня такую характеристику, что я никогда отсюда не выберусь, а могу выйти, если он захочет, и через полгода. Я в душе смеялся, но слушал серьезно. Однако он вскоре понял, что я ему не верю, и это его сильно задело. Он сказал: "Ну хорошо! Не верите? Тогда смотрите, что я буду творить. Но, несмотря ни на что, меня в эту комиссию выпишут. И уеду я сразу после комиссии, не ожидая суда, т.к. свой срок службы здесь я уже закончил. Уже и человек на мое место прибыл."

Я по-прежнему не верил, но не мог не поражаться — почему только ему одному сходят безнаказанно любые хулиганские поступки. За три дня до комиссии он такое учинил над медсестрой, что после этого, казалось, ни о какой выписке нельзя было и думать. Его же лишь легонько наказали: посадили под замок (до этого он один во всем отделении свободно ходил по коридору и посещал другие камеры) и назначили два укола сульфазина (фактически их вряд ли сделали). Комиссия же выписала его без осуждения. Лишь пожурили слегка: "Что ж это Вы, Василь Васильевич, так нехорошо поступаете..." На что он ответил: "Поступил. Очень уж тошно стало в этих стенах". Через два дня он действительно уехал. Перед отъездом, уже переодетый в гражданское, вышел в прогулочный дворик, когда наше отделение гуляло (это никому из выписывающихся не разрешают), подал мне руку и сказал: "Ну что, теперь верите? Здесь и не такое творится. Но Вам я ничем не навредил". Когда я попросил своего лечащего врача объяснить этот странный случай, он только промывчал что-то невнятное.

Есть несомненно и другие пути проникновения в число невменяемых вполне нормальных людей. Например, симулянты, пристроенные родителями или "устроившиеся" сами — по знакомству или за взятку. Это все люди, как правило, жизненно неопытные, которых вводит в заблуждение слог "больница", и они рассуждают — "лишь бы не в тюрьму и лагерь". Как же

раскаиваются потом эти люди. Особенно горькое раскаяние у тех, кто пришел сюда из лагеря. Как они рвутся обратно, доказывая, что они лишь симулировали заболевание. Но дорога назад непроходима. Ведь "...советские психиатры ошибок в диагнозе не делают". И эти люди годами живут в полном отчаянии, проклиная судьбу или родителей, если пристроили они. Но как бы ни была горька их судьба, все они в спецпсихбольницах личности эпизодические, случайные. Контингент же политических постоянен во всех спецпсихбольницах, и политическим всего тяжелее.

Когда со мной беседуют друзья, в том числе и корреспонденты, они проявляют чуткость и не задают прямых вопросов о моих переживаниях там. Но я по ряду признаков вижу, как им хочется услышать об этом. Однако у меня и сейчас еще нет желания подробно рассказывать о себе. Мне даже несколько стыдно акцентировать на себе, т.к. я знаю многих, которым досталось куда тяжелее.

На том отделении, куда меня поместили в конце мая 1970 г., уже 7 лет находился преподаватель из Минска — поляк по национальности — Форпостов Генрих Иосифович. Он пытался перейти советско-польскую границу, чтобы вернуться на родину, но попал в руки пограничников и, уже находясь под арестом, высказал некоторые суждения о советских порядках. И его судили не только за попытку перехода границы, но и за антисоветскую пропаганду. Человек очень умный и эрудированный, он, как и я, был лишен всех возможностей умственной работы. К тому же нам всячески препятствовали в общении. Все годы моего заключения он находился на том же, что и я, отделении. Я убыл, он остался. Только в прошлом году к первому мая я получил от него открытку из Гомеля, но адреса своего он не сообщил, из чего я могу предположить, что он и тогда еще не освободился, а был переведен из спецпсихбольницы в минздравовскую психиатричку. Разве могу я сравнить себя с ним? Если открытку он писал из психбольницы, значит, он в заключении, в окружении психически больных людей к тому времени находился уже 13 лет.

Кстати, это ответ тем, кто сомневается в действенности протестов общественности. Я, о ком мир знал, пробыл в заключении 5 лет и 2 месяца. В той же Черняховской СПБ одновременно со мной находился на принудительном лечении Парамонов,

привлеченный к уголовной ответственности вместе с другими моряками, участвовавшими в создании "Союза борьбы за политические права". Арестован Парамонов, как и я, в мае 1969 года. Но я уже в сентябре 1973 года был переведен для завершения принудительного лечения в психиатрическую больницу Минздрава, а Парамонов еще два года пробыл в Черняховске. Только после того как Гаврилов, будучи руководителем "Союза", т.е. главным обвиняемым, отбыв свой шестилетний срок в лагере строгого режима, обратился с ходатайством, указав на то несоответствие, что рядовой член "Союза" сидит больше него — руководителя, Парамонова, наконец, перевели в обычную психбольницу для "долечивания".

Это, конечно, далеко не все политзаключенные Черняховской СПБ. Я, пробывший весь период "лечения" в одиночке, не мог узнать о многих. Точно знаю только, что на моем отделении кроме нас с Форпостовым был литовец Пятрас Цидзикас, арестованный за распространение "Хроники Литовской Католической Церкви" и религиозной литературы. К сегодняшнему дню он в заключении около 4-х лет. На других отделениях политзаключенных было, вероятно, побольше. Мне сообщили в 1973 году, что всего по СПБ — 21 политический. Эта цифра, по-видимому, близка к истине. Наше отделение составляет 1/6 часть общей численности СПБ. А в нем политических — трое.

Не сравнить мои мучения и с тем, что перенес в Днепропетровске один из самых близких моих и моей семьи друзей Леонид Плющ, хотя он и находился на принудительном лечении на 2 года меньше, чем я. В довершение его еще и родины лишили, которую он любил (да и теперь любит, конечно) так беззаветно, так преданно, ради блага которой перенес и мучения спецпсихиатрии. (Этим абзацем я заменил то, что было сказано о Леониде Плюще в моем интервью 2.1.76 года. Заменил после того, как он вышел на свободу и эмигрировал на Запад.)

В общем, мучения каждого индивидуализированы. Попался чуть человечнее врач, и уже легче. Появилась какая-то гласность, и тоже облегчение. В Черняховской СПБ при мне были отдельные случаи избиений больных санитарями и надзорсоставом. Произошли два страшных случая самоубийств. Один повесился в позе, в которой надо было задушить себя своей собственной силой. Другой перерезал себе горло простым (тупым) куском

железа. Он, видимо, не столько резал, сколько рвал очень долго свое горло. Имелся не менее страшный случай мести. Один из "больных", неоднократно подвергавшийся избиениям санитаров, возвращаясь с работы (сколачивал ящики), унес молоток. Придя на отделение, нашел санитаря, который постоянно избивал его, и нанес ему со всего размаху удар молотком по голове. От врачей я узнал впоследствии, что санитар остался жив, но вышел из больницы полным идиотом.

В общем, и при мне жизнь не была идиллической. Однако на все мои протесты в отношении избиения больных и издевательств над ними начальник отделения обязательно реагировал. По-видимому, сказывалась боязнь гласности. Опасались, что я расскажу на свидании жене, а она может понести дальше. В результате все больные отмечали, что атмосфера на отделении изменилась. Неоднократно мне говорили: "Видели бы Вы, что делалось до Вас!" А когда меня суд признал возможным перевести в психбольницу обычного типа, я получил поздравления почти от каждого, но "хроники", долгие годы находящиеся в "больнице", к этому с грустью добавляли: "Вот Вы уедете, и у нас опять все вернется на старое". Таким образом, даже незначительная гласность оказалась благотворной.

И, наоборот, когда спецпсихбольница оторвана от внешнего мира, полностью изолирована, да еще и персонал оказался бесчеловечным, жизнь больных становится непереносимой. Сейчас весь мир узнал о Днепропетровской спецпсихбольнице. Из того, что рассказала жена Леонида Плюща, мы воочию увидели тот тип врача, который описал Митгерлих: врач, органически слившийся с нацистом. Я со страхом и отвращением зримо представляю себе, что могут творить с больными такие "врачи". Но бывает, наверное, и хуже.

То, что мне рассказывали о Благовещенской спецпсихбольнице, человеку вообще трудно представить. Картины ада слишком слабы для сравнения с этим учреждением. Обворовывать больных везде обворовывают, но в Благовещенске воруют так, что больным ничего не остается и они просто голодают. Бить больных везде бьют, но в Благовещенске истязают. "Лечат" там еще страшнее, чем в Днепропетровске.

Итак, скажу еще раз, в разных больницах, на разных отделениях и персонально каждому — мучения разные. И не может

быть иначе. Сама система, при которой тот, кто отправлен на принудительное лечение, отдается в полное и бесконтрольное распоряжение спецпсихбольницы, без какой бы то ни было возможности обжалования, порождает произвол, который выражается в любых мыслимых формах, создает условия для мучительства людей и издевательства над ними в меру низости персонала конкретной больницы. Все разнообразие этих мучительств не опишешь. Но есть общее, без чего не может обойтись ни одна спецпсихбольница, даже та, которая укомплектована честным и доброжелательным персоналом. Не может потому, что это общее заложено в самой идее спецпсихбольниц, и оно-то как раз и является главным мучительством.

Это главное — *полная безнадежность*.

Форпостов, рассказывая о своем прибытии в Черняховскую СПБ, сказал: "Как в темную глубокую яму провалился. И никаких надежд когда-нибудь отсюда выбраться." И действительно, семьи у него нет — значит, нет и связи с внешним миром. "Выздороветь" тоже невозможно. Ведь у политических "болезнь" и "преступление" — это одно и то же. Ты говоришь (у следователя), что в СССР нет свободы печати, — значит, ты клеветник, преступник. Ты то же самое говоришь врачу-психиатру — тот говорит: это бред, психическое заболевание. Ты говоришь (у следователя), что выборы надо сделать выборами, а не спектакли единодушия разыгрывать, — значит, ты преступник, ты против советских порядков, ты антисоветчик. То же самое ты повторяешь психиатру — он тебе записывает "идеи реформаторства", а если ты еще, не дай Бог, скажешь, что так долго продолжаться не может, — тебе добавят еще и профетизм (пророчество), так что у тебя уже клубок шизофренических симптомов. Чтобы вылечиться от такого "заболевания" или хотя бы "выйти из болезненного состояния", надо отказаться от своих убеждений, "наступить на горло собственной песне". Морально растоптать самого себя.

Выздороветь — это значит признать, что ты совершил все инкриминируемые тебе "преступления" и совершил их в состоянии психической невменяемости, что ты понял и прочувствовал это и впредь не совершишь ничего подобного. Сделать такое, совершить такую гражданскую казнь над самим собой не так-то просто. А не пойти на это, не согласиться "выздоровливать", — зна-

чит идти на неопределенно долгое "лечение", в пределе до конца жизни. Тут подумаешь. И я не удивляюсь, что есть такие, кто "раскаивается" в содеянном и обещает прекратить подобную деятельность в будущем. В этом нет удивительного, т.к. альтернатива — пожизненное заключение — не менее страшна.

Моей жене тоже советовали уговорить меня "раскаяться". И совет этот давали люди, мною очень уважаемые и мужественные, которые сами вряд ли пошли бы на раскаяние, но они не считали себя вправе требовать того же от старого и уже достаточно травмированного жизнью человека. Я очень благодарен жене за то, что она не довела эти советы до меня. Мне от них было бы еще труднее. И сейчас, когда для меня уже все позади, я удивляюсь не тому, что кто-то раскаялся, а тому, что "раскаившихся" так ничтожно мало. Я никого из "раскаившихся" не осуждаю и не считаю, что кто-то вправе их осудить.

Если мать, отнятая от маленьких детей, добровольно идет на пожизненное заключение, это более ненормально, чем если она платит за возвращение к своим крошкам неправдивым "раскаянием". Позор не ей — позор системе, которая *мать* поставила перед такой альтернативой. На системе лежит позор и за возвращение таким же путем мужа к любимой жене и четырем малолеткам, из которых один грудной. А от любого человека разве допустимо любой ценой добиваться ложного признания? Ведь это же духовное убийство. Человек должен сам себя обогатить, морально уничтожить под угрозой неопределенно долгого и даже пожизненного заточения, связанного с многочисленными тяготами, лишениями, унижениями и опасностями.

Друг всей нашей семьи Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, который на собственной шкуре познал спецпсихбольницы, пишет в своем очерке:

"Сопоставьте все — отсутствие юридических гарантий, принуждение к обывательским представлениям об адаптации, неопределенность срока, патологическое окружение, страх перед неизвестными лекарствами, грубость обстановки, изоляцию и невозможность заниматься даже тем делом, каким можно было бы позволить заниматься в тех условиях".

Ну, а теперь "... представьте, что Вас, такого, как Вы есть сегодня, поместили туда же и *от Вас требуют* только одно — *искреннее признание* того, что с *Вами поступили правильно*". Без

такого признания Вас не выпустят и будут наращивать и наращивать давление на Вас — лекарственное (это в любой больнице) и просто физическое, в виде избиений, например (это тоже большинству придется пережить). *'Только представив себе все это, — заключает А. Есенин-Вольпин, — можно начать понимать, что такое принудительное лечение'*. (Курсив везде мой — П.Г.)

- ✓ Такова общая картина применения так называемых "мер медицинского характера". Остановлюсь еще и на некоторых деталях его осуществления как общих для всех спецпсихбольниц, так и относящихся к инициативе каждой из них.

Начну с *лекарственного воздействия* на больных. Об этом уже писалось много, особенно в связи со зверским лекарственным воздействием на Леонида Плюща в Днепропетровской СРБ. Поэтому я ограничусь лишь некоторыми личными наблюдениями.

Наиболее распространенное лекарство — аминазин — прием внутрь и внутримышечно. Меня поразило количество, назначаемого для приема внутрь, — буквально горсть таблеток на один прием. У регулярно принимающих аминазин обесцвечено небо и язык, они утрачивают вкусовые ощущения, чувствуют постоянную сухость во рту, жжение и боли в животе. Но если они пытаются уклониться от приема таблеток, им назначают внутримышечные инъекции. Когда я впервые увидел, каковыми могут быть последствия от этих инъекций, я был потрясен. Мне неоднократно довелось видеть на фронте ранения в ягодицы. Такое ранение по фронтовой медицинской классификации, как и ранение с повреждением кости, относится к тяжелым. Но то, что я увидел в Черняховске, а затем и в 5-й Московской городской больнице (ст. Столбы), было страшнее виденного на фронте. Обе ягодицы почти сплошь исполосованы ножом хирурга. И в той и в другой больнице процедурные сестры объяснили мне, что это результат инъекции аминазина. Аминазин очень плохо рассасывается, а у многих мышцы вообще его не приемлют — блокируют. В результате образуются болезненные узлы, которые страшно мучительны для больного. Мешают ему ходить, сидеть, лежать, спать. Удалить же их можно только оперативным путем.

Следующий — галоперидол. Принявшие его производят очень тяжелое впечатление. Они не могут сохранять положение — вскакивают, бегут, потом останавливаются, возвращаются ...

А один из больных 5-й городской психбольницы (Толя) каждый раз в результате приема этого препарата спазмировался — раскрывал рот и закрыть не мог в течение более часа. При этом у него нарушалось дыхание, глаза выпучивались, на лице отражалась мука, он всем существом боролся с удушьем и судорогами в теле.

Уже освободившись от психбольницы, я прочел прекрасно изданный венгерский проспект по галоперидолу. Может, это и действительно прекрасное лекарство. Но тогда дело, по-видимому, в дозах. Неправильно примененное самое замечательное лекарство может показать себя с совершенно неожиданной стороны. Мне, например, в 5-й больнице к концу срока все специалисты начали назначать лекарства — не психиатрические, обычные, в том числе антибиотики. И я принимал их, пока процедурная сестра не сказала мне, что среди них есть несовместимые. По моей просьбе мой основной врач отменил все назначения специалистов. Но за то время, что я принимал, очевидно, был нанесен серьезный вред микрофлоре. В результате я до сих пор не могу наладить работу своего кишечника, который до того работал как хорошо отлаженный часовой механизм.

Следующим за лекарством является *воздействие режимом*. Людей интеллектуально развитых во всех спецпсихбольницах лишает возможности заниматься умственным трудом. Мне не дали не только бумаги, авторучки, карандаша — мне не позволили держать в камере полусантиметровый кусочек карандашного жала, которым я ставил еле заметные точки на полях собственных книг против чем-нибудь привлечших мое внимание мест текста. Однажды уже после отбоя ко мне в камеру буквально ворвались: корпусной (дежурный по больнице), надзиратель и дежурная медсестра. Подняли меня и учинили обыск, не говоря, что ищут. Не найдя того, что искали, — ушли. Но в коридоре сестра продолжала в чем-то убеждать двух своих спутников, повторяя: "Я же сама видела, как он пользовался". Через некоторое время они снова вошли и теперь уже прямо спросили жало карандаша. Снова сестра доказывала, что видела, как я ставил точки, и снова меня обыскали, но я решил не говорить, что не точки, а черточки я делал, и не карандашом, а ногтем. Побоялся сказать — остригут и ноготь.

А сколько нервов стоили мне книги! Поначалу чуть не каж-

дый день: "У Вас много книг". Иду к начальнику отделения, несу находящиеся в камере книги, доказываю — ни одной ненужной. Заступает новая смена, снова то же: "Больному можно держать только одну книгу". Снова иду доказывать. Наконец: "Вам разрешили держать 5 книг. Остальные сдайте!" Снова иду разговаривать на ту же тему.

Дело в том, что я все же добился своеобразного права на умственную работу. Во-первых, я занялся немецким языком. А это значит: *две книги* — учебник, *четыре книги* — словари (немецко-русские и русско-немецкие), *одна книга* — "Русско-немецкий разговорник", как минимум *одно литературное произведение* на немецком языке. Итого *восемь книг*. Кроме того, я решил заняться математической логикой — еще *одна книга*, и снова проработать "Капитал" — тоже *том*. Затем одно литературное произведение на русском языке и минимум *один журнал* из четырех, выписывающихся мною. Таким образом, в камере мне нужно *12 книг* по самому минимальному расчету.

И вот снова доказываю, разъясняю то, что очевидно само собою.

— Зачем Вам два учебника?

— Это не два учебника — это один, в двух томах.

— Ну, а зачем два тома? Один изучите, сдадите, получите второй.

— Видите ли, изучать мне не надо ни одного. Я их уже изучал. Они мне нужны как справочники, поскольку у меня нет отдельного учебника грамматики и синтаксиса.

— А зачем Вам четыре словаря?

— Это не четыре, а два — каждый в двух томиках: один немецко-русский, а второй русско-немецкий. Одна пара издана в СССР уже давно. Этой парой я, как правило, и пользуюсь. Я привык к ней, обжил, как говорят, но она, эта пара, истрепана, а некоторые страницы утеряны. Поэтому приходится прибегать к той паре, которая издана в ГДР. ГДРовские словари, кроме того, полнее и потому нужны для подстраховки.

— А почему бы Вам не пользоваться только ГДРовскими?

— Они созданы для немцев и для русского малоудобны. Я затрачиваю на поиск и уяснение нужного слова или выражения по ГДРовскому словарю вдвое больше времени, чем по русскому.

— Ну, а зачем Вам математическая логика?

— Любопытно, знаете. Очень интересная наука, а мне раньше на нее времени не хватало. Да и голову же чем-нибудь занять надо. Вель не будешь же целый день долбить немецкий.

— Ну, тогда сдайте Маркса!

— Нет, я хочу поглубже разобраться в нем.

— Закончите математическую логику, тогда Марксом займитесь.

— Да нет, лучше чередовать темы занятий. Тем более что работать мне приходится без бумаги и карандаша.

И так по каждой книге. И через несколько дней все повторяется. И так из месяца в месяц, из года в год.

Все это страшно унизительно, да и делается, по-моему, исключительно ради того, чтобы унижить. Когда я не выдерживаю надоевшего разговора о книгах и спрашиваю: "Ну, какая вам разница, сколько у меня книг? Я ведь аккуратен — все тщательно убираю," — мне в ответ какая-нибудь пустая отговорка, вроде того что "украсть могут" (это в закрытой-то тюремной одиночке) или что много работы во время обыска.

Но как ни унизителен этот разговор, со мной все же говорят. Другим просто приказывают через санитаров. А за Форпостовым тиранически следят. Стоит ему взять у кого-нибудь журнал (есть больные, которые выписывают научные и литературные журналы, а читать не читают), как тут же — "Верните!" В общем, бессознательному можно читать любой из издаваемых в СССР журналов, а Форпостову нельзя.

Унижение всяческое — это тоже общее для всех. И одевают так, чтобы унижить, и обращаются оскорбительно. И даже не потому, что хотят оскорбить, а потому, что общая установка — у большого никаких прав. На него смотрят как на неодушевленный предмет. Притом политических считают должным "воспитывать" по каждому поводу и без повода. А "воспитание" это на уровне газет, но только в изложении невежды. Правда, я оказался избавленным от этого. Почему-то меня считали знающим и всегда обращались за разъяснением непонятого в международных и внутренних событиях. Ко мне обращались даже за помощью в подготовке конспектов к политзанятиям. И я строил конспекты, выступления по которым затем признавались руководителями кружков образцовыми. В общем, меня не воспитывали все кто ни попало. Врачи только иногда брались за

такое. Но это особый разговор. Мне в этом отношении вообще повезло. Я вынес на одно унижение меньше других политических.

А вот Форпостову, умнице Форпостову, доставалось. Ему вообще доставалось. С самого прибытия на него навалились. Он в Черняховске был первым политическим. И обыватель взвился: "Да как он смел!" И ему создали обстановку, которую трудно описать. Его хотели сломить сразу, хотели сейчас же привести к раскаянию. Но это был не путь к освобождению, это была дорога нравственного уничтожения. Провинция хотела отличиться, хотела доказать центру, что им можно доверить "перевоспитание" политических, и хотели потешить свою душеньку над сломленным гордым человеком. Форпостов сумел устоять. Правда, он пошел по пути внешнего упрощения и таким способом сумел стать в уровень с массой и привлечь ее симпатии к себе. Одновременно он нашел возможность сохранить свой интеллект и свою индивидуальность. Чем больше я узнавал этого человека, тем больше понимал, что это действительно мученик и герой. В одиночку он пронес сквозь ад Черняховской СПБ гордую самостоятельную личность и тем облегчил участь всех, кто пришел за ним. Для меня он был примером стойкости, мужества и ума. Именно глядя на него, я стал воевать за какие-то права, например, за книги, о чем сказано выше, и за прогулки.

По поводу прогулок я сразу пришел в противоречие с персоналом. Меня вскоре по прибытии начали выводить на прогулки с агрессивными (поднадзорными). И так почти до самого конца срока. Я пишу "начали выводить", но это далеко не так. Поднадзорных, как я потом установил из расспросов больных, вообще не выводили. А когда я начал требовать вывода, согласно распорядку дня, мне дежурная сестра и надзиратель заявили, что никто из поднадзорных не хочет идти на прогулку: "Что ж мы Вас одного поведем". Я вызвал дежурного по больнице, затем обратился к начальнику отделения. Начали выводить. Но прогулки два часа по распорядку, а уводят с прогулки, особенно в холод, через 30-40 минут. Пришлось воевать за положенное время. Почти ежедневно на этой почве стычки. Находят всевозможные причины, чтобы увести. И мне, как ни тошно, приходится снова и снова жаловаться. Если смолчать, все вернется к старому. Надоело это страшно, но в конце концов добился. На исходе

второго года было отдано распоряжение: "Если никто не хочет гулять, выводить на прогулку одного". Кстати, никогда одного не выводили. Всегда выходило большинство поднадзорных, а годдерживали меня все, хотя персонал настойчиво натравливал против. Многие из дежурных сестер во время холодов кричали так, чтобы все слышали: "Вам что не гулять! Вы вон как одеты! (Мне разрешалось носить домашние теплые вещи.) А они голые. Да и едите Вы не то, что они". (Подчеркивание того, что я получаю обильные продуктовые передачи.)

Это очень интересный момент: невежественный злобствующий обыватель умеет находить способ укусить побольнее. Конечно же, указание на мою одежду и питание больно ранило и этих несчастных, и меня. И стоит только удивляться, что при всем этом на меня было только одно нападение агрессивного. Но все, в том числе и нападающий, сохранили ко мне самые лучшие отношения.

Санитары относились не то с уважением, не то со страхом. Возможно, сыграл роль такой случай. Все годы моего пребывания в поднадзорной находился Боря Грибов. Он совершенно не сознавал окружающее и жил отрешенно какой-то своей внутренней жизнью — разговаривал сам с собой, смеялся. Рассказывают: он учился в техникуме. В семье кроме него мать и младшая сестра, которую он очень любил. Вдруг сестра скоропостижно умирает. Он приехал на похороны. Был все время спокоен внешне. После похорон сразу же решил возвращаться в техникум. Мать пошла провожать его. По дороге он ее задушил.

Он физкультурник и еще даже в то время, когда я его знал, был физически очень силен. Но старожилы утверждали, что от него не осталось и половины от того, как привезли его. Ко мне относился очень тепло. Видимо, из-за моего возраста. А может, правы те, кто говорит, что "блаженные" очень чутки на доброту. А у меня к Боре было столько настоящего отцовского тепла. Но у Бори была одна черта: оказавшись рядом с кем-нибудь из надзорсостава, санитаров или медсестер, он бил без предупреждения. И его, видимо, тоже били. А может, даже наоборот, он потому и бил, что били его допрежь. В надзоре Боря любил сидеть на полу у своей кровати или под кроватью. И вот один из санитаров, проходя мимо спящего на полу Бори, со всего размаху ударил его обутой ногой в лицо и сильно разбил его.

До этого я неоднократно просил санитаров и надзирателей не трогать Борю. Обращался и к начальнику отделения с просьбой дать надзорсоставу, сестрам и санитарам указание на этот счет. И после этого такой случай. Больные-поднадзорники с возмущением рассказали мне об этом и показали ударившего санитаря.

Я подошел к нему и спросил, действительно ли он ударил Борю. Тот с вызовом: "Ну я! Ну и что!" И я, не сдержавшись, приемом джиу-джитсу (удар ребром ладони по горлу) отправил его на землю. С тех пор Борю больше не трогали. А наши уголовники, то-бишь санитары, стали уважительнее относиться к больным. Хотя надо сказать, что среди санитаров были и вполне порядочные люди, которые сами по себе относились к больным сочувственно и доброжелательно.

Что же касается среднего медицинского персонала, то их отношение ко мне зависело прежде всего от того, какой ветер дул сверху. В роли же ветра выступала жена начальника больницы, работавшая процедурной сестрой на нашем отделении. Перед ней и выслуживались медсестры. И нужно сказать — они умели отравить жизнь всякими мелкими пакостями. Меня больше всего ранило, когда на меня шипели: "Не возбуждайтесь!" Специфическое психиатрическое выражение — возбуждился — относится к душевнобольным, у которых резко обостряется процесс. Такого у меня, разумеется, ни разу не было и быть не могло, поскольку не было самого заболевания. Но стоило мне сделать какое-либо замечание, скажем, возразить против преждевременного прекращения прогулки, как тут же, как кнутом, хлестало: "Не возбуждайтесь".

Но это психологическое, так сказать, воздействие, а были и физически более ощутимые. Два первых месяца меня держали в шестиметровой камере вместе с бредовым больным, совершившим тяжкое убийство. Не очень приятно видеть весь день лицо безумца, который либо неподвижно сидит с безучастным видом, либо начинает безостановочно говорить. А еще менее приятно проснуться от вперенного в тебя безумного взгляда и увидеть этого безумца стоящим над тобой в позе готового к броску на тебя. Убрали его от меня лишь после того, как мне часа в два ночи пришлось силой оторвать его от себя и отбросить его на кровать. Между прочим, я никого не звал на помощь, но камера тут же открылась, и его увели. Значит, в глазок наблюдали за

всей борьбой — давали мне возможность достаточно напугаться.

После этого я остался в камере один и пробыл в ней до своей выписки из психбольницы. Правда, камеру усовершенствовали. Во-первых, вставили новый замок и ключ от него забрали на вахту (в другой корпус). Во-вторых, забили наглухо кормушку (закрывающееся окошко в дверях, через которое в тюрьме подается пища). Эти два "усовершенствования", видимо, имели своим назначением усилить мою изоляцию. На деле они мне дали побочный эффект дополнительных мучений. Например, кормушка закрыта, а лето жаркое. Из окна, как из печки. До того как забили кормушку, можно было просигнализировать надзирателю, и он открывал ее — образовывался сквозняк, становилось легче дышать. Теперь чувствуешь себя, как рыба, выброшенная на берег. В это же время у меня начались сердечные приступы. Лекарства (ни валидол, ни нитроглицерин) в камеру не дают. В случае приступа прежде, когда была открывающаяся "кормушка", можно было просигнализировать и получить лекарство через кормушку. Теперь надо открывать дверь. А ключ от двери на вахте — лично у дежурного. А дежурный как раз совершает обход отделений. Пока его найдешь, позовешь, может пройти полчаса, а то и больше. За это время и помереть можно успеть.

Ситуация — закрытая дверь и ключ от нее на вахте — оказалась неприятной и еще в одном отношении. В отношении пользования туалетом, как выражаются в тех местах, "для оправки по малому". "Для оправки по большому" редко так бывает, чтоб ждать было невозможно. А вот "по малому" — это явление частое. За сутки и два, и три раза так случается, что, пока найдут дежурного и он явится с ключом, уже передержка. И, если это происходит систематически, начинается общее нарушение мочеиспускания. Доходишь до того, что уже ни о чем другом думать не можешь, кроме того, чтобы не опоздать просигнализировать. А "не опоздать" постепенно становится невозможным, ибо доходишь до того, что даже только возвратившись из туалета, если нажмешь на кнопку, тут же появляется нестерпимое желание на "малую оправку". Выработался своеобразный условный рефлекс. Ну, а как ему не выработаться. Ведь эта ситуация держалась свыше полутора лет. Кажется, узел просто было разрубить

— дать в камеру "судно" или хотя бы "утку". Но ситуация, видимо, кому-то понравилась. Я не думаю, чтобы и это было предусмотрено установкой особого замка на моей камере. Полагаю, что в той установке было заложено лишь рациональное, с точки зрения тюремщика, зерно: усиление охраны, исключение возможности общения с персоналом отделения и больницы. Но получился побочный эффект. И понравилось: "Ага, пусть генерал ходит в мокрых штанах" — еще одно мучение, еще одно унижение. И так многие месяцы. Жена предлагает свою "утку": "Нет, что Вы! Неужели Вы думаете, что больница так бедна? Сами купим и дадим. Не волнуйтесь". И не покупают, и не дают свыше полутора лет.

Еще одно мучительство, еще одна издевка — так называемые *выписные комиссии*. Два раза в год в этой комиссии как бы решается вопрос, кого выписать, кого оставить. На самом деле здесь ничего не решается. Да и попробуйте что-нибудь решить за то время, в течение которого заседает комиссия. На том отделении, где я "лечился", общая численность больных обычно 94-98 человек. Временами несколько меньше или несколько больше. Так вот, комиссия, начиная работу после завтрака (с 10.00—10.30), к обеду (т.е. к 13.30) заканчивала. Следовательно, в среднем на человека она затрачивала менее двух минут. И за это время председатель комиссии — профессор Института им. Сербского Ильинский — успевает оценить больного лучше, чем лечащий врач. Врач выписывает, а Ильинский решает: "Продлить лечение". Какая великолепная эрудиция и как же быстро. Прекрасная иллюстрация к уверению Снежневского, что советская психиатрия на таком уровне, при котором *"ошибки в диагностике абсолютно исключены"*.

Что комиссия не решает, неясно разве что политическим младенцам. Ильинский, выезжая из Москвы, получает твердое указание насчет каждого из политических. При этом совершенно необязательно указание — "такого-то не выписывать". Достаточно получить указание, кого выписать. И уже ясно — остальные выписке не подлежат. В общем, Ильинский на том уровне, на котором ошибки исключены. А узники спецпсихбольниц верят, надеются. Уже за два месяца до комиссии начинается всеобщее возбуждение. Надзорная камера заполняется. Переводятся в положение поднадзорных еще 2-3 камеры. После комиссии

не меньше месяца уходит на то, чтоб возбуждение улеглось. Значит, при двух комиссиях все больные не менее половины года находятся в стрессовом состоянии. Это ли не мучительство! Это ли не издевка над чувствами людей.

Стрессового состояния не избегают даже те из политических, кто твердо знает, что данная комиссия пустышка. Как ни короток срок, но для беседы с политическими находят время, за счет создания непрерывно движущейся ленты уголовников. С теми даже поздороваться не успевают (а в диагнозе не ошибаются. Вот же специалисты!). А с политическими беседуют. С молодыми и не имеющими еще имени грубо-хамски, оскорбительно, а с такими, как я, "на высоком идейном уровне". Например, такой вопрос (мне).

— Зачем Вам эти татары понадобились? Вы что, татарин? Или Вас родственники среди них?

— А зачем Вам чилийцы? — вопросом на вопрос бью я. Очень быстрый ответ, не успел я закончить, и уже прозвучало:

— Мне? Ни к чему! — ответил четко, уверенно, но сразу же осекся и забормотал:

— Ну, конечно, правительство... Мы как патриоты должны поддерживать правительство...

— А я привык сам за себя думать и решать. И даже правительству иногда подсказывать...

За это в мою историю болезни влетает запись: "Ставит себя выше правительства".

А вот вопрос во время другой комиссии:

— Ну, на что Вы рассчитывали? Чего хотели добиться? Ведь Вы и подобные Вам — одиночки. Ну, пересадили вас. Какая кому от этого польза?..

— На этот вопрос Ленин уже ответил. Он сказал, что когда мы услышим, что вот Чернышевский погубил себя, испортил жизнь семье, попал в Сибирь и ничего не добился, если мы не будем знать, кто это сказал, — продолжает Ленин, — то мы предположим, что это либо темнота беспросветная, либо подлость безмерная. Ничего не пропадает, если даже сегодня нет зримых результатов.

За этот ответ тоже получил запись в историю болезни: "Сравнивает себя с Чернышевским".

Чтобы еще ярче проиллюстрировать, кто, с каким уровнем

судит нас, решает вопрос о нашей вменяемости, я приведу два вопроса еще из моей первой (1964 год) экспертизы. Об одном из них я уже говорил в печати.

Мой эксперт, ныне доктор (!) медицинских наук, Тальце Маргарита Феликсовна, после того как мы уже имели добрый десяток длительных бесед и я обстоятельно обрисовал свои позиции, вдруг задает вопрос, да так сочувственно, почти с соболезнованием задает: "Петр Григорьевич, все же непонятно — Вы генерал, начальник кафедры в такой прославленной академии, да еще профилирующей кафедры, получали более 800 рублей, кандидат наук с готовой докторской диссертацией. Перед Вами широкий путь для продвижения — чего же Вам не хватало?"

Я удивлен, поражен, потрясен даже таким вопросом и, посмотрев на нее удивленно, тихо сказал: "Дышать мне нечем было!" Получил запись в акт экспертизы: "Дает неадекватные ответы". В общем, отвечает, как в том украинском присловье: "На вгороді бузина, а в Києві дядько".

Этому же эксперту я в беседе мимоходом сказал, что Хрущев дольше, чем до осени, не продержится. Когда-нибудь в другом месте я расскажу последовательнее обо всем, связанном с этим разговором, т.к. именно он был главной причиной столь быстрого освобождения меня в 1965 году, но сейчас я хочу обратить внимание только на одно, на реакцию моего эксперта. Если ее удивило такое заявление с моей стороны, она могла попросить обосновать это предсказание. Если бы она спросила, я бы указал ей на те факты нашей общественной жизни, которые в то время были неизвестны только весьма ограниченным или аполитичным людям. А из этих фактов с непреложностью следовал вывод о назревшем кризисе руководства. Сегодня, накануне 25-го съезда, я не рискну предсказать, поскольку нет явных симптомов стремления к нарушению создавшегося равновесия. Тогда равновесия не было, и я бы это легко объяснил. Но эксперта истина не интересовала. Она схватилась за форму и записала мне в акт и в историю болезни: "Пророчествует: предсказывает, что Хрущев дольше, чем до осени, не продержится". Эта формулировка оказалась для меня спасительной. На несколько лет раньше я покинул стены СПб. За это спасибо Тальце. Спасибо ее ограниченности и политическому невежеству.

И вот такие люди определяют, что такое нормально и что не-

нормально. И политическим надо, разговаривая с этими людьми, приравниваться к их уровню. Ведь от них зависит судьба политических. А такое приспособление это тоже мучение. Приспосабливаешься, приспособливаешься, терпишь глупость, невежество и предрассудки, да и сорвешься, покажешь зубы, дашь им возможность приписать еще одну черту твоей "болезни".

Но вот комиссия прошла. И на этот раз благоприятно для Вас. Ильинский получил соответствующие указания и выписал Вас. Не торопитесь радоваться. Если после этого о Вас пойдет неблагоприятная сводка или другой сигнал, Вас еще могут перехватить. Суд! Не забывайте про суд! Он может принять такое мудрое решение: "Срок лечения не соответствует тяжести совершенного преступления". Это не выдумка. Такие случаи – не редкость. Меня самого суд не выпустил из спецпсихбольницы после январской (1973 года) медицинской комиссии, признавшей меня "излечившимся". В общем еще удар, с размаху, по нервам. Пусть извивается от боли пострадавший. Суду до этого дела нет.

Ну, а как же тут с законностью, гуманизмом, человечностью и пр.? Ведь что получается? Ты излечился: врачи единодушны в этом. А трое судей, касательства к психиатрии не имеющих, изрекают. "Пусть остается среди больных!"

Это еще один показатель того, что система "принудительных мер медицинского характера" является *антимедицинской системой*. Разве не ясно, что излечившийся психически больной должен быть изъят из травмирующей его психику среды. И не тогда, когда комиссия заработает, не тогда, когда суд позволит, а немедленно по излечении. Недопустимо задерживать излечившегося. Значит, даже с точки зрения истинно больных, система спецпсихбольниц – антимедицинская, антигуманная, античеловечная.

На этом можно бы и точку поставить, т.к. всех издевательств не перечислить. Взглянз кое-что рассказать, а воспоминания накапываются и накапываются. Поэтому надо самому их остановить. Но одно тягчайшее преступление системы "принудительных мер медицинского характера", подчеркивающее как раз антимедицинский характер этих мер, я должен хотя бы упомянуть, поскольку никто из моих предшественников этот вопрос не затронул.

Я поведу речь о том, что и люди психически нормальные, попадая в спецпсихбольницы, и все остальные пациенты этих больниц полностью лишаются половой жизни. Даже в колониях усиленного режима есть хоть мизерные личные свидания. В СПб нет ничего. Молодые цветущие люди разлучаются навсегда с любимыми женами, невестами. Рушатся семьи, разрушаются жизни людские. Я сказал о молодых. Их судьбы более всего трагичны. А пожилые? Разве людей моего возраста человечно лишить последних лет супружеских радостей? Нет, жестокие, бездушные люди, и вовсе не врачи, придумали эти "меры" антимицинского характера.

До сих пор я говорил о муках самих заключенных спецпсихбольниц. Но ведь есть еще любящие жены, матери. Кто измерил их мучения? Что переживает та жена, которая знала своего мужа как бодрого, жизнерадостного, энергичного человека, и вдруг встречает с потухшим взглядом, опущенными плечами. А потом, раз за разом, от свидания к свиданию видит, как гибнет его интеллект, как уходит навек дорогой образ. Мне трудно представить эти переживания. Я думаю, женщины глубже их прочувствуют. Что же касается меня, то я готов лучше сам идти на муки, чем видеть это на жене или детях.

Величайшее бедствие не только для нашей страны, а для всего человечества, если не удастся схватить за руку преступников-психиатров, остановить их преступную руку и поставить перед судом народов. Надо осознать опасность, нависшую над землей.

Страшно возрождение фашизма. Страшен террор Пиночета, Стресснера и других больших и маленьких диктаторов. Еще страшнее ядерная война. Но, может, несравнимо страшнее всего этого опасность того, что ум, честь и совесть человечества будут загнаны с помощью психиатрии в тюрьмы, заполненные психически больными людьми.

Надо протестовать и бороться против террора чилийской хунты, против апартеида в ЮАР, за независимость Намибии, но нельзя позволить отвлечь себя этой борьбой от главной опасности: от борьбы против использования психиатрии против человечества. Сейчас злокачественная опухоль спецпсихбольниц на ограниченном участке тела земли — в СССР, но начатки метастаз уже можно обнаружить во многих местах. Пока не поздно, надо убить опухоль.

Мы в Советском Союзе делаем все, что можем. Но силы наши слабы, а у спецпсихбольниц могучий покровитель — от преступных ученых психиатров до могущественных организаций политического террора.

За это должны взяться передовые люди демократических стран, где общественное движение не сковано мертвящей хваткой тоталитарных учреждений. И наши соотечественники, эмигрировавшие в демократические страны, должны быть не последними в этом деле.

Надо организовать мощное международное движение против преступного использования психиатрии. В этом общем движении и наши силы умножатся.

Сейчас есть с чего начать.

Это, во-первых, литература, в которой изложены конкретные факты преступного использования психиатрии. Я имею в виду прежде всего "Хронику текущих событий" и такие сборники как "Казнимые сумасшествием" и "Мысли сумасшедшего". Вероятно, есть и другие, мне неизвестные. Затем пересланные В. Буковским на Запад точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении В. Кузнецова. И, наконец, живые свидетели на Западе, бывшие заключенные психиатрических больниц: Вишневская Юлия (ФРГ), Горбаневская Наталья (Франция), Есенин-Вольпин Александр (США), Мальцев Юрий (Италия), Медведев Жорес (Англия или США), Плющ Леонид (Франция), Тарсис Валерий (Швейцария), Файнберг Виктор (Израиль), Фейгин Гириш (Израиль). Это только те, кого я знаю. На Западе есть, вероятно, и еще.

Чтобы начать это святое дело, нужны только инициаторы, а за последователями дело не станет. Истина столь очевидна, а цель так ясна, что люди быстро осознают ее благородство и проникнутся ею.

Январь 1976 года

Григоренко Петр Григорьевич

119021, Москва Г-21, Комсомольский пр.
14/1, кв. 96; тел. 246-27-37

НАШИ БУДНИ
(Фрагменты из книги)

КТО ЖЕ ТАКИЕ ЭТИ ДИССИДЕНТЫ

Оппозиционное движение в СССР, участники которого получили известность на Западе как "диссиденты", не представляет из себя чего-то единого.

Широкой общественности на Западе наиболее известны участники *правозащитного* движения. Это, по-видимому, объясняется тем, что оно выражает и отстаивает наиболее общие человеческие стремления: право мыслить, обмениваться своими мыслями с друзьями, получать и распространять любую информацию. Это естественное право настолько живуче, что его не смогли убить даже сталинские чистки. Даже полумертвый лагерник О. Мандельштам писал свои стихи. Даже умирающий Беленков думал и заботился о том, как сохранить и донести до людей свои записки.

Анна Ахматова, Борис Пастернак, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Константин Паустовский, Лидия Чуковская, Василий Гроссман и другие, которых я, к сожалению, не знаю, в одиночку, под угрозой ареста и жестокой расправы сохраняли и поддерживали благородное право человека на мысль. Опубликование на Западе "Доктора Живаго" ознаменовало прорыв мысли из одиночества. Процесс Синявского и Даниэля был как бы сигналом ко всей мыслящей общественности нашей страны отстаивать право на мысль, не страшась жертв. И этот сигнал был услышан.

Как развивалось правозащитное движение дальше, я попробую рассказать, глядя на него со "своей колокольни", т. е. на примере собственного участия в нем.

Но прежде несколько слов о других движениях.

Раньше всех приняли массовый характер два движения:

- движение верующих против незаконных жестоких утеснений религии и
- движение депортированных в годы сталинского лихолетья малых народов за возвращение на свою историческую родину.

Оба эти движения развивались по форме одинаково — путем проведения петиционных кампаний. В своих письмах в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и в Совет Министров люди выра-

жали свою полную "преданность родной Ленинской партии и советскому правительству". И слезно просили... прекратить произвол. "Родная Ленинская партия" молчала или, отделавшись обманными обещаниями, предпринимала репрессии против организаторов петиционных кампаний.

К моменту начала более широкого правозащитного движения петиционные методы борьбы за свои права и у верующих, и у репрессированных малых народов дошли до своего предела. Количество подписей, которое доходило до сотен тысяч, начинает сокращаться. В массах нарастало разочарование, а среди передовой части верующих и "националистов" появилось стремление к поискам новых путей. Начались контакты с отдельными представителями правозащитного движения. Явно назревала тенденция к объединению оппозиционных движений в одном потоке. Именно в это время, т. е. на грани перехода к новому этапу борьбы, предпринял и я попытку отстаивать свои права.

Ровно 13 лет прошло с тех пор, как я впервые сел в тюрьму за подпольное распространение листовок, разъясняющих суть ленинского учения о государстве и партии, и за попытку создания подпольного "Союза борьбы за возрождение ленинизма". Не правда ли, странное "преступление"? В стране, руководители которой без устали твердят о своей приверженности принципам ленинизма, кто-то пытается защищать эти принципы путем подпольной борьбы, а не в открытой дискуссии.

Предысторией этой моей деятельности является мое выступление на партийной конференции Ленинского района г. Москвы 7 сентября 1961 года. Мне удалось путем прямого обращения к делегатам конференции получить слово и высказаться по вопросам начинавшегося в то время насаждаться культа Хрущева. Выступление, принятое конференцией весьма благоприятно, встретило безоговорочное осуждение со стороны руководства конференции, особенно представителя ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. И вот я увидел воочию, как партийный аппарат, организовав "выкручивание рук" делегатам, за 4 часа добился того, что конференция, одобрявшая до этого мое выступление, радикально изменила свое мнение и осудила его. Характерно, что при этом никто ничего не доказывал. Наклеили на мое выступление ярлык "политически незрелое" и на этом основании осудили.

Затем началась аппаратная расправа со мной, в ходе которой я понял, что член партии, даже не рядовой, совершенно бессилён перед аппаратом. У него нет никаких прав, его некому защитить, и ему не на кого опереться. Оказалось, что "ленинские принципы" — это слова, ничего не значащие для партийных чиновников. Устав партии — документ, не ограждающий прав члена партии. Отсюда и родилась идея разъяснить сие коммунистам. Если этого не сделать, аппарат превратит в культ Хрущева или кого угодно другого, и все пойдет по проторенному сталинскому пути. Разъяснить. Но как? Нет ни одного печатного органа в стране, который бы опубликовал то, что не угодно аппарату. Отсюда и родилась идея подполья. Прошлый опыт большевистской партии тоже толкал на этот путь. Но на первой же распространенной листовке провалилась эта затея (остальные 8, заготовленные для печатания и распространения, изъяты при обыске) и еще не оформившийся "Союз".

Меня после месяца следствия направили на психиатрическую экспертизу. К другим членам несостоявшегося "Союза" применили "гуманные" наказания (без лишения свободы) — кого из армии уволили, кого, наоборот, в армию забрали, исключив из институтов. Большинство заставили "раскаяться". Меня тоже уговаривали, избрав основным аргументом: "Ну что Вы один сделаете?"

Когда я вошел в экспертное отделение (для политических) Института судебной психиатрии им. Сербского, ко мне бросились все находившиеся там 11 человек, и все в один голос выкрикнули — статья?

— 70-я, — удивленно ответил я.

Раздался хохот. Стоявший почти вплотную ко мне высокий молодой брюнет — парень с очень умными, добрыми глазами — спросил:

— И Вам тоже говорили: "Ну что Вы один сделаете?"

Я еще больше удивился и растерянно сказал:

— Да...

Раздался еще больший хохот, и я пришел в еще большее замешательство. Брюнет, видимо, поняв причину моего замешательства, сказал:

— Да Вы не думайте плохого. Здесь все такие, как Вы. Поэто-

му мы и смеемся. Видим, что нашего полку все прибывает. А сумасшедших здесь нет. Не бойтесь.

Это был Юра Гримм — машинист строительного крана, который вдвоем с товарищем изготовил, размножил и распространил антихрущевские листовки. Мы с ним крепко подружились, и эта дружба сохраняется до сегодняшнего дня; теперь мы уже дружим семьями. И я думаю, что не все родные дети так заботятся о своих родителях, как Юра и его жена Соня о нас с женой. Юра был самым большим моим приобретением периода пребывания в Институте Сербского. Тогда я посоветовал ему, как вести себя, чтоб не попасть в спецпсихбольницу. Он совет мой выполнил ("раскаялся" в содеянном), был признан вменяемым и получил три года лагеря строгого режима. Специальная психиатрическая больница искалечила бы ему всю жизнь.

Уже во время экспертизы я понял ошибочность своего поведения. Уходить в подполье для борьбы против беззакония и произвола — непростительная ошибка. В подполье идут для низвержения существующего строя, вместе с его законами, а идти в подполье, чтобы добиваться своих законных (конституционных) прав, — это давать возможность властям изображать тебя уголовником, чуть ли не бандитом, и душить втайне от народа, перетаскивая тебя без шума из подпола, куда ты сам забрался, в КГБистские застенки. Нет, надо, как у Евтушенко, когда он был еще поэтом:

Не сгибаясь, у всех на виду,
Безоружный иду за оружием,
Без друзей за друзьями иду.

Я твердо решил, что больше не повторю своей ошибки. Когда я освобожусь, в подпол не полезу. Наоборот, буду выступать против нарушений законов, только гласно и, возможно, громче, а конституционными правами стану пользоваться явочным порядком, не испрашивая ни у кого разрешения на это. Только так можно найти своих единомышленников. А в подполье лишь с крысами можно встретиться. И в капкан влететь вместе с ними или кошке в зубы попасть.

Очевидно, что с такими мыслями я не погрешил бы против истины, если бы заявил на экспертизе, что искренне раскаиваюсь в содеянном и больше так поступать не буду. Но я считал недо-

стойным человека раскаиваться под ножом гильотины. Я не раскаялся и нераскаянный угодили в специальную психиатрическую больницу в Ленинград. И не жалею, что так случилось. Там я встретил Владимира Буковского. Правда, поговорить тогда нам не удалось. Это произошло после того, как весной 1965 года мы оба освободились из спецпсихбольницы, — сначала он, потом и я. На первой же нашей встрече я задал ему вопрос: какой характер действий он предпочитает? Открытую борьбу или хорошо законспирированное подполье?

— Только открытую! — воскликнул он твердо и решительно.

— Чего нам прятаться. На нашей стороне закон. Да и потом, открытые выступления люди увидят и услышат: честные и смелые придут к нам. А каким методом вы будете подбирать для подполья? При нашей развращенности нравов, уверен, с первых же шагов натолкнетесь на провокатора.

С Володей сложилась, как и с Юрой, тоже крепкая дружба, распространившаяся впоследствии и на семьи. Мы все время делали одно дело, хотя вместе были так страшно мало, — то он находился в заключении, то я в спецпсихбольнице, то снова он в заключении и, наконец, за рубежом. Володя был вторым моим большим приобретением от первого периода моей психиатрической обработки. В психкамере Лефортовской тюрьмы я познакомился еще с одним диссидентом — Алексеем Добровольским. Единственное благородное его дело — это то, что он свел меня с Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Верой Лашковой. Закончил же он предательством друзей.

В. Буковский познакомил меня со старым коммунистом (член партии с 1920 г.) Сергеем Петровичем Писаревым, с которым мы стали друзьями, — не только со мной, но с моей семьей. Человек это очень интересный. В его характере сочетаются такие черты, как верность дружбе, беззаветная преданность партии, честность и правдивость, беспредельное мужество, настойчивость и детская наивность.

Для его характеристики.

Он восемь раз исключался из партии, каждый раз по одному и тому же обвинению (в разных формулировках) — за недоверие к руководящим партийным органам. Фактически за защиту репрессированных товарищей по партии. Как правило, ему удавалось добиться реабилитации друзей и своего восстановления

в партии (7 раз из 8-ми). В сталинские времена был дважды арестован. Оба раза тоже за защиту репрессированных друзей. После первого ареста был подвергнут жесточайшим пыткам. Прошел через 43 допроса, из них 38 с пытками, во время которых были разорваны связки позвоночника, что и по сегодняшний день доставляет ему большие мучения. Все выдержал и добился своего освобождения. Освободившись, сразу же стал добиваться привлечения к уголовной ответственности своего следователя и продолжал ранее начатую борьбу за освобождение руководителя большевиков Чечено-Ингушетии Зязикова. Борьбу эту он вел 20 лет, но добился только посмертной реабилитации расстрелянного Зязикова. Что касается следователя, то Писарев получил сообщение, что тот исключен из партии и уволен из органов.

Второй раз он был арестован после войны за письмо с выражением недоверия обвинениям, выдвинутым по нашумевшему тогда делу врачей. Его признали невменяемым и заключили в Ленинградскую спецпсихбольницу. Он настойчиво доказывал свою правоту и в конце концов добился освобождения. При этом вынес с собой записи огромного количества фактов злоупотреблений психиатрией — использования ее для политической расправы. Опираясь на эти материалы, написал убедительно обоснованное заявление в ЦК КПСС.

Для проверки была создана комиссия под председательством работника ЦК КПСС Кузнецова Алексея Ильича, в составе двух крупнейших советских психиатров — тогдашнего директора Всесоюзного НИИ психиатрии профессора Федотова Дмитрия Дмитриевича и главврача Донской психиатрической больницы профессора Александровского Анатолия Борисовича. Комиссия проверила обе существовавшие в то время специальные психиатрические больницы — Казанскую и Ленинградскую, подтвердила все факты, сообщенные С.П. Писаревым, и установила огромное количество новых аналогичных фактов. Исходя из всех добытых данных, предложила ликвидировать специальные психиатрические больницы, как учреждения, служащие целям политических репрессий, а не лечению психически больных. Акт комиссии был доложен члену Политбюро Н.М. Швернику. Тот взял его со всеми материалами и в течение двух лет продержал в своем письменном столе, после чего сдал в Архив КПСС.

И вот наивность: уже больше двух десятилетий С.П. Писарев пишет в Политбюро, настаивая, чтобы оно приняло решение в соответствии с предложением комиссии А.И. Кузнецова, хотя ясно, что именно Политбюро или во всяком случае влиятельные его члены предприняли меры, чтобы материалы комиссии не получили движения и огласки. Именно поэтому члены комиссии вскоре после сдачи материалов Швернику подверглись ничем не обоснованным административным репрессиям: А.И. Кузнецова удалили из ЦК и долгое время не давали никакой работы; профессор А.Б. Александровский был ошельмован и отстранен от должности главврача психбольницы, тяжело пережил все это и вскоре умер; профессор Д.Д. Федотов снят с должности директора Всесоюзного НИИ психиатрии и назначен консультантом по психиатрии в Институт скорой помощи им. Склифасовского. Специальные психиатрические больницы не уничтожены, наоборот, число их непрерывно растет. Дополнительно к Казанской и Ленинградской открыты специальные психиатрические больницы в Сычевке, Черняховске, Орле, Днепропетровске, Смоленске, Алма-Ате, Благовещенске... Открыты отделения для принудления во всех областных психиатрических больницах. Но С.П. Писарев продолжает верить в ЦК и пишет ему, пишет. И не признает никакого другого способа борьбы с произволом в стране, кроме писем в ЦК и государственные органы. И хотя я не одобряю такие методы действий — нельзя без конца кланяться тому, кто тебя начисто игнорирует, я не могу не уважать этого человека, не дорожить его дружбой.

Совсем другим человеком был писатель Алексей Евграфович Костерин. Будучи другом Сергея Петровича, он через него стал и моим другом. Мы с ним сошлись так близко, что дня прожить друг без друга не могли. В семье у меня его тоже полюбили. Веселый, жизнерадостный, несмотря на все пережитое и тяжкую болезнь сердца, он был великолепным рассказчиком и прекрасным собеседником. Его смерть была тяжким ударом для меня. Мы устроили ему достойные похороны. Гражданская панихида над его прахом в московском крематории 14 ноября 1968 года, на которой присутствовало около 800 человек, впоследствии была названа первым свободным митингом в СССР. Вскоре после похорон был выпущен сборник, посвященный покойному. Об этом человеке было что рассказать.

Он из рабочей семьи и сам рабочий. В семье все большевики. Старший брат — с 1903 года, отец — с 1905 г., средний брат — с 1919, а младший — Алексей Евграфович — с 1916 года. Мать вступила в партию последней накануне Октябрьского переворота — в 1917 году.

Судьба всех Костериных оказалась трагичной. Когда я познакомился с Алексеем Евграфовичем, в живых оставался он один. Отец умер в зиму 1931/32 гг. от голода. Старший брат был арестован и расстрелян в 1936 году. Среднего брата исключили из партии, сняли с работы, и над ним повис арест. Нервы не выдержали, он запил и умер. Мать, когда арестовали старшего сына, положила свой партийный билет на стол секретаря парторганизации, заявив, что она не может состоять в партии, которая допускает такие несправедливости. После смерти среднего сына и ареста младшего не стало и ее — не выдержало сердце.

Алексей остался один. К трем годам царской тюрьмы приплюсовались 17 лет Колымских лагерей и ссылки. Но это его, по-моему, только закалило. Когда мы познакомились, он уже чувствовал, что немного дней осталось ходить ему по земле и торопился в своих автобиографических записках подвести итог своей жизни. К сожалению, о содержании этих записок я знаю только по его изустным рассказам. Он собирался передать их мне, чтобы я опубликовал их при возможности. К несчастью, смерть оборвала эту его работу, а женщина, ставшая его женой в ссылке, нарушив прямое указание мужа — передать рукописи мне, — отдала их в КГБ, где они и похоронены.

Так трагически оборвалась наша связь с местом, где столько счастливых часов проведено в беседах с замечательным человеком. Нас утешает с женой только то, что обе оставшиеся в живых дочери А.Е. Костерина, особенно старшая — Лена, вместе со своими семьями еще крепче, чем при жизни отца, прижались к нам. Радует и то, что Алексей Евграфович успел сделать то, что считал для себя особенно важным, — вышел из состава КПСС. В коротком, но убедительно мотивированном письме он просил не считать его больше членом КПСС. Изложив свой путь в рядах партии и указав на факты, свидетельствующие о ее перерождении, вернее, о вырождении в бюрократическую организацию, заключил: "Это не та партия, в которую я вступал и за идеи кото-

рой боролся в революцию и гражданскую войну, поэтому я не хочу находиться в рядах этой партии и отвечать за ее действия”.

Знакомство и дружба с А.Е. Костериным оказали коренное воздействие на мои убеждения и раздвинули мой критический кругозор до масштабов понимания нужд страны и народных бедствий. Алексей Евграфович всю гражданскую войну и первые послевоенные годы провел на Северном Кавказе и множеством теснейших уз был связан с живущими там малыми народами. И он как свою беду, свое горе переживал их депортацию и гибель в связи с этим многих сынов и дочерей этих народов. Эти чувства он привил и мне, связав при этом с представителями тех малых наций, которые продолжали подвергаться дискриминации и геноциду, — крымскими татарами, советскими немцами, мексиками и другими. С тех пор я участник борьбы этих народов за свое полное национальное равноправие и имею среди них множество друзей.

Так личные дружественные контакты увеличивали число людей, которые находят интерес в общении друг с другом и вырабатывают в этом общении и укрепляют свои взгляды. Каждое новое знакомство резко расширяет рамки такого дружеского сообщества. Ведь люди живут не поодиночке. Каждый из нас обычно имеет свою постоянную компанию. При этом люди мыслящие и дружат, естественно, с теми, кто имеет сходные взгляды. Поэтому если знакомятся и начинают дружить два человека, то это значит, что число друзей каждого возросло не на одного человека, а на компанию своего нового друга. Соединяясь таким образом, люди начинают чувствовать себя увереннее, спокойнее, смелее высказывают свои взгляды и тверже отстаивают их. И года не прошло, после того как я освободился из спецпсихбольницы, а я уже перестал чувствовать себя одиночкой, изгоем. Я уже знал, что есть люди, которые поддержат в трудных обстоятельствах и помогут в беде. И с каждым новым знакомством усиливается ощущение наличия во всей стране людей, способных понять тебя и поддержать.

Особенно усиливает это чувство ”самиздат”. Читаешь произведения неизвестных тебе людей, размножаешь и распространяешь то, что тебе по духу. Это уже само по себе огромное наслаждение, знакомишься с полюбившимися тебе авторами, так как самиздатские труды нередко обозначены не только фамилиями

авторов, но и их адресами. Я всегда поражался и не устаю поражаться этим чудом народного творчества — "самиздатом". По каким законам двигаются его произведения? Почему одни размножаются невероятным темпом и тут же разлетаются по всей стране, а другие гибнут, что называется, на корню? В большинстве это гибель окончательная, сколь бы автор ни старался гальванизировать свое детище, а некоторые без участия автора по прошествии времени оживают и вступают на путь долгой и полноценной жизни.

Я сам был обязан быстрому расширению связей "самиздату". В 1967 году я написал письмо в редакцию журнала "Вопросы истории КПСС", в котором обрушился на рецензию, помещенную в журнале на книгу А.М. Некрича "1941. 22 июня", — о начальном периоде войны. Я доказывал, что книга Некрича честная и правдивая, хотя и несколько приглаженная. При этом я дополнил сказанное Некричем своими значительно более резкими суждениями о начальном периоде Великой Отечественной войны. Я рассчитывал (наивность), что мне удастся добиться публикации статьи. Но я знал, что попади она в "самиздат", это будет использовано как повод для отказа напечатать в журнале. Поэтому я никому из друзей не показывал ее, боясь, как бы она случайно не "упорхнула" в "самиздат". Прошел месяц. Редактор пустыми отговорками откладывал решение вопроса об опубликовании. Я понимал, что надежд на печатание нет, и все же где-то в глубине души теплилась искорка надежды. Надо было, чтобы кто-то другой оценил возможности публикации. Избрал я в качестве своего доверенного не наиболее близкого мне человека — Костерина, а С.П. Писарева, поскольку знал его как противника обращения к "самиздату".

Сергей Петрович получил рукопись на двое суток с указанием, что дается она только ему лично, что никому он передоверять ее не должен во избежание утечки в "самиздат". Возвращая мне рукопись через двое суток, он, буквально захлебываясь, хвалил ее, а в заключение сказал: "Это не только мое мнение. Я дал почитать одному доктору экономических наук. Так тот говорит, что он смог прочесть лишь несколько страниц. Пришла мысль, что такую работу недостаточно прочесть, ее надо иметь у себя постоянно. И он заложил в машинку 10 экземпляров и перепечатал всю работу. Один экземпляр дал мне", — закончил свой рассказ Писарев.

— Что же Вы наделали, Сергей Петрович? Я Вас о чем просил? — ошарашенно спросил я.

— Ай, простите, Петр Григорьевич, — забеспокоился Писарев, — я совсем забыл. Но Вы не волнуйтесь, я сейчас пойду, и мы соберем все экземпляры.

По телефону он мне через несколько дней сообщил, что все экземпляры собраны. Но спустя два-три дня после этого я получил письмо от полковника запаса Арзамаса, в котором тот, кратко изложив содержание моего письма, спрашивал, действительно ли я написал такое письмо. С этого статья моя, уже без меня, зашагала по "самиздату" во все концы страны, добралась до "тамиздата" (русские издания за границей), переведена на ряд европейских языков, и немцы даже сумели подобрать заголовок, более соответствующий содержанию статьи ("Выстрел в затылок").

С этой статьи связи мои начали быстро расширяться. Группы молодежи стали приглашать меня рассказать о тех или иных событиях минувшей войны. Четырежды выступал я в университете перед организованной аудиторией — группа или несколько групп в полном составе, с парторганами и старостами. Здесь мне особенно нравилось, что все понимали недопустимость такой беседы, но вели себя так, как будто проводится запланированное мероприятие. Я со своей стороны делал все, чтобы не подвести своих слушателей. Я выходил из дому заранее и, предприняв ряд сложных маневров, отрывался от своих "хвостов". И все же слухи о недопустимых "лекциях" генерала дошли до администрации, и пришлось их прекратить. Тем усиленнее проводились беседы по квартирам. На одной из таких бесед познакомился я с Павлом Литвиновым, а через него — с Ларисой Богораз, Натальей Горбаневской, Людмилой Алексеевой, Петром Якиром, Ильей Габаем, Виктором Красиным и всеми другими, входившими в этот круг.

По-разному устанавливались эти связи.

Иван Яхимович вместе с женой приехал из Латвии в Москву, чтобы убедиться, есть в действительности здесь такие люди, как Павел Литвинов, Петр Якир и Петр Григоренко, или они вымышлены враждебной буржуазной пропагандой. У Литвинова, у меня устанавливались теплые, дружеские отношения с Иваном и Ириной.

Генрих Ованесович Алтунян приехал в Москву, как указано в решении парткомиссии об исключении его из партии, "по заданию 13 харьковских клеветников, чтобы установить связь с сыном командарма Якира, П. Якиром, и с бывшим генералом П. Григоренко". С Генрихом, Владиславом Недоборой, Софьей Карасик и другими "харьковскими клеветниками" у нас с женой установилась самая искренняя дружба.

Татьяна Ходорович пришла ко мне за 10 дней до моего второго ареста (накануне 1-го мая 1969 года). Она сказала: "Я мать четырех детей, но у меня нет сил молчать. Дайте какое-нибудь дело". Я сказал: "Татьяна Сергеевна, у нас нет организации, которая могла бы принимать в члены и давать задания этим членам. Мы такие же, как Вы: просто не можем молчать больше. И не молчим. Общайтесь с нами, и, если Вам будет, что сказать, говорите, не ожидая ничего дозвола. А сейчас, если у Вас есть время, то я прошу Вас о следующем. В Латвии арестовали моего друга Ивана Яхимовича. У него остались, почти без средств к существованию, жена, трое детей и больная мать жены. Мы собрали немного денег, и я прошу Вас отвезти эти деньги Ирине. Вот ее адрес. Поговорите с ней. Поддержите морально. Узнайте, как и что она предпринимает для организации жизни семьи и какая ей нужна помощь. Приедете — расскажете, и вместе подумаем, что делать дальше".

Она согласилась выполнить эту мою просьбу, используя праздничные дни, и мы расстались, как оказалось, более чем на 5 лет. Она вернулась 4 мая, а я уехал в Ташкент 2-го и там 7-го был арестован.

Татьяна Сергеевна, энергичная, волевая и умная женщина, не стала больше искать заданий. По своему разумению принялась за дело и вскоре оказалась в числе наиболее известных диссидентов. Выйдя из спецпсихбольницы, я очень порадовался этому. У нас установились теплые, дружеские отношения.

Совсем по-другому появились у нас в семье двое научных работников — физик Григорий Подъяпольский и его жена, геолог Мария Петренко. Они как-то незаметно вошли в жизнь нашей семьи. Но вошли так, как будто бы всегда были с нами. Нельзя было не поражаться этой паре, не восхищаться их взаимной любовью и человечностью. Тяжкий груз взвалили они на свои плечи. С ними жили парализованная тетя Гриши, старая больная

мать Маши и сестра матери. И такой мир, такое взаимопонимание и благожелательность царили в этой семье, что, придя к ним, просто отдыхал душой. Все три трудоспособных члена семьи — Гриша, Маша и их дочь Надя — обслуживали семью, помогая один одному и заменяя друг друга. Гриша, кроме того, писал стихи, воспоминания и, главное, входил в состав Сахаровского комитета защиты прав человека и помогал заключенным и их семьям. Маша всегда была с ним рядом, готовая подставить плечо.

Сейчас Гриши уже нет в живых. Умерла и казавшаяся цветущей тетя Гриши. Кто знает, может, и тоска по умершему племяннику помогла этому. Она, к сожалению, не могла высказать ее. Язык ей не повиновался. Над семьей нависло горе, общая тоска. Да и разве можно не тосковать по такому человеку. Моя семья, рядом с которой все тяжкие для нас годы стояли Гриша с Машей, их дочь и родные им старые больные люди, тоже не может избавиться от тоски по Грише. И пусть эти строки будут вместо прощального надгробного слова над прахом Гриши — Григория Сергеевича Подъяпольского.

Читатель мой, ты, возможно, удивлен. Я взялся рассказать о том, кто такие "диссиденты", а рассказываю о своих друзьях. Не удивляйтесь. Я сам не знаю, кто такие "диссиденты". Людей, которых что-то объединяет, принято называть каким-то общим названием. Поэтому мы и откликаемся на не нами придуманную кличку. Мы могли бы назвать себя как угодно, но все дело в том, что сделать этого мы не можем. *Мы не организация*. И название нам поэтому противопоказано. Мы просто люди, несогласные с тем, что писать можно одно, а говорить другое. Мы убеждены, что если есть в стране конституция, то мы имеем право пользоваться ее положениями, не спрашивая ни у кого разрешения. Если подписаны международные пакты, то внутренние законы должны быть приведены в соответствие с ними. Мы убеждены, что ложь и лицемерие недопустимы ни в международной, ни во внутренней политике. Мы уверены, что нельзя привлекать к уголовной ответственности человека, не совершившего преступления.

А самое главное, мы убеждены, что каждый человек свободен в своих убеждениях и имеет неограниченное право их рас-

пространять, а также знакомиться с убеждениями других и вообще получать и распространять любую информацию.

Собственное свободомыслие и терпимость к чужим убеждениям – вот то, что создает взаимоотношение людей типа моих друзей, людей, которых называют "диссидентами". Такие люди находят других подобных себе, и создаются компании, группы или, как хотите назовите, людей, которым в свободное время приятно быть вместе, которые вступают между собой в дружеское общение, а нередко и в родственные связи, постепенно избавляются от чувства незащищенности и беспомощности перед бюрократической государственной машиной. Отдельные люди из такой компании встречаются с другими подобными компаниями и сплетается как бы несколько колец (вроде биологической цепочки, например, ДНК). Эти сплетения могут все увеличиваться, распространяясь по городу, на другие города, на всю страну. У наших друзей, например, есть надежные дружеские связи на Дальнем Востоке, на Колыме и т. д.

Но что же все-таки объединяет? Неужели только дружеские и родственные связи? Нет. Все наоборот. Те и другие не причина, а следствие. Объединяет же желание мыслить и делиться своими мыслями с другими. Неограниченно получать и распространять информацию. Все, кто стремится к этому и ищет друг друга, а найдя, устанавливают тесные контакты, или менее тесные, или более отдаленные, непостоянные, или просто знакомство, или лишь знание, что есть там-то и там-то люди, мыслящие так же, или, наконец, просто предположение, что такие есть и там. До своего ареста в 1969 году, я был связан наиболее тесно с Анатолием Якобсоном, Сергеем Ковалевым, Петром Якиром, Павлом Литвиновым, Ларисой Богораз, Юлиусом Телесиным и еще кое с кем, кого называть сейчас считаю нецелесообразным. Круг же людей, которых я знал больше или меньше и с кем общался хотя бы время от времени, был *намного* шире. Но были люди еще и за этим кругом, такие, например, кого я лично не знал, но кто знал меня. Наконец, были люди, с которыми связывал только "самиздат" и "Хроника текущих событий", которая явилась гениальной находкой рядовой инициативы.

Кто первый сказал "да", я разбирать не буду. Сейчас даже Виктор Красин заявил претензию на авторство этого изобретения. Если считать разговоры о том, что назрела надобность, то

найдется много авторов. В моем кругу, где участвовал и Красин, этот вопрос обсуждался не один раз. Но первый номер создала Наталья Горбаневская — одна! И вела издание по крайней мере до моего ареста, а знающие люди говорят, что до 9-го номера. Ей, следовательно, принадлежит и пальма первенства. Но вообще это издание безымянное и бессмертное. Люди же, его творящие, — настоящие герои. Их особенно настойчиво разыскивает КГБ. А найдя или предположив, что вот авторы, учиняет жестокую расправу. Как предполагаемый автор "Хроники" осужден и Сергей Ковалев.

Круг читателей и корреспондентов "Хроники" очень широк. Намного шире, чем широко известные диссиденты, группирующиеся вокруг А. Сахарова, Ю. Орлова, В. Турчина. Именно поэтому так быстро происходит замена. Не успели отзвучать аресты Ю. Орлова, А. Гинзбурга, М. Руденко и О. Тихого, как появилось большое число добровольцев, желающих заменить их.

Советские газеты, говоря о диссидентах, называют их "жалкой кучкой никого не представляющих людишек". Но в этом не слабость, а сила диссидентства. Они и не берутся никого представлять. Они представляют себя. Каждый из них *личность*. И объединяются они только для защиты своего права быть личностью. За это они борются даже в лагере, в тюрьме. И их не так мало, как изображают газеты. Я до своего последнего ареста довольно пессимистически оценивал нашу численность и, сидя в спецпсихбольнице, подсчитал, что правозащитное движение в результате арестов последних лет, эмиграции и высылки за кордон многих видных диссидентов "дышит на ладан". И как же я был поражен, найдя его через пять лет неизмеримо более сильным, окрепшим и, я бы сказал, очищенным, оздоровленным. После же прочтения замечательной книги Светланы Аллилуевой — "Один год" — ко мне пришло понимание причин этого. Я уразумел, что еще тогда, в 1969 году, движение было так разветвлено, что пронизывало весь наш общественный организм до самых высоких партийных кругов включительно, но я этого не знал.

Таким образом, движение это глубинное, представляющее людей, не желающих быть обезличенными и беззащитными перед жестокой машиной бюрократического государства. Именно поэтому движение приобрело характер правозащитного. И до

тех пор, пока личность не защищена в законном, установленном порядке, уничтожить это движение невозможно. Справиться с таким движением по силам только террору типа сталинского (1937 года), но на это постаревший советский бюрократический аппарат уже неспособен. Да и страшно. Такой свирепый террор бьет без разбора. И чего доброго, может смахнуть головы и ныне процветающим членам Политбюро, а то и самому Генеральному.

Нашему правозащитному движению, кроме того, очень крупно повезло. В его рядах оказались два таких титана, как Солженицын и Сахаров, плеяда выдающихся писателей, ученых, художников, деятелей искусств и большое количество стойкой, мужественной, самоотверженной, талантливой молодежи, которую не сломили никакие жестокости режима.

Способствует развитию правозащитного движения и неразумная линия поведения властей. Власти пытаются всем управлять, все контролировать.

— Талантливый художник хочет рисовать так, как подсказывает ему его талант. Так нет, бюрократ тут как тут: "Не смей! Рисовать, как я велю!". И вот оппозиционное движение художников вливается неиссякаемым потоком в общее правозащитное движение.

— Люди хотят сочинять стихи, переключать их на музыку и петь. Вместе с тем есть люди, которым позарез охота слушать эти песни. Но бюрократ снова тут как тут: "Не позволю!" И вот новый приток в общий поток правозащитного движения.

— Но вот уже не притоки, а могучие потоки. Бюрократ вмешивается и в дела религии. Он хочет, чтоб и Бог шагал в одном строю с дьяволом. С верующими государство ведет настоящую и все более жестокую войну. И что удивительного в том, что *миллионы* верующих примыкают к правозащитному движению?

— Но к настоящему, большому сражению идет дело в национальном вопросе. Продолжающиеся дискриминация и геноцид выселенных с родной земли малых народов и политика русификации в национальных республиках вызывают все возрастающий протест. И национальное движение тоже вливается в общий поток правозащитного движения.

"Правда" в уже цитированной статье говорит, что буржуазная пропаганда, обращаясь к диссидентам, создает "видимость

существования некоей "оппозиции"... Да нет! Речь идет не об оппозиции, а о нарастании могучего гнева народного. Конечно, правозащитное движение не организовано и потому представляет собой скорее моральную, чем физическую, силу. Но и при таком его состоянии правительству теперь вряд ли удастся воспользоваться опытом новочеркасских событий 2 июля 1962 года. В случае нового возмущения трудящихся с ними придется объясняться словами, а не пулями. Власти знают об этом и бессилены. Нет такой ругани, какую не обрушили бы газеты на диссидентов. Так с "отщепенцами", с "ничтожной группкой", которая "не представляет опасности", не разговаривают. Сочинив сказочку, они представляют дело так: в стране имеется несколько отщепенцев, растленных типов, которые согласились за деньги банков Манхэттена и Сити поставлять клеветническую информацию западным пропагандистским центрам и, одев на себя личину борцов за права человека, поставляют эту информацию.

Трудно сказать, чего в этой "страшной" сказочке больше — глупости или бессовестной лжи. При наших-то слежках, подслушиваниях, перлюстрациях, чтобы люди могли годами клеветать! Да ведь клевету и опровергнуть можно. А если не опровергаешь, а просто глушишь радиостанции, которые передают неудобные тебе сведения, то какая же это клевета? И каким это образом удастся этим агентам жить и работать легально? И почему они даже не пытаются скрыться? Ведь вы в печати гремите, предупреждаете: "Берегитесь, мы сейчас за вас возьмемся!" А они и ухом не ведут и продолжают трудиться, работают до последнего часа и идут на многие годы в тюрьму, лагерь, ссылку.

Нет, все, что пишут советские газеты о "диссидентах", ложь. Даже советские суды *никогда* не устанавливали диссидентского "сотрудничества" с зарубежными антисоветскими центрами, не уличили в том, что они получают деньги из сейфов "РС и РСЕ за клеветническую информацию" ("Правда" 22. 02. 77 г.). Наоборот, мы неоднократно гласно доказывали, что судят диссидентов по фальсифицированным делам. Газетная клевета имеет самое ограниченное назначение — ввести в заблуждение советское общественное мнение, убедить неинформированных трудящихся, что в стране действуют засланные извне враждебные силы. Истинной правды о судах над диссидентами рядовому гражданину никогда не скажут.

Участники правозащитного движения никогда не предпринимали противозаконных действий. Они и вообще действовали только, когда ни за что судили их товарищей. В этих случаях они шли к зданию суда и там скорбно стояли во все время процесса. В зал их никогда не допускали и ловили малейший повод, чтобы придраться к кому-нибудь и уволочь в милицию на 15-суточное осуждение "за хулиганство". Когда за тем публиковался правдивый диссидентский отчет о процессе, власти и это действие признавали преступным.

Уважаемые читатели, я рассказал одну лишь правду о всех течениях диссидентского движения. Скажите, как можно предать суду участников петиционной кампании? Предавали, и в большом числе. Но ... не за петицию, а "за ... распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй", или "за ... антисоветскую пропаганду". Как это делается? Очень просто. Из петиции берутся наиболее неприятные факты нарушений законов властями и без какой бы то ни было проверки переносятся в обвинительное заключение как клеветнические. Что бы обвиняемый ни говорил в доказательство правильности изложения фактов, — суд не принимает это во внимание, каких бы свидетелей он ни выставлял, — суд не вызывает. Голословные утверждения обвинительного заключения переписываются в приговор и служат основанием для назначения жестоких сроков заключения.

По такому обвинению находится длительное время в заключении Мустафа Джемилев.

По такой же схеме действуют и с участниками правозащитного движения, которые разоблачают факты нарушения прав человека. Вопреки истине рассказ об этих фактах объявляется клеветой, а дальше все идет по описанной выше схеме. За всю историю советского строя не было случая, чтобы факты, названные следователем клеветническими, подверглись беспристрастной проверке. Не было случая, чтобы суд потребовал подтверждения клеветнического характера тех или иных фактов. Раз действия властей в свете проверенных фактов выглядят неблагоприятно, — значит, это не факт, а клеветническое измышление. Таким способом были осуждены очень многие, в том числе и Сергей Ковалев.

Аналогично фабрикуются обвинения верующим. Наиболее стойких защитников религиозных свобод тоже обвиняют в "клеветнических измышлениях", хотя они никогда не приводят ни одного непроверенного факта. Если кто сомневается, прочтите рассказ "Хроники" о процессе видного деятеля Церкви евангельских христиан-баптистов Георгия Петровича Винса. Все обвинение соткано из лжи и лицемерия, но "за клеветнические измышления" осужден Г. Винс.

Если Вы, дорогой читатель, думаете, что труднее осудить писателя за его произведения, исполнителя собственных песен или свободного художника, то Вы жестоко заблуждаетесь. Если совсем нечего сказать, даже лживо, в подтверждение, то на помощь приходит психиатрия. И люди прямо с закрытых процессов летят в "специальные психиатрические больницы". Таким путем попали туда, например, исполнитель самодеятельных песен Петр Старчик и до сих пор (многие годы) томящийся там художник и писатель Юрий Белов.

Таким образом, Вы, читатель, видите, что в советских газетах пишется злобная клевета на диссидентов. Это люди, внутренняя сущность которых несовместима с самим понятием преступления. Движет нами истинная боль за друзей, попавших под колеса машины подавления, стремление помочь друг другу во всем и жертвуя всем, даже своей свободой. А этого всегда приходится ждать, когда выступаешь со смелыми разоблачениями в защиту незаконно репрессированного. Среди диссидентов почти нет богатых людей. Но материальную помощь нуждающемуся всегда окажут. Приведу только один пример. Конец 1968 года. Мы, как селедки в бочку, набились в квартиру Ирины Корсунской послушать рассказ Л. Алексеевой, которая только вернулась от Ларисы Богораз, отправленной в ссылку — в Чуну Иркутской области (за участие в демонстрации на Красной площади в знак протеста против оккупации советскими войсками Чехословакии). Л. Алексеева закончила рассказ вторичным подчеркиванием того, что "хуже всего с жилищем. Квартиру снять негде, т. к. жилье — обычные деревенские дома. Значит, можно снять лишь койку и жить вместе с хозяевами. Лучше всего купить бы дом, но где взять денег? Подходящий стоит около 3 тысяч".

— Надо собрать, — предложил кто-то.

— Ну, откуда! Такую сумму? — выразила сомнение Л. Алексеева.

И тут кто-то сказал (к сожалению, я не запомнил):

— А попробуем! Я вот получил премию. Получай первую сотню!

И полились деньги. Даже я не мог удержаться, хотя товарищи, зная наш семейный бюджет, останавливали меня. Не выходя из квартиры, собрали почти треть. В ближайшие два дня нужная сумма была набрана, и Алексеева снова отправилась в Чуню — повезла Ларисе в подарок наш дом.

Я прожил большую жизнь. Всегда окружали меня хорошие люди, но на таком интеллектуальном уровне, как в последние 13 лет, никогда не жил. Без этих лет, без этих людей я так и не узнал бы полного наслаждения человеческим общением. И вот этих людей обливают грязью, клеветают на них, арестовывают, судят, гноят в лагерях, тюрьмах, спецпсихбольницах. Каков же моральный уровень тех людей, которые делают это, и какова цена их лучшему обществу? Нет! Лучшее будущее, духовное возрождение общества представляют мои друзья по правозащитному движению. Их терпимость к чужим мнениям, уважение к высказываемым взглядам и любовь к людям достойны примером для всех служить.

“Правда” пишет, что, “когда эти лица (диссиденты) оказываются за рубежом, они быстро раскрывают свое подлинное лицо и уже открыто выступают против социалистического строя”. Из этой сентенции попробуй пойми, какие взгляды они высказывают. Но я уверен, что высказывают они только свои взгляды и именно те, которые у них сложились здесь. Думаю, что и до отъезда они их не скрывали, но спорить о взглядах у нас здесь нет возможности. У вех у нас кляп во рту, и потому мы вынуждены здесь бороться только за одно — за то, чтобы получить наше законное право вынуть кляп изо рта и через слова дать возможность мысли вырваться на волю.

Что же удивительного, что наши друзья, оказавшиеся там, где право человека на мысль признается, стали говорить не об этом праве, а высказывают свои собственные убеждения. Верните народу его законное конституционное право на свободу слова и печати, мы и дома выскажем свои взгляды, в том числе и о социализме — демократическом и тоталитарном (сталинском). На-

верняка найдется немало таких, кто выскажется и против социализма ... тоталитарного.

Вот и все, что я могу рассказать о своих друзьях – участниках правозащитного, религиозного, национального, культурного движений.

Для вас, дорогие читатели, они – диссиденты, для меня – друзья, соратники в нелегкой борьбе. Судите сами, могут они быть преступниками?

Заканчиваю эту главу о друзьях-соратниках, и тепло переполняет грудь мою. Перед моим умственным взором проплывают лица и лица – все дорогие мне люди. Иных из них уже нет, другие далече, третьи и сегодня торят вместе наш тернистый путь. И среди них те, кого никогда не чувствовал отдельно, кто слит с моим существом, без кого и меня не было бы – сегодняшнего. Я говорю о моей жене – Григоренко (в девичестве Егорова) Зинаиде Михайловне и нашем сыне – Григоренко Андрее Петровиче.

Путь к трибуне партийной конференции Ленинского района г. Москвы проложен мне Зинаидой Михайловной. Она первая нанесла удар по моему сталинистскому мировоззрению. В 30-е годы она потеряла брата, застрелянного на Дальнем Востоке; мужа – профессора Института красной профессуры, убитого на следствии; сестру, уничтоженную в сталинских лагерях; зятя, расстрелянного сталинскими палачами. Она и сама испытала следственную тюрьму тех лет. Все это не прошло для нее даром. Она не пошла по пути тех, кто, случайно выбравшись из ада, утверждал, что невиновных выпускают. Не в пример и таким увлеченным, каким был я, она умела обобщать жизненные явления и делать выводы. Очень осторожно и тактично она начала просвещать и меня.

Вместе с тем она не дала нарушиться моей связи с простыми людьми. Дочь рабочего, старого большевика, она имела постоянную склонность общаться и дружить с людьми попроще, но думающими. И, естественно, ее друзья становились и моими друзьями. Некоторые из них уже в те страшные времена реалистически смотрели на жизнь. Их реализм, хоть и медленно, воспринимался мною.

Военная среда специфическая, а мероприятия властей направлены на то, чтобы как можно резче обособить ее. Если бы у меня

не было через жену окна в мир, я просто не мог бы выработать взглядов, отличных от взглядов своего военного окружения. И к сегодняшнему дню мог бы стать большим начальником, но никак не "диссидентом". В мир мятущийся вводила меня жена. Она открыла для меня "Новый Мир" и Солженицына в нем. Она подкладывала мне литературу с проблесками мысли, вытаскивала меня в театр на стоящие постановки и в кино на приличные фильмы. И мысль моя пробуждалась, выдиралась из-под наслоений одуряющего и отупляющего партпросвещения. Постепенно она добралась и до суждений, высказанных 7 сентября 1961 года на партконференции.

Происшедшее на конференции потрясло меня до глубины души, но пришел я в семью, которая не только поняла меня, но стала опорой духу моему. Репрессии нарастали, друзей-соратников тогда еще не было, но рядом шли, подпирая своими плечами, жена и наш сын Андрей. А вот и арест. И первое, что сказано на первом свидании: "Не волнуйся! Береги себя. У нас все в порядке". А что там могло быть в порядке, если кроме меня арестованы два моих сына от первого брака, а у Зинаиды Михайловны никаких источников средств существования, кроме собственных рук. Я, только вернувшись домой, узнал, что "у нас все в порядке" — это бессонные ночи за швейной машиной и униженная торговля пошитым на рынке.

Наконец, спецпсихбольница. Кто в ней не бывал, тому трудно понять, что это — как проваливание в могилу. Единственная надежда выбраться из нее — лжераскаяние. И хотя такое "раскаяние" хуже самоубийства, отказаться от него нелегко. И снова рядом человек, понимающий это. На одном из свиданий слышу от жены необычное для нее сообщение. Плохих новостей она мне никогда не сообщала, а тут вдруг: "Андрея из института исключили". "Но ты же говорила, что обещали не исключать! — высказываю я свое удивление. "Да, обещали, но за это потребовали осудить участие в "Союзе борьбы ..." и твои действия. А Андрей отказался". И мне радостно: любимый сын остался верен человеческому долгу — лживым раскаянием себя не унижил. Мне ясно также: семья не осудит меня, если я не "раскаюсь". А жену врачи как раз пытались убедить, чтоб она повлияла на меня в обратном направлении.

Не мемуары пишу я сейчас. И рассказывать подробности жизни не стану. Коротко скажу важнейшее. Из первого заключения в спецпсихбольнице жена меня буквально вырвала, воспользовавшись замешательством в верхах в связи со снятием Н.С. Хрущева с занимаемых им постов. Благодаря ей я пробыл в этой больнице неслыханно мало — восемь месяцев (без учета 7-ми месяцев предварительного тюремного заключения).

Выхожу из больницы без пенсии. Но жена, с бодрым видом: "Ничего, проживем!", и оба идем работать вахтерами. Работа временная, но живем. Затем вдвоем с сыном Олегом (инвалид детства) идем работать в магазин грузчиками. Андрей работает чертежником. Он снова поступил в институт — на вечернее отделение. Быстро пролетели месяцы от освобождения до нового ареста (IV. 1965 г. — V. 1969 г.). Но за это время мы все трое основательно вошли в семью диссидентов.

Пять лет и два месяца Зинаида Михайловна и Андрей, опираясь друг на друга и на друзей — советских и зарубежных, — вели борьбу за мое освобождение. И каждый раз, когда мои силы были уже на пределе, жена находила способ помочь мне укрепить их. Сейчас мы снова вместе, но, к сожалению, нет рядом любимого сына. За участие в правозащитном движении ему неоднократно угрожали спецпсихбольницей: "Вас, Андрей Петрович, — предупредили его из КГБ, — легче всего туда поместить. У Вас же наследственность!" Сказали это один раз, а потом напоминали. И не выдержал... Не Андрей... Я не выдержал. Мне была непереносима мысль, что сын мой окажется там, где 6,5 лет провёл я. Для себя я этой перспективой не боюсь. Не все ли равно где умирать. Лишь бы достойно отойти в мир иной. А вот представить там любимого сына — это было бы свыше сил моих. И я уговорил жену, а затем и сына на его эмиграцию. Сейчас он очень далеко от нас по расстоянию — в США. Но мы всегда чувствуем его рядом. И притом знаем, что в "психушке" ему теперь не бывать. И еще верим мы, что придет время, когда сын наш, как и другие невольные эмигранты, сможет безбоязненно вернуться на родину. И мы встретим их всех уже не как диссиденты, а как свободные граждане свободной страны.

Люди, систематически слушающие передачи иностранных радиостанций на русском языке, постоянно встречаются с определенными, хорошо известными именами. Я в своей настоящей ра-

боте хотел показать, что людей, самоотверженно ведущих правозащитную борьбу, куда больше. И эти-то люди и представляют истинную силу движения. Известность приходит по малозаметным, зачастую случайным причинам*. Действия же всех участников правозащитного движения отражают назревшие потребности общественной жизни. И хотя каждый из них ЛИЧНОСТЬ, широкая известность приходит не ко всем. Многие неизвестными и из жизни уходят, хотя вложили все силы и талант в дело правозащиты.

Аналогичная картина и с диссидентскими семьями. Даже в диссидентской среде мы знаем Александра Гинзбурга, Миколу Руденко, ну и т. д. А что мы знаем об их женах? Рассказом о своей семье я хотел привлечь внимание к диссидентским семьям, которые несут на себе все тяготы, все невзгоды, зачастую не легче тех, которые выпадают тем, кто отбывает заключение в тюрьмах, лагерях и "психушках". Сейчас новый отряд жен, матерей, детей начал познавать нашу жизнь через страдания арестованных родных людей и через репрессии, обрушиваемые властями на них самих. Помощь и поддержку им и известность их борьбе — к этому я призываю своим рассказом о моих друзьях.

А может, все же диалог

Описанное нами отношение властей к "диссидентам" есть следствие сложившихся отношений между правителями и народом. Управляющие принимают решения втайне от народа, без его участия — за закрытыми дверями. Настроения народа если и учитываются, то только по данным государственного аппарата и сведений секретных служб. Объявленные решения народу дозволено только одобрять, приветствовать (голосовать "за" и аплодировать) и исполнять.

Для бюрократов такая система — просто рай. Не надо заботиться о завоевании доверия избирателей и уважения подчиненных. Достаточно заслужить доверие начальника и поддерживать это доверие. В остальном жизнь течет спокойно, размеренно, без помех и тревоги. Если случились ошибки, просчеты, их стараются скрыть в надежде, что они не будут повторены, а, следовательно,

* Мне, например, известность создала борьба моей жены и сына за мое освобождение.

но, никто о них не узнает и неприятностей от начальства не будет.

В таких условиях всякий, кто пытается "вынести сор из избы", признается самым вредным элементом и подвергается гонениям. Ну, а как прикажете относиться к тем, кто борется против таких гонений, то есть к людям, ведущим правозащитную борьбу?! Ведь если бы случилось такое, что исчезла возможность подвергать гонениям критиков существующих порядков, то нарушилась бы вся нынешняя система. Не преследуемые критики расплодились бы невероятно и не пропустили бы ни одной ошибки, никому не дали бы спокойно жить. Значит, правозащита для чиновника еще страшнее и ненавистнее, чем критика недостатков в хозяйстве, управлении, научной деятельности, культуре... На нее поэтому и обрушивается вся сила карательных воздействий государства.

Нередко жестокую практику карательных органов оправдывают с помощью сентенций: "Правительство должно проявлять твердость. Иначе в стране начнется анархия". Но такая "философия" не выдерживает критики. Во-первых, еще никакая, даже самая жестокая, диктатура не избавляла страну от взрывов и следующей за ними анархии. Наоборот, именно жестокий гнет и террористические действия властей приводили к особенно разрушительным взрывам и безудержному разгулу анархии. Да это и естественно: паровой котел взрывается не там, где излишки пара свободно уходят в атмосферу, а где его продолжают усиленно подогревать и после того, как давление давно перешагнуло критическую черту.

Во-вторых, сама природа дает нам наглядные уроки. Наиболее живучи в природе те существа, у которых лучше развиты обратные связи, или, как обычно говорят, приспособляемость. Выдержал соревнование за жизнь не огромный, но неповоротливый доисторический динозавр, а маленький, юркий, на все быстро реагирующий варан.

Мы знаем, что принесла стране сталинская твердость. Не будем опровергать известные успехи того времени. Но разве стоят они 66 миллионов загубленных жизней. Да пусть и не 66, хотя эта цифра, выведенная по косвенным показателям, но строго научными методами, никем никогда не опровергалась. Но я не спорю с цифрой. Пусть — 30 или другое количество миллионов

безвинно загубленных людей — любые успехи стоят этого?

Да и успехи... Огромный Голиаф был мгновенно сбит с ног вооруженным современной пращей небольшим мускулистым Давидом. Чего стоило Голиафу подняться после этого удара и дойти до победы! "Десятки миллионов"... человеческих жизней — пишет "Правда" (12. 02. 77 г.). А на Западе приводят и более точную цифру — 44 миллиона. Такая огромная, ничем не оправдываемая цена, заплаченная в условиях необычайно благоприятной международной обстановки! А сколько стоит то, что сотни тысяч наших соотечественников воевали на стороне врага? И это все плата за тот путь — сталинский путь, которым мы шли многие годы.

Так стоит ли нам и сегодня держаться за этот путь? Тем более что он осужден 20-м и 22-м съездами партии.

Повседневная жизнь современного советского общества, независимо от наших желаний и вкусов, настойчиво требует демократизации. Чтобы осознанно совершать движение, надо иметь очень многочисленную и разветвленную разведку. Одновременно нельзя давать скапливаться "излишкам пара" даже в отдельных узлах жизни.

Хозяйство нашей страны достигло огромной степени концентрации и централизации. В этих условиях малейшая ошибка в руководстве поражает не отдельную клетку единого хозяйственного организма, а организм в целом. У нас много говорят о преимуществах планового начала, но почти не говорят о его серьезных недостатках, которые особенно заметны и чрезвычайно опасны в условиях недемократических методов составления планов. В этих условиях в основу плана ложатся не всесторонне обоснованные научные соображения, а волюнтаристские установки. А отдельный человек или небольшая их группа, не обремененные глубокими знаниями и самоуверенные, могут высказывать как умные мысли, так и глупости. Но одно дело глупость одного человека в сфере его узкой деятельности, а другое — глупость, распространенная на все хозяйство. Это уже громадное бедствие, бороться с которым можно только методами широкой демократии. Чиновник поддакнет высокому руководителю или промолчит (это не я придумал. Это выводы партии о волюнтаризме Н.С. Хрущева — П.Г.), а в массе участников демократического обсуждения плана обязательно найдутся те, кто

не только обнаружит глупость, но и поднимет свой голос против нее.

Волонтаристское планирование уже нанесло громадный урон хозяйству и природе нашей страны: уничтожение природных зон сельского хозяйства, превращение огромных пространств тучнейших черноземов (путем вскрышных работ) в лунные ландшафты, отдача необъятных просторов целинных земель во власть ветровой эрозии, уничтожение плодороднейших Волжской и Днепровской пойм, создание условий высыхания и загрязнения Каспийского и Аральского морей и многое другое, затрагивающее не только интересы живущих, но и их потомков. И это все очень трудно исправить. А ради чего делается? Ради сиюминутных потребностей и даже для удовлетворения непомерного тщеславия властительного временщика.

Что может дать хотя бы маленькая, почти незаметная, вскоре задушенная властями струйка демократии, показывает проблема Байкала. Ученым, вступившимся за Байкал, удалось много добиться, хотя кардинально проблема из-за неразумного упрямства властей и не решена. Полностью противоположное мы наблюдаем на Дону, где Цимлянское море навсегда поглотило цимлянский виноград, несмотря на отчаянные крики о помощи нескольких защитников этого уникального растения.

В общем, нужна смелая хозяйственная демократия. Нужен плодотворный диалог властей с учеными-плановиками, организаторами, администраторами и рядовыми тружениками промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, связи, сферы услуг.

А зачем правительству запрещать людям, способным к тому, рисовать то, что они хотят, писать стихи, перекладывать их на музыку, петь, писать литературные и литературно-критические произведения, социологические исследования, открывать новые виды искусства или по-новому трактовать традиционные? Очевидно, что только свободное соревнование различных направлений, течений, жанров даст полную жизнь разнообразному творчеству, устранил ныне широкие недовольства и освободит государство от содержания тучи ненужных чиновников, которые сами никакими талантами не обременены и могут лишь что-то запрещать, не тратя сил даже на обоснование этих запрещений.

С помощью диалога можно было бы легко решить и вопросы, вызывающие все большее недовольство немногих из числа де-

портированных при Сталине, но еще не возвращенных на историческую родину малых народов: крымских татар, советских немцев, месхов и некоторых других.

Нечего говорить, что национально-культурные и религиозные вопросы можно разрешать лишь с помощью диалога. Но именно в этих областях накопились серьезные противоречия. Ни на чем не основанные неразумные утеснения религии и национальных чувств людей создают нездоровую обстановку там, где ей и места не должно быть.

По всем этим вопросам можно было бы уже сегодня начать плодотворный диалог с нынешними диссидентами. Не о себе я думаю, говоря это. Мой возраст и здоровье напоминают об ином диалоге. Но друзья мои достойны того, чтобы руководители страны с уважением отнеслись к их слову. Во-первых, потому, что они убежденные сторонники строгого соблюдения законов и уважения к заключенным Советским Союзом международным договорам. Во-вторых, и сами эти люди заслуживают уважения. То, что их ругают в советской печати, отражает лишь злобу чиновничества против правозащитников, но истинной ценности не имеет. Даже те, кто пишет эту ругань, вряд ли верят в написанное и понимают, что разговор с А. Сахаровым и А. Солженицыным составит честь для политического деятеля самого высокого ранга.

А член-корреспондент Академии наук СССР И. Шафаревич, член-корреспондент Армянской Академии наук Ю. Орлов, доктор физико-математических наук В. Турчин, писатели Л. Копелев, Л. Чуковская, В. Войнович — разве это не достойные собеседники? Но главный участник диалога — талантливая, ищущая, мужественная советская молодежь. Не так давно мир был свидетелем умных, глубоких выступлений трех советских диссидентов — Л. Плюща, А. Амальрика, В. Буковского в защиту политзаключенных и в осуждение антидемократических порядков в СССР. Стоило только сопоставить эти выступления со стандартизованными, упакованными в казенные фразы высказываниями высоких политических деятелей социалистического мира и некоторых слепо копирующих КПСС коммунистических партий, чтоб убедиться, что с любым из этой тройки можно вести содержательный и конструктивный разговор. А ведь это рядовые правозащитного движения. Такие, как они, и более талант-

ливые осуждаются по сфальсифицированным обвинениям и идут в тюрьмы, лагеря и спецпсихбольницы. Многие эмигрируют. "Известия" публикуют статью "Контора г-на Шиманского" (24. 02. 77 г.). В этой статье в самом ругательном тоне говорят и о трех, мне хорошо известных людях. Но уместно спросить у "Известий", почему эти, ругаемые сегодня, — за рубежом? Ведь В. Максимов — выдающийся русский писатель, Н. Горбаневская — поэтесса, А. Галич — талантливый, хотя и своеобразный поэт. Спрашивается — почему им всем не творить на Родине? Но Максиму и Галичу закрыли дорогу к творческому труду, лишив тем самым и средств к существованию, а Н. Горбаневскую, кроме того, оторвали от малолетних детей и упрятали в спецпсихбольницу. Что же удивительного, что всем им пришлось эмигрировать.

Так за что же ругают их "Известия"? Что не поют дифирамбов своему прошлому? Нет, они говорят о нем правду, а это, как уже известно, на языке михайловых, кассисов, да и апаринных называется клеветой и дезинформацией. За это их и ругают.

Вот так страна теряет свои лучшие кадры, своих талантливых и мужественных людей, которые истязаются в местах заключения или покидают свою родину. Продвигаются же, замещают руководящие посты те, кто не высказывается против, у кого хребет погибче. Эти люди чиновничий покой не нарушают. Но будет ли от этого народу лучше? Вопрос! Не нарушают покой и те, кто, считая, что "плетью обуха не перешибешь", уходят в семью или в пьянку, в разврат, вырабатывая в себе полное равнодушие к делу.

Минувшей осенью страна, по оценке правительства, собрала небывалый урожай. Я не вижу оснований не верить этому. Но вот вопрос: улучшилось ли снабжение в связи с таким урожаем? Твердо заявляю: нет, стало хуже. Это не мое индивидуальное мнение. Это говорят все: в магазине, в транспорте, на улице. Но почему? Да потому, что все звенья товаропроводящей системы работат все хуже. И никакой чиновничий контроль этого не выявит и не устранил.

Нельзя сказать, чтобы партийно-государственное руководство не видело всего этого. Оно видит. Но пути, которые избирает, вряд ли назовешь эффективными. Почти еженедельно публикуются постановления, написанные тем бюрократическим язы-

ксм, который как-будто кого-то к чему-то обязывает, но делает это столь неконкретно и с заблаговременным созданием возможности уклониться от выполнения заданий, что можно не бояться привлечения к ответу за невыполненный пункт. Мало помогают делу и всякие призывы и соревнования с вручением премий и знамен. Чтобы преодолеть затхлую атмосферу чиновничьего покоя, надо, чтобы туда подул хоть легкий ветерок демократической критики.

Но в настоящее время нет другой силы, способной на это, кроме диссидентов. Не только конкретные личности, составляющие данное движение, указывают на это. Связь, которая установилась у диссидентов с думающими людьми, тоже говорит в их пользу. Диссиденты, особенно такие, как Сахаров и наиболее близкие ему люди, получают много писем. Среди них есть всякие — и сомнительные жалобы, и просто графоманские. Но основная масса таких, в которых люди делятся своими мыслями, раздумьями и чаще всего ничего не просят. Нередко заканчивают почти стереотипной фразой: "Пишу только для того, чтобы Вы знали об этом. Ответите, буду рад". Если к этому добавить, что через диссидентов идет и "самиздат", где публикуются очень серьезные труды, то станет ясно, что у диссидентов есть что сказать своему оппоненту.

Так, может, все-таки конструктивный диалог вместо истощающей силы правительственной войны против мыслящей части нашего народа?

Немного теории или самоновейшая "демократия"

Наше правозащитное движение постоянно указывало на то, что в СССР попираются права человека. Эти заявления обычно иллюстрировались многочисленными фактами. Но за всю мою практику участия в правозащитном движении не было случая, чтобы власти опровергли хоть один из приведенных фактов или хотя бы предприняли попытку расследования. Как правило, они делаются глухими и слепыми по отношению к конкретным фактам, делают вид, будто о них никто и не говорил; людей же, сообщающих факты, обвиняют в клеветнических измышлениях, в стремлении подорвать существующий строй или нанести ему

существенный урон. Одновременно в самой общей форме превозносится забота о человеке в нашей стране.

По такой схеме построена и статья в "Правде" под заголовком "Что скрывается за шумихой о "правах человека". Начав с прославления наших великих достижений, авторы перешли к площадной брани на диссидентов и самой беспардонной клевете на них. Заодно досталось и "зарубежным антисоветским центрам" и "противникам разрядки". Но как это ни хлестко все изложено, а ответа на вопрос — а как же с правами человека в СССР? — здесь нет. Возникает надобность хотя бы заключить этим. И вот мы читаем: "Что касается действительных прав человека, то *опыт истории показал* (да, да, у нас только так. Опыт истории всегда, когда нам потребуется, приходит и показывает все что нам угодно — П.Г.), что эти права способен обеспечить только социалистический строй. Право на труд, на образование, на социальное обеспечение, право избирать и быть избранным в органы власти и управления всех уровней, критиковать и контролировать их работу, право на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения, — *такова наша социалистическая демократия* в реальности, в действии". (Курсив мой — П.Г.)

Невольно хочется переспросить: Что? Что это такое? Д е м о к р а т и я? Социалистическая? Да полно-те! Что это за метаморфозы? До сих пор из истории (той самой, опыт которой показал) нам были известны демократия античного мира и демократия буржуазная. Первая была *демократией* для рабовладельцев, вторая — для буржуазии. В обоих случаях демократия — понятие совершенно определенное, и прилагательные (буржуазная, рабовладельческая) содержание понятия не меняют. Они только указывают на тот общественный слой, которому демократия служит. И вдруг мы видим, прилагательное "социалистическая" коренным образом изменило содержание понятия "демократия". До сих пор, из века в век, в понятие демократии включались: свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свобода вероисповедания, свобода передвижения и выбора места проживания, неприкосновенность личности и жилища.

Редакция центрального органа правящей партии начисто забыла эти основополагающие составные демократии. И забыла не слу-

чайно. В Конституции СССР записаны свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, но этими свободами пользоваться народу советскому не было дано. Участники правозащитного движения использовали эти свободы явочным порядком, не считаясь с запретами властей, поскольку эти запреты незаконны — антиконституционны. И правозащитники добились победы, правда, с обратным знаком. Нет, нет, это не поражение, а именно победа с обратным знаком.

Как было до сих пор? Власти утверждали, что у нас в стране есть свобода слова, печати и т. д., а пользоваться этими свободами не давали. Мы, не считаясь с запретами, пытались пользоваться конституционными свободами. И власти теперь вынуждены открыто признать, что этих свобод в нашей стране нет. Они соznались в своей лжи и подтвердили то, в чем мы были убеждены и что стремились доказать перед всем миром. Разоблачение лжи, признание властей в том, что они до сих пор лгали, — это их поражение, а, значит, наша победа.

Но победа условная, поскольку нам теперь хотят дать Конституцию, в которой уже не будут записаны вышеуказанные свободы. Как известно, Конституция СССР перерабатывается. Собственный наш опыт свидетельствует, что "Правда" намечаемые в законах изменения публикует на своих страницах и эти публикации становятся для других газет образцами. Надо ожидать, что сейчас вся печать начнет по образцу "Правды" проповедовать социалистическую демократию, из которой удалены общедемократические свободы. Таков, вероятно, будет и проект Конституции, который конституционная комиссия предложит Верховному Совету, а тот, как всегда, внеся несущественные поправки, проголосует единогласно за утверждение.

Свободы вероисповедания в Конституции нет. Вместо этого затемненное и лицемерное: "Свобода совести и свобода антирелигиозной пропаганды". Как будто можно противопоставлять эти два понятия. *Свобода антирелигиозной пропаганды*, если общество демократическое, должно быть противопоставлено *свободе религиозной пропаганды*. Но дело запутали, чтобы не сказать о свободе вероисповедания. И его нет. Установлена по Конституции и в жизни *диктатура* новейшей религии — *госатеизма*.

Нет в Конституции также свободы передвижения и свободы выбора места проживания. Того и другого нет и в нашей совет-

ской действительности. Но если я не могу жить, где хочу, не имею права покинуть место, к которому меня пригвоздил паспортный режим, то чем же я отличаюсь от заключенного? Только тем, что его привезли к месту заключения под конвоем, а я прибыл к месту паспортного закрепления без оного.

Неприкосновенность личности и жилища Конституцией прокламирована. В действительности же десятки миллионов людей были без каких бы то ни было оснований арестованы, расстреляны, отправлены в лагеря уничтожения; целые народы среди ночи были изгнаны из своих жилищ, погружены в скотские вагоны и вывезены в пустыни и полупустыни. Некоторым из этих народов — крымским татарам, советским немцам, месхам — до сих пор не разрешено возвратиться на землю предков. Их жилища разрушены или заселены другими людьми, но истинным хозяевам этих жилищ не заплачено ни за жилища, ни за другое грабительски изъятое имущество. Теперь, как нам сообщает "Правда", неприкосновенность личности и жилища вообще не входит в понятие социалистической демократии. Что ж, и правильно! *Исторический опыт* показывает, что когда надо, то "прикасаются" и к личности, и к жилищу. Так зачем же записывать в Конституцию то, что явно невыполнимо? Пусть наши "доблестные органы" наводят, когда надо, твердый порядок, без каких бы то ни было неприкосновенностей. Пусть арестовывают, расстреливают, угоняют в лагеря, снова депортируют целые народы, не оглядываясь на Конституцию.

Таковы изъятия из демократии при переходе ее из буржуазного состояния в социалистическое.

Ну, а во что же превратилась демократия, приняв на себя звание социалистической? Разберем написанное в "Правде" по составляющим социалистической демократии. Итак:

Право на труд. Правители нашей страны больше всего гордятся тем, что вписали в Конституцию это право. Но что оно означает? Значит ли это, что вас не могут уволить или что вам обязаны предоставить работу по специальности, если вы потеряли прежнюю. Нет, не значит. Вас могут уволить, если вы политически неуютны властям, и дать указание, чтобы вас нигде не принимали по вашей специальности. Такое происходит, например, с руководителем советской группы "Международной Амнистии", доктором физико-математических наук Валентином Турчиным.

Его уволили, и уже 4 года он не работает. А на днях его вызывали в КГБ и заявили: "О вашем трудоустройстве по специальности не может быть и речи". Вот каково оно, это право!

Так в чем же тогда право на труд? — спросите вы, читатель. — Не знаю, — отвечу я. Могу только рассказать о практике. А она вот такая. Уволенный по политическим мотивам обязан устроиться на работу сам. А поскольку его по специальности нигде не берут, а не по своей специальности работать не хочет, то он попадает под суд "за тунеядство". Тот же, кто не хочет быть осужденным, переквалифицируется. Ученые, писатели, художники идут в сторожа, уборщики мусора, рабочие магазинов..., и это на всю жизнь, так как обратного хода для политических нет.

Но вы скажете, что это не п р а в о, а о б я з а н н о с т ь. Я с вами спорить не буду. И, по-моему, право на труд без права не трудиться является не правом, а обязанностью. Правом на труд в таком смысле полнее всего обладали рабы. Они должны были все время трудиться. Им даже для отдыха предоставлялось совсем недостаточно времени. Право на труд, за которое ратуют пропагандисты преимуществ социалистической демократии, есть рабское "право". Алексей Пешков в таких условиях никогда бы не превратился в Максима Горького. Он либо не вылезал бы из тюрем "за бродяжничество" и "тунеядство", либо должен был сделаться профессиональным мусорщиком или хлебопеком.

Кстати, о тунеядстве. Человек, который, проработав 2-3 месяца, остальную часть года посвящает какому-то полюбившемуся делу и живет в это время на заработанные деньги, быть может, впроголодь, — тунеядец? А человек, не пьяница, не гультай, а просто чем-то увлеченный, который живет на средства родных, друзей, благотворительности, — он тунеядец? А партийный чиновник, корреспондент, вроде В. Сергеева, посвятивший свою жизнь дезинформации людей через печать, а цензор в стране, где по конституции существует свобода печати, а "топтуны" и "стукачи", отслеживающие честных людей, — они все "труженики"? Сколько их в нашей стране, пожирающих народный хлеб и занятых только тем, что берегут несменяемость власти или дезинформируют народ. Тучи чиновной саранчи. И все "трудятся". В частности, и над тем, чтобы извратить понятие "тунеядец". По-

пробуй, объясни им, что "тунеядец" не тот, кто, не находясь на официальной службе, не получая зарплаты у государства, зарабатывает хлеб своими собственными руками, а тот, кто всю жизнь регулярно ходит на работу и, не делая ничего полезного для народа, пользуется его трудами — получает зарплату из общегосударственного кармана. Притом немалую.

Право на образование. В чем оно выражается? Не в праве же на восьмилетнее образование, поскольку оно обязательное. Значит, в праве на среднее специальное и высшее образование. Значит, каждого, кто хочет в ВУЗ, обязаны принимать? Ведь у него право. Ан нет, принимают лишь тех, кто прошел по конкурсу. Какое же это право? Получается, что у тебя не право на образование, а право на то, чтобы подать документы и, если тебя допустят до экзаменов, то проэкзаменоваться. Права же на образование нет. А если учесть, что конкурсному испытанию подвергаются не только знания, а и анкетные данные, то право на образование становится еще проблематичнее. Во время учебы тоже могут вышибить. Во всяком случае оппозиционные политические действия никому из студентов не прощают. Сразу же вышибают. Таково это право.

Право на социальное обеспечение самое проблематичное из всех прав. Максимальная трудовая пенсия 120 рублей. Когда это установилось, средний заработок в Советском Союзе был равен 70 рублям. Сейчас он поднялся, как сообщают наши газеты, до 150 рублей, то есть возрос более чем вдвое, а максимальная пенсия осталась прежней. Но максимальная все же пенсия. А 21 рубль — это пенсия? А 16 рублей? Можно на них жить? А ведь есть и 8 рублей. А есть и совсем не получающие пенсий. А как же с правом? Спросите "Правду". Это ведь она, а не я, написала, что советские люди *имеют право* на социальное обеспечение. Как-то в "Правде" была опубликована карикатура, где огромный и страшный военный ("пентагон") отнимает деньги у изможденного гражданского ("социальные нужды"). Возможно, "пентагон" добрался и до наших "социальных нужд"?

Далее совсем фантастическое право — *"избирать и быть избранным в органы власти и управления всех уровней"*. А разве у нас были выборы когда-нибудь? Я еще помню, что в моей юности проводилось нечто подобное выборам. А нынешнее поколение, пожалуй, даже не знает, что такое выборы. Мы участвуем

в постыдной комедии голосования — выбираем одного из ... одного. Даже полудикие африканские народы знают, что если кандидат один, то за него голосовать не надо. А мы, передовая социалистическая страна, не знаем этого и голосуем. Да еще обставляем дело так, чтоб видно было, кто голосовал против: ход к урне не через кабины. Наоборот, они отодвигаются в сторону и ставятся так, чтобы быть под хорошим обзором.

И наконец, *’право критиковать и контролировать работу органов власти и управления всех уровней, право на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения’*. Великолепные слова. Но как можно осуществить хоть одно из этих прав без свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и... забастовок?

Как критиковать? Так, как делаем сегодня? Писать верноподданические заявления в вышестоящие инстанции? А они, как и сейчас, не будут на них отвечать или отделаются отписками? А как контролировать работу любого учреждения, если старший начальник или так называемый народный, то есть тот же чиновничий, контроль не организует соответствующую проверку?

Что же касается права на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения, то этого, наверное, не понимают и авторы статьи. Скорее всего, это включено в качестве комического элемента. Хотели, чтоб выглядело позабористее. Вот, мол, как у нас: ”вздумал дядя Миша, чтоб наивысший орган, например, Политбюро, принял решение общегосударственного значения, одел выходной пиджак и пошел. А там его уже ждут, встречают, берут под ручки и ведут... в сумасшедший дом, разумеется, и говорят: ”Вот хорошо, Михайло Семеныч, что пришли.. Мы с вами поговорим, посоветуемся, обсудим важнейшие общегосударственные вопросы”. Это не придуманная картинка. Так именно встречают в Верховном Совете жалобщиков, которые хотят непременно лично попасть на прием к председателю Президиума или хотя бы к заместителю.

Такова самоновейшая ”Демократия” имени ”Правды”.

Попутно один частный вопрос. Советские органы печати нередко используют жупел ”вмешательства во внутренние дела”. Хотелось бы разобраться в этом вопросе. Сначала юридически.

Если я, добровольно заключив международный договор, принял на себя определенные обязательства и тут же "забыл", что их надо выполнять, имеют ли право другие участники договора напомнить о нем или это будет вмешательством во внутренние дела? Второй вопрос: могут ли международные органы осудить нарушение прав человека в какой-то отдельной стране? Это, пожалуй, даже не вопрос, поскольку такое обсуждение и осуждение уже проводится в отношении Чили, Израиля, ЮАР. Почему же, когда речь заходит о великой державе, на сцене появляется "вмешательство во внутренние дела"?

Но оставим юридическую сторону, обратимся к моральной. Если вы видите через высокий забор, что в доме вашего соседа душат одного из семьи, вы что — отвернетесь, чтобы вас не обвинили во вмешательстве в семейные дела, или, может, хотя бы голос подадите, крикните: "Прекратите истязать человека, звери!"

Не знаю, как вы, читатель, а я за такое и даже более решительное вмешательство. Я за то, чтобы вызвать милицию, ворваться во двор и скрутить душителя. Но это так, в семье. А в государстве?

Если мы видим, что правительство какой-то страны, не считаясь с международными законами, ни с нормами человеческой морали, ради утверждения или укрепления своей власти, казнит и истязает ни в чем не повинных людей, неужели мы будем молчать? Думаю, любой *гражданин* мира не согласится на такое поведение. Он поднимет голос протеста. Нарушители прав человека назовут такой протест "вмешательством во внутренние дела" и обхамят протестующих. Но этого бояться не надо. Нарушители прав человека должны быть схвачены за руку, даже если они правят великой страной. В борьбе за права человека все люди земли и правительства, выражающие волю своих народов, должны решительно "вмешиваться во внутренние дела" тех стран, где эти нарушения совершаются.

Вместо послесловия. Слово к западным коммунистам

Как человек, всю жизнь отдавший делу борьбы за идеалы коммунизма, хочу обратиться к тем, кто искренне верит в свет-

лое коммунистическое будущее. Но не о коммунизме я буду говорить. Продлит Господь дни жизни моей, может, поговорим об этом. Сейчас я хочу коснуться только того, что относится к арестам членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Арестовано на сегодняшний день (февраль 1977 г.) четверо — по два от Московской и Украинской групп. И т р о е из них — бывшие члены КПСС: Ю. Орлов, М. Руденко и О. Тихий. М. Руденко был даже крупным партийным руководителем — секретарем парткома Союза писателей Украины. Не состоял в партии один Александр Гинзбург.

Задумайтесь, товарищи, над этим. Далеко не рядовые люди — крупный писатель, академик, учитель не только изгоняются из партии, но и подвергнуты аресту. И за что? Только за слово, за свои убеждения; за то, что высказали неприятную для правительства правду о грубых нарушениях Советским Союзом Хельсинкских соглашений. Власти в СССР говорят, что за убеждения не судят. Но это чистейшее лицемерие. *Судят за высказанные убеждения*, называя такие высказывания "клеветническими измышлениями, порочащими советский общественный и государственный строй"; или "антисоветской пропагандой". Иначе говоря, за взгляды не судят, если они самим тобой умерщвлены в твоей голове, если им не дана жизнь через слово. А за высказанные судят, изгоняют из партии, с работы, из учебных заведений, передают суду, заключают на многие годы в тюрьмы, лагеря, спецпсихбольницы.

Проиллюстрирую сказанное на примерах.

Юрия Орлова исключили из партии в 1956 году и изгнали с работы за то, что он, выступая на партсобрании института в прениях по докладу Хрущева на 20 съезде, потребовал привлечения к ответственности соучастников сталинских преступлений. За что же его наказали, если не за убеждения?

Микола Руденко, разрабатывая философские вопросы, объединенные впоследствии в его труде "Экономические диалоги", попутно обращался несколько раз в ЦК КПУ, указывая на ряд хозяйственных ошибок. Партийный аппарат, не разбираясь в сути вопросов, предложил ему прекратить свои исследования. Поскольку он отказался выполнить это незаконное требование и начал жаловаться, его исключили из партии, исключили из Со-

юза писателей и запретили печатать его произведения, лишив тем самым средств к существованию. Ну а теперь он арестован. Уместно и здесь спросить: за что, если не за убеждения?

Поучительна история и с моим исключением. В КПСС, как и в стране в целом, существует неписанный порядок, при котором ни на одной конференции, съезде, большом собрании, слете, митинге не может выступить никто, кого на это не уполномочило руководство. При этом выступающий должен говорить лишь то, что заранее согласовано с руководителем. Я сумел обойти этот порядок, испросив слова непосредственно у районной партийной конференции, делегатом которой был. Получив же трибуну, высказался против нараставшего в то время (октябрь 1961 г.) культа Хрущева.

Наши руководители и печать любят козырять такими категориями — "Партия с вами не согласится", "Народ вас не поймет". Но ни с партией, ни с народом никому без дозвола руководящих чиновников говорить не дадут. Мне это удалось — единственный раз в жизни; и хотя я за это был жестоко наказан, но получил величайшее удовлетворение — конференция меня поняла, поддержала и в обиду не дала. Это потом, с помощью партийного аппарата, меня отстранили от должности начальника кафедры Военной академии и от научной работы, сняли с защиты мою докторскую диссертацию и, наложив строжайшее партийное взыскание (строгий выговор с предупреждением и с занесением в учетную карточку), сослали на Дальний Восток. Два года спустя арестовали и, исключив из партии, заключили в специальную (тюремную) психиатрическую больницу, лишив заодно генеральского звания и заслуженной пенсии. Только снятие Хрущева помогло мне освободиться из этой страшной "больницы", пробыв в ней и в следственной тюрьме КГБ всего лишь год и 3 месяца. Но все остальные репрессии остались в силе. А еще 4 года спустя — новая спецпсихбольница, уже распоряжением новых претендентов на культ, поглотила меня на долгие 5 лет и два месяца. Может, и здесь били не за убеждения?

Генрих Алтунян был исключен из партии за связь со мною. Да, да, в протоколе так дословно и записано: "По заданию 13-ти харьковских клеветников выехал в Москву, чтобы познакомиться с сыном командарма Якира и с бывшим генералом Гри-

горенко. Что и выполнил...” В общем, провинция в то время (1968 год) лицемерить не умела. За что исключает, то и записали. Не то Москва. Когда меня привлекали к партийной ответственности, я в анкетке, заполняемой перед рассмотрением дела, в ответ на вопрос — за что привлекается, написал: ”За выступление на партийной конференции Ленинского района г. Москвы”. Но секретарь парткома Академии, выдернув анкетку из моих рук, проговорил:

— Так писать нельзя.

— Ну, тогда пишите сами, — сказал я.

И написали!

”За недооценку деятельности партии по вопросу о ликвидации культа Сталина и за извращение линии партии в вопросе борьбы с культом личности”.

Далее пошла сказка про ”белого бычка”.

Я отказываюсь подписать себе такое обвинение и спрашиваю:

— Когда же и где я недооценивал деятельность партии и извращал линию партии?

— В вашем выступлении на партконференции.

— Значит, вы наказываете меня за выступление, в котором, по вашему мнению, содержались и недооценка, и извращение?

— Нет, выступать вы имели право.

— Тогда за что же вы меня привлекаете?

— ”За недооценку...”, ну и так далее.

— Когда и где я недооценивал?

— ”Ваше выступление...”

И так до тех пор, пока я, утомившись и отчаявшись пробить стену бюрократического равнодушия, умолкаю.

В провинции тогда еще не умели так поступать. Поэтому Г. Алтуняна исключили за меня, а его друга, Владислава Недобору, — за Алтуняна. Кроме того, последнего уволили из армии (он радиоинженер, майор), и обоим дали по три года лагеря. По возвращении из заключения ни тот, ни другой (оба инженеры) не допущены к работе по специальности и уже около четырех лет работают слесарями.

Примерно с такой же, как и Алтунян, формулировкой был исключен из партии, снят с работы, а затем арестован и заключен в психиатрическую больницу *Иван Яхимович*. Он по окончании университета работал директором школы. Откликнувшись

на призыв партии, оставил выгодную должность и благоустроенную городскую квартиру и пошел председателем в отстающий колхоз. Одновременно поступил на заочный курс в сельхозакадемию. Колхоз под его руководством вышел в передовые. О нем стали писать газеты. Но вот он услышал по радио о выступлениях Павла Литвинова и Якира. Фамилии эти, тем более для историка, известны. И он заговорил об этом в своей парторганизации. Его вызвали в райком, сделали внушение и сказали, что таких людей в Москве нет, что это просто провокация иностранного радио. Он не поверил этому, поехал в Москву и там нашел этих людей. Вернувшись в район, рассказал об этом и был исключен за связь с этими людьми. Написал открытое письмо М. Суслову. Оно получило широкое распространение в "самиздате". За это письмо был арестован и заключен в психиатрическую больницу. Сейчас работает лесником. Ни в школу, ни в колхоз его не допустили.

Владлен Павленков — преподаватель института из г. Горького написал кандидатскую диссертацию по работе Ленина "Государство и революция". В диссертации показал, что наше государство устроено не в соответствии с теорией Ленина. (Это так и есть.) За это его исключили из партии и осудили. Он получил и уже отсидел 7 лет. От преподавательской деятельности отстранен и может заниматься только физическим трудом, да и то не на крупном предприятии. Рабочий класс власти оберегают от влияния неблагонадежных элементов. Для таких, как Павленков, выбирать можно только между сторожем и рабочим в магазине.

Вообще, ленинскому "Государству и революции" не повезло. И мое грехопадение началось с этого ленинского труда. И *Леонид Плющ*, находящийся сейчас во Франции, попал в специальную психиатрическую больницу больше всего за пропаганду идей этого труда. И *Борису Вайлю* этот труд "помог" попасть на 6 лет в лагерь и на 2 года в ссылку.

Педагог одного из высших учебных заведений Киева *Василий Лисовой* ни в каких оппозиционных движениях не участвовал, хотя многие из его друзей, возмущенные русификаторской политикой властей, выступали в защиту украинской культуры. За это их начали арестовывать. Узнав об арестах, В. Лисовой написал

возмущенное письмо в ЦК КПУ, в котором он заявил, что знает всех арестованных, знает их взгляды как целиком соответствующие ленинскому национальному учению. Он сам разделяет эти взгляды и считает, что арестованных надо освободить, а если теперь за это арестовывают, то пусть арестуют и его. Просьба была немедленно удовлетворена. Его исключили из партии "за национализм", а вскоре арестовали и осудили — 7 лет лагеря строгого режима "за антисоветскую пропаганду". Заявление, поданное в ЦК партии, попало в КГБ, оттуда в суд и служило основным обвинительным документом.

Я мог бы приводить и приводить подобные примеры, ибо такова система — *с инакомыслием в партии борются с помощью КГБ*. Не дискуссия, не партийный диалог, а кулак — лагерь, тюрьма, спецпсихбольница.

Аналогичными средствами действуют и обычные (несоциалистические) диктаторские режимы. Но за коммунистов, арестованных этими режимами, вступаете вы. А кто же должен вступить за коммунистов, арестовываемых и осуждаемых в СССР и так называемых социалистических странах? Кому защищать других советских демократов, подвергаемых жестоким и незаконным репрессиям? До сих пор нас защищали некоммунистические демократические движения. Коммунисты в этом не участвовали. Хуже того, они защищали, а большинство продолжает и сегодня защищать террористическую практику властей в Советском Союзе.

ПОЧЕМУ?

Вы, видимо, считаете, что дорогу в будущее знают только руководители КПСС, а рядовая масса не должна иметь никаких своих мнений? Обязана слепо следовать за вождями и повиноваться им? А кто пытается взглянуть собственными глазами на происходящее и осмыслить его, тот заслуживает, чтобы его уничтожили без разговора?

Вы такого коммунизма хотите?

Мы этого не хотим! Пережитое дает нам право бороться против такого "коммунизма".

Не так далеко ушло то время, когда в нашей стране уничтожали людей миллионами, десятками миллионов. И никто не наказан за это человекоистребление и даже морально не осужден.

Нам даже официально не сообщили цифру безвинно загубленных! 22-й съезд КПСС принял решение поставить памятник жертвам сталинского террора. Нет этого памятника. Наоборот, запрещено вспоминать об этих жертвах. За такие воспоминания — тюрьма, лагерь, спецпсихбольница. Говорят, зачем вспоминать? То, что было, прошло и не вернется...

Н Е П Р А В Д А !!!

Сталинизм — не случайное явление. Он — закономерное порождение марксизма — учения, в котором демократические тенденции органически сочетаются с тоталитарными. До Октябрьской революции русские марксисты активно боролись за демократические преобразования. После Октября на первый план выдвинулись тоталитарные устремления, хотя руководящим учением продолжал оставаться марксизм. Высшего развития тоталитаризм достиг в годы сталинского террора. Смерть Сталина привела к ослаблению тоталитаризма, но не к гибели его. Он не мог погибнуть, поскольку руководящим учением продолжал оставаться марксизм, а знали мы только тоталитарный марксизм. Все послеоктябрьское поколение, пришедшее к руководству партией и страной, воспитывалось только на этом марксизме. Оно могло руководить, лишь опираясь на марксистский тоталитаризм: управление с помощью репрессий, а не через диалог с народом. Крайностей сталинского периода теперь нет, сажают не сотнями тысяч и миллионами, а сотнями и тысячами, соблюдается видимость законности, но в основе — та же теория, те же методы: опора не на закон, не на народное волеизъявление, а на силу, на ложь, лицемерие. Поэтому угроза террора типа сталинского постоянно висит над нашим народом как дамоклов меч. Сталинизм потихоньку, но настойчиво реабилитируется. Осуждать сталинские крайности запрещено. Никаких памятников жертвам. Никаких осуждений прошлого. Никаких преследований участников массовых репрессий. Похоронить саму память о них и тем обеспечить сохранение тоталитарного марксизма как руководящего учения.

Руководители партии и советского государства, не зная другого учения, привыкнув к тоталитарному управлению, не хотят расстаться с этим учением, готовы сделать все для его сохранения и укрепления. Но это учение уже достаточно себя разоблачило, показало свое звериное лицо. Только крайние реакционе-

ры теперь могут защищать это учение. Первый, наиболее осязаемый, удар нанесли этому учению чехословацкие коммунисты в 1968 году. Всенародное движение за демократический социализм удалось подавить лишь с помощью мощной вооруженной силы, однако это не спасает тоталитарный марксизм. Переместился лишь центр борьбы против него. Ряд коммунистических партий Западной Европы настойчиво ищет отличных от Советского Союза путей к социализму. Вместе с тем не прекращается борьба против тоталитаризма и в "социалистических" странах. "Хартия 77", кампания в защиту рабочих в Польше — яркие проявления этой борьбы.

В Советском Союзе борьба против тоталитаризма стихийно приняла форму правозащитного движения. Мы добиваемся только одного — чтобы власти не нарушали ими же созданных законов. Неожиданно такая форма борьбы оказалась очень действенной. В нашей стране со времен правления Сталина по его инициативе в повседневную практику государственного управления вошли ложь и лицемерие. Издавались очень хорошие законы, подписывались либеральные и гуманистические международные документы, а народ не мог пользоваться их благами. Мало того, народ приучали системой "воспитательных" мер и репрессиями воздавать хвалу этим законам как действующим.

Мы начали явочным порядком пользоваться советскими и принятыми Советским Союзом международными законами. Для этого, конечно, надо было знать эти законы. Мы изучали их, и некоторые из нас достигли большого искусства в толковании их. Таких "толкователей" власти особенно не любили. Одни из них — как Борис Цукерман, Юлиус Телесин, Валерий Чалидзе — были выдворены из страны. Другие — как биолог Владимир Буковский, историк Андрей Амальрик, биолог Сергей Ковалев и физик Андрей Твердохлебов — осуждены на длительные сроки тюремно-лагерного заключения и к ссылке. Первые два уже отбыли свои сроки и находятся на Западе. Остальные отбывают наказание в крайне тяжелых условиях.

Жестоким репрессиям подвергались и все другие правозащитники. Длинный, очень длинный скорбный список репрессированных только за то, что они хотели жить и действовать по закону. Им создавали фальсифицированные дела и выносили жестокие

приговоры. Но каждый такой суд усилиями оставшихся на воле правозащитников превращался в событие, разоблачающее произвол, беззаконие, ложь и лицемерие. И власти наконец поняли, сколь опасно это для них. Они долгое время не употребляли даже слова "правозащитный", чтобы не привлекать к нему внимания. Но вот сейчас они уже упирают на это. "Правда" от 12 февраля 1977 года в статье "Что скрывается за шумихой о "правах человека" утверждает, что "правозащитность" — это только маска, а на самом деле это — "отщепенцы, вступившие в своей борьбе с советским строем на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами".

Эта невероятная ложь потребовалась центральному органу партии, чтобы создать погромные настроения в народе, чтобы провести широкую чистку в стране и разгромить правозащитное движение. Очевидно, что, если бы это удалось, на наш народ накатила бы новая волна массового террора.

Мы верим, что этого не произойдет. Правозащитное движение за те годы, что я с ним связан (более 10-ти лет), подверглось многим жестоким ударам, но каждый из них только усиливал его — и численно, и качественно. Думаю, что и из этого испытания оно выйдет усилившимся. *Закон в стране будет уважаться.* За это можно любую цену заплатить.

В свое время Ленин писал: "В народе говорят: "Если Бог хочет кого наказать, он отнимает у него разум". Я добавлю, — говорил он, — если история хочет наказать класс, она отнимает у него умных людей". Ну, а я к этому добавлю, что если жизнь против существующего государственного управления, то она вынуждает правителей действовать так, чтобы противопоставить себе людей, выражающих ум, честь и совесть эпохи.

Кто поспорит с тем, что нет в нашей стране и не было за время советской власти писателя больше Александра Солженицына. Зачем же его оторвали от своего народа, а себя выставили на всеобщее позорище?

Много ли у нас в стране, да и в мире людей равных Андрею Сахарову по уму и особенно душевным качествам. По душе он человек будущего, личность, перед которой нельзя не преклоняться. Почему же его преследуют? Почему ему не дали возможности съездить за Нобелевской премией Мира и тем превратили

акт, долженствующий служить прославлению родины, в национальный позор?

Или последние аресты. Взять сразу такие два ума, такие таланты, как Юрий Орлов и Микола Руденко. Да где разум у тех, кто делал это?

Недавно на Запад прибыли с небольшими перерывами мои молодые друзья Леонид Плющ, Андрей Амальрик, Владимир Буковский. Весь мир поражается их уму, силе характера, политической прозорливости. Почему же Родина отторгает от себя таких людей? И надо учесть, что это — наши обычные, рядовые участники правозащитного движения. Таких, как они, уехало на Запад (только менее заметно) сотни. А в стране остались тысячи. И государство, вместо того чтобы пользоваться их умом и талантами, противопоставляет их себе! Поразительно!

Правозащитное движение приложит, разумеется, все силы, чтобы отстоять себя.

Но главное не в этом, а в том — долго ли будет существовать тоталитаризм, единственная страна в мире, где за 60 лет не было ни одной политической амнистии?

Коммунисты! Вы в силах не допустить новых провокационных процессов в СССР и добиться освобождения Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколы Руденко, Олексы Тихого! Вы в силах добиться политической амнистии в СССР и воздействовать на партийно-государственное руководство Советского Союза, чтобы оно начало постепенную демократизацию строя — переход от тоталитарного марксизма к демократическому. А если можете, — добивайтесь! Это ваш исторический долг! У вас нет более важной задачи. Весь ход мирового развития зависит от того, станет СССР демократическим государством или перейдет к еще более жесткому тоталитаризму.

Петр Григоренко. Февраль 1977 г.

ПОСЛЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда "Наши будни" были уже написаны, в "антидиссидентскую" кампанию включилась правительственная "Известия". Она опубликовала корреспонденцию В. Апарина и М. Михайлова "Контора г-на Шиманского" (24 февраля 1977 г.) и "Открытое письмо" С.Л. Липавского с послесловием к нему Д. Морева и А. Ярилова (5 марта 1977 г.).

Эти две публикации являются дополнительной иллюстрацией того, как обрабатывается общественное мнение, для того чтобы оно приняло и одобрило любые приговоры людям, которых судят лишь за то, что они отстаивают права человека.

Чем же новым просветили нас "Известия"? В первой из названных публикаций берется группа советских эмигрантов и утверждает, что все они агенты ЦРУ. Доказательств, разумеется, никаких. Но поскольку написанное иллюстрировано фотокопиями каких-то иностранных документов, то создается впечатление достоверности, и в мозгу неинформированного советского читателя может легко застрять формула: "советский эмигрант — агент ЦРУ". К этой формуле несложно перебросить логический мостик: эмигрант — бывший диссидент, а, значит, еще не эмигрировавшие диссиденты тоже агенты ЦРУ, но только выполняющие задания американской разведки на территории СССР.

Этот мостик не нами придуман — его построила "Правда" в редакционной статье, которую мы рассматривали в главке "И это правда?" Строят сей мостик и "Известия" в своей второй публикации.

С. Липавский утверждает, что все его уехавшие на Запад друзья были агентами ЦРУ здесь — в СССР. Доказательствами себя он тоже не утруждает. Более того, его утверждения совершенно недоказуемы, т. к. он ссылается только на людей, находящихся вне пределов Советского Союза, а "шпионский реkvизит", демонстрируемый на помещаемых в газете фото, за версту пахнет фальшивкой. И содержание приводимых документов, и описание "тайников" со средствами упаковки почты настолько

наивны, настолько пахнут "детективами" сталинской эпохи, что стыдно становится за то ЦРУ, которое их придумало. Ну, скажите, какой шпион станет писать другому те указания, которые можно дать устно? А кто станет писать такие "инструктивные указания" – "делать, как и в прошлый раз"? А кто выбирает такой тайник, подступы к которому просматриваются со всех сторон на всю прямую дальность видения, а оставленный в нем материал может быть легко обнаружен случайным прохожим (проезжим)?

Но это все ЦРУ. Ничего не поделаешь, если оно такое глупое. Но ведь наши разведка и контрразведка, они-то не дураки! Так как же они допустили, что ЦРУ везде пролезает, все вынюхивает. При этом везде оставляет следы. Действует чуть ли не в открытую. Даже общественное движение из шпионов создало (диссиденты). А наша контрразведка только глазами бессмысленно поводит, да ушами хлопает. Если бы не саморазоблачившийся С. Липавский, так и до сегодня бы ничего не знали. Да, Липавский?! Постойте!!! А как же так получилось, что саморазоблачение пошло прямо в печать? Ведь это же азбука разведки – провести игру на разоблаченном, а тем более саморазоблачившемся шпионе и раскрыть вражескую шпионскую сеть. Но наше "доблестное" КГБ и тут проморгало. И естественно, что в таких условиях С. Липавскому ничего не оставалось, как взять его задачи на себя. Он заявляет, что приложит "все свои силы в разоблачении враждебной деятельности отщепенцев и изменников Родины, которые продались ЦРУ".

Вот спасибо! Вот спасибочко! И что бы делал без вас, С. Липавский, наш народ при столь небдительном КГБ?!

И вот такую абракадабру несет правительственный орган. И все только для того, чтоб наш народ поверил в то, что участники правозащитного движения – агенты ЦРУ и международных антитоварских центров, что их деятельность направлена на подрыв существующего строя.

Ну что ж, *если наши требования соблюдать советские и международные законы подрывают строй, то я за такой его подрыв.*

"Разоблачения" С. Липавского имеют еще и частную цель: оклеветать еще двух членов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений – Владимира Слепака и Анатолия Ща-

ранского. Последний в письме С. Липавского прямо назван агентом ЦРУ. И хотя оба эти заявления абсолютно безосновательны, меня они очень взволновали. Я почувствовал, что по крайней мере в отношении А. Щаранского готовится арест. Я прервал свой предоперационный отдых и к вечеру 8 марта был в Москве. 9-го разыскал по телефону Щаранского. Он был у Владимира Слепака. Предложил встретиться. Анатолий дал согласие прийти ко мне, но при этом добавил: "Если вас, конечно, не смущает мой "хвост". Он у меня сейчас очень большой". Я ответил в том смысле, что к "хвостам" привык, даже к собственным. Договорились о времени встречи.

Чувствую, время приближается. Подхожу к окну и смотрю на дорожку, ведущую к моему подъезду. Вскоре на ней показалась плотная группа людей. Среди них глаз сразу выделяет А. Щаранского и В. Слепака. Иду и открываю дверь на лестничную клетку. Люди приближаются. Подходя к двери, Анатолий шутит: "Петр Григорьевич! Здесь сопровождающие двух категорий — мои и чужие. Моих впускать, остальных не надо!" И он, пропустив в дверь Владимира Слепака и Захара Тэскера, вошел и захлопнул дверь. Перед дверью остались двое.

— А где же вы третьего потеряли, — спросил я. — На улице вас, вроде бы, шестеро было.

— Нет! — возразил Толя, — нас было семь, не считая тех, что в двух машинах остались. Те двое, что шли с нами, и те, что в машинах, ведут теперь наружное наблюдение за домом.

Просидели мы часа два. Шла обычная дружеская беседа, но меня не оставляло чувство тихой тоски. Такое чувство, какое бывает, когда прощаешься с дорогим человеком и не знаешь, придется ли встретиться когда-нибудь. Угроза ареста Анатолия Щаранского, мой солидный возраст и далеко не блестящее здоровье наводят на мысль, что наша сегодняшняя встреча может оказаться последней в нашей жизни. Расходиться никому не хотелось, но... И вот, я снова открываю дверь на лестничную клетку. Те двое по-прежнему перед дверью.

Я смотрю, как выходят, быть может, последний раз в жизни на моих глазах дорогие мне люди. И сердце мое заполняет, рядом с болью, отвращение и гнев. Те двое нагло смотрят на моих друзей, стоя у них на пути так, что приходится проходить бук-

важно впритирку. И как только мои друзья проходят, те "лбы" пристраиваются за ними вплотную. Дрожа от сдерживаемого гнева, закрываю дверь и снова иду к окну. Вижу, какой-то тип помчался по дорожке на улицу Льва Толстого. Вскоре из подъезда выходят мои друзья. Сопровождающих с ними уже трое. Плотной группой шестеро движутся тоже к улице Льва Толстого.

Иду к другому окну, в столовую, откуда просматривается та улица. Вижу, как разворачиваются, вопреки правилам уличного движения, наезжая на тротуары, две легковые машины. В каждой двое – водитель и пассажир. Тот тип, что бежал по дорожке, стоит и наблюдает за разворачиванием машин и поглядывает на подходящую "шестерку".

Я смотрел вслед моим друзьям, пока они не скрылись. Сопровождающие по-прежнему шли вплотную. Не отставали и автомашины, хотя для этого им приходилось грубо нарушать правила уличного движения.

Невольно думалось: какой смысл в таком сопровождении? Чтобы выяснить планы шпиона и раскрыть шпионскую сеть, надо следить скрытно – так, чтобы шпион не замечал слежки. Ну, а зачем ходить в открытую за тем, чье шпионство разоблачено, и даже в газете об этом опубликовано? Ответ может быть только один: НИКАКОЙ ОН НЕ ШПИОН. И ЭТО ХОРОШО ИЗВЕСТНО К Г Б. А ходят за ним столь нагло, чтоб непрерывно напоминать о скором аресте и таким путем попытаться надломить его волю.

И еще думалось мне: Бедный мой народ! Как же тебя грабят! Лишают возможности общаться с лучшими сынами твоими. И средств, которые отнимают у тебя же, для этого не жалеют. Ну, вот сейчас: сам я видел двух, и еще двух, и четырех в двух автомашинах. Всего, значит, *восемь*. А если перевести на сутки, да учесть выходные, то, значит, надо помножить на четыре. У них же семичасовой рабочий день. Следовательно, не *восемь*, а **ТРИДЦАТЬ ДВА ЧЕЛОВЕКА НАБЛЮДАЮТ ЗА МОИМИ ДРУЗЬЯМИ**. И если даже это наблюдение не только за А. Щаранским, но и за В. Слепаком, то и в этом случае по 16 человек на одного. Сколько это в деньгах? Наверное, немало. Ведь это же не тунеядцы, а "ответственные работники". Расход, явно не на бедную страну рассчитанный. Поэтому – **БОГАТЕЙ, СТРАНА! БОГАТЕЙ БЫСТРЕЕ!! У ТЕБЯ МНОГО ОТВЕТСТВЕННЫХ**

РАБОТНИКОВ, не сомневайся, БУДЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ.

Следующее утро началось со звонка в дверь. Принесли телеграмму: "Ежедневно таскают допросы Жду ареста". Пишет женщина, муж которой, уехав в командировку на Запад, не вернулся в СССР. За это "преступление" мужа ее лишили материнских прав и полтора года продержали в лагере (была приговорена к 4-м годам, но с связи с Международным годом женщин амнистирована). Теперь вот навис новый арест. За что? Можно даже и не спрашивать. Это судьба очень многих из тех, кто уже репрессировался по политическим мотивам. Найдут, за что. Даже если ты сидишь тише мыши. Ну, а если ты еще и жалуешься на что-то или обижаешься на безосновательное осуждение в прошлом и насильственное разлучение с грудным ребенком, то лагеря просто не избежать.

Не прошло и часа, ВТОРОЙ звонок. Открываю дверь. Вижу мужчину, женщину, а за ними троих детей — мальчиков. Приглашаю зайти. Но мужчина пытается объясниться, не заходя в квартиру: "Мы вам не знакомы. У нас просто тяжелое положение, и мы хотели бы, если можно, посоветоваться". Подходит моя жена, и мы, уже оба, понимая, что начался обычный диссидентский день, повторяем приглашение войти. Заходят. Вскоре мы уже знаем грустную историю семьи Волощук — Александра и Любви. Уже скоро ВОСЕМЬ месяцев, как они не имеют ни жилья, ни работы.

Жили они в г. Горьком. Муж учился в Сельскохозяйственном институте, жена — в педагогическом. Александру не дали закончить институт. С работой тоже "не везло". Не успеет устроиться — увольняют. Даже должность сторожа ему не доверяли. И они решили уехать в родные места — на Украину, в Донбасс. Обменяли свою кооперативную квартиру в г. Горьком на квартиру в г. Харьцызске Донецкой области. Получили обменный ордер и поехали. Но когда прибыли к новому месту жительства, то увидели, что предназначенная им по ордеру квартира занята. Их прежнюю квартиру в г. Горьком тоже заняли. Никакой другой площади взамен предложено не было. Когда же они начали настаивать на своем праве получить жилье, им без обиняков сказали: "Уезжайте из нашего города. У нас и своих БАПТИСТОВ МНОГО". Так они оказались между небом и землей. Нет жилья,

нет работы, дети не ходят в школу. "Пусть вам Бог поможет!" — издевательски говорят им в официальных советских учреждениях.

ВОТ ОНИ, наглядно: ПРАВО НА ТРУД, ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ, НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА. И все только за то, что муж баптист, а дети воспитаны в вере в БОГА. Жене говорят: "Разойдись с ним и будешь жить по-человечески".

Полгода Волощуки тщетно добивались своих декларированных Конституцией прав и, придя в полное отчаяние, два месяца назад явились в приемную Верховного Совета СССР и подали заявление об отказе от советского гражданства. Сдали свои паспорта и попросили разрешения на выезд в любую страну свободного мира. Ответа на это заявление нет до сих пор. И вот они приехали снова, чтобы идти в приемную и там сидеть, пока не получат ответ. Предварительно зашли к нам "посоветоваться", а вернее, заявить о себе, т. к. не уверены, что в приемной их не разлучат с детьми и не отправят по лагерям или "психушкам".

Такова наша доля — доля людей, называемых "диссидентами", "отщепенцами", "врагами общества"... Нам приходится *каждодневно* выслушивать душераздирающие истории и с бесильным отчаянием взирать, как бюрократический аппарат измывается над ни в чем не повинными беззащитными людьми. Единственное, что мы можем, — кричать от их боли. Но они идут к нам и за этим, т. к. у них самих нет "голоса" и для крика.

В настоящее время в советской печати поднят буквально вселенский крик о том, что западные страны, особенно США, своими выступлениями в защиту "диссидентов" "социалистических" стран вмешиваются в их внутренние дела и тем срывают разрядку напряженности. Получается, что если Запад будет смотреть сквозь пальцы на нарушение Советским Союзом добровольно им принятых международных обязательств, то настанет "всеобщий покой", а если скажет, что международные договора надо не только подписывать, но и выполнять, то настанет холодная война. Странная, если не сказать больше, "теория", которая, к сожалению, имеет хождение и на страницах западной печати, и в кругах ответственных политических деятелей Запада. По этому поводу можно лишь вздохнуть и про себя душевно прочесть молитву: "Боже, дай здоровья и долгой жизни КАРТЕРУ и всем,

кто поддерживает его в борьбе за права человека". Истинно ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ не боятся пожертвовать сиюминутными интересами во имя СВОБОДЫ и ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.

Я, как и все мои друзья по правозащитному движению, не жду "манны небесной" — свобод, принесенных извне, я ни о чем не прошу и не желаю себе судьбы иной, чем судьба моего народа. Но я хочу, чтобы все, кто наблюдает, как советская печать "горько плачет" от обиды на то, что другие государства, защищая "диссидентов", вмешиваются во внутренние дела, знали, что слезы эти крокодилы, что, проливая их, страна одновременно пожирает своих детей.

П.Г. 13. 3. 77 г.

Еще раз "после" или о том, как пытаются замести следы преступления

Не успел я поставить заключительную дату (13. 3. 77 г.) под настоящей работой, как произошло СОБЫТИЕ.

В ночь с 13-го на 14-е марта сотрудники КГБ под руководством ст. следователя капитана Яковлева произвели обыск у Александра Подрабиника. Обыск — событие? — скажет удивленно читатель. Да вам бы, уважаемые "диссиденты", давно пора привыкнуть к обыскам! Сколько их у вас уже было?! — Скажет так и будет прав. Прав?! Нет, не совсем! Обысков нам действительно досталось немало. Одна моя семья пережила их четыре. Но этот обыск — необычный. На моей памяти был только один, когда у А. Солженицына забрали его архив (на квартире, где он хранился).

Такой обыск совершенно не похож на обычный. Больше всего он напоминает действия преступника, заматающего следы своего преступления. Но, чтобы понять это, придется обратиться к предыстории.

В последние годы на Западе и в нашей стране стали широко известны случаи расправ с участниками правозащитного движения в СССР при помощи психиатрии. Большую роль в ее разоблачении сыграли материалы о деятельности Института судебной психиатрии им. Сербского, которые направил западным психиатрам Владимир Буковский. И хотя он сам жестоко поплатил-

ся за это, в глухой стене молчания, окружившей застенки психиатрического произвола, образовалась трещина.

В. Буковский не был первым, кто посягал на нерушимость этой стены. Задолго до него, как я уже рассказывал, такую попытку совершил Сергей Петрович Писарев. Еще в 50-е годы, сразу после 20-го съезда партии, сумел он довести до ЦК КПСС свое заявление о преступных злоупотреблениях психиатрией и добился создания для проверки этого заявления авторитетной комиссии под председательством работника ЦК Кузнецова А.И. В комиссию вошли такие крупнейшие советские психиатры, как профессор Александровский А.Б. и профессор Федотов Д.Д. Но громадная и благородная работа комиссии, раскрывшей клубок психиатрического произвола и сделавшей вывод о необходимости ликвидации так называемых "специальных (тюремных) психиатрических больниц" (СПБ), была сведена на нет, а материалы, изобличающие преступников в белых халатах и их вдохновителей, были изъяты и похоронены в архивах ЦК КПСС. Общественность так ничего и не узнала об этой благородной работе комиссии, а СПБ не только не были ликвидированы, но со временем начали расти, как грибы после теплого осеннего дождя. Угрюмая и грозная стена молчания продолжала окружать их. Неоценимая заслуга В. Буковского в том именно и состоит, что он сумел пробить первую щель в этой стене. И через эту щель потрясенный мир увидел страшные картины человеческих страданий и услышал приглушенные стоны истязуемых людьми в белых халатах.

Говорят "лиха беда начало"— щель начала постепенно расширяться. Владимир Борисов и Виктор Файнберг, согласовав свои действия, организовали из-за стен Ленинградской СПБ регулярные репортажи, в которых убедительно показали античеловеческое нутро этой так называемой больницы, ее роль как одного из центров безжалостного подавления свободной мысли. Были показаны и врачи — преступники против человечности.

Бесстрашный Владимир Гершуни сделал то же самое в одиночку из-за стен бывшего Орловского централа, ныне — Орловской СПБ, куда его заточили, чтобы сломить волю к свободемыслию, к борьбе против всяческого беззакония и произвола. К этому человеку у меня особое отношение. О Володе Борисо-

ве и Вите Файнберге, например, я могу сказать, что это мои друзья-соратники. В отношении к Володе Гершуни ощущаешь кроме чувства дружбы особое уважение, как бы преклонение перед его силой духа, перед его неиссякаемой энергией, инициативой и неустрашимостью.

Раньше всех нас начал он свой путь на Голгофу. Еще юношей он оказался солагерником Александра Солженицына, который посвятил Володе несколько строк в своем великом творении — "Архипелаге ГУЛаг". Строк немного, но они написаны так, что из них воочию виден тот Гершуни, который и сегодня вызывает чувство глубочайшего уважения к себе. Впоследствии, участвуя в правозащитном движении, Гершуни одновременно активно и плодотворно помогал Александру Исаевичу собирать материал для "Архипелага".

Последний раз Володя был арестован в 1969 году — на четыре месяца позже меня. Вскоре после его ареста наши пути скрестились в Институте им. Сербского, но его, чтобы мы не общались, поместили с уголовниками (я находился в отделении для политических). Несмотря на это, он сумел встретиться со мной, обняться и передать при этом (незаметно) "хронику" событий, которые произошли в те четыре месяца, когда я был уже в тюрьме, а он еще на свободе. И какая потрясающая память: в "хронике" описаны не только события, но и точные даты указаны. И вот человек с такой памятью попадает в Орловскую СПБ. В результате деятельность этого учреждения получает достойную огласку.

Моей жене — Зинаиде Григоренко и нашему сыну Андрею Григоренко принадлежит главная заслуга разоблачения преступной деятельности психиатров Черняховской СПБ, а Татьяне Ходорович и жене Леонида Плюща — Татьяне Житниковой — Днепропетровской СПБ. С разоблачениями выступили и отдельные врачи-психиатры. Первый — Семен Глузман, написавший исследование "Заочная экспертиза П. Григоренко". Преступники жестоко расправились с ним — 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки — такова плата за честность. Большую разоблачительную работу провела и эмигрировавшая на Запад врач-психиатр Марина Войханская. Одновременно с такими крупными разоблачениями появились рассказы о происходящем в СПБ от

освободившихся из них: Михаила Кукобаки, Иосифа Терели и др.

Многие из числа подвергшихся психиатрическим репрессиям обращались за защитой в правительственные органы. Но не было ни одного случая, чтобы такие заявления или разоблачения преступной деятельности врачей СПБ и Института им. Сербского расследовались. Это не удивляло тех, кто выступал с разоблачениями карательной психиатрии. Они уже давно утверждали, что репрессивное ее использование — дело рук не медиков, а органов госбезопасности; что именно волю последних выполняют психиатры, пренебрегшие своим врачебным долгом и ставшие на путь преступного использования медицинских знаний.

Последним обыском КГБ подтвердил эти наши выводы.

Александр Подрабинек — человек со средним медицинским образованием, и, хотя ему лишь 23 года, он имеет солидную практику работы в скорой помощи и связанные с этой работой наблюдения за жизнью. Имея чуткое сердце, он обратил внимание на то, что практика насильственного заключения свободомыслящих людей в психиатрические больницы (специальные и общие) получила широкое распространение в СССР. И он понял, что ограничиваться разоблачением отдельных фактов такой практики теперь уже нельзя, что настало время и назрела необходимость обобщить факты применения психиатрии в репрессивных целях. Этой работе он и отдал последние ТРИ года. В результате родилась рукопись книги "Карательная медицина".

Естественно, что такая огромная работа не могла выполняться в абсолютной тайне. Ведь для того чтобы приступить к написанию книги, пришлось создать картотеку более чем на двести человек — политзаключенных специальных психиатрических больниц, добыть их фотографии, копии соответствующих служебных инструкций и другие документы. Органы КГБ по-видимому давно установили слежку за А. Подрабинек и выследили, когда он со всеми материалами явился к своей знакомой Елене Бобрович, с рукописью книги и другими документами, чтобы переписать свою рукопись на пишущей машинке Е. Бобрович. Среди ночи и нагрянули с обыском. Торопились так, что даже ордер на обыск не оформили как положено. За 5,5 часов (0. 10 — 5. 30 14. 3. 77 г.) изъяты: рукопись книги, картотеки и другие связанные с книгой документы.

Я только перешел на эту страницу, как раздался телефонный звонок. Звонил Владимир Слепак. Сообщил: час назад, т. е. в 6 часов вечера 15-го марта, "взяли" Анатолия Щаранского.

Да, да! Именно "взяли"! Как брали в свое время Александра Гинзбурга. Восемь упитанных, хорошо натренированных "молодцов" в подъезде набрасываются на невысокого интеллигентного вида человека, заведомо безоружного и не собирающегося сопротивляться или бежать, вывертывают ему руки, впихивают в машину и стремительно отъезжают. При этом не произнесено ни слова, не предъявлено никаких документов, дающих право на арест. Два иностранных корреспондента и Владимир Слепак, находившиеся рядом, остались в полном недоумении — что они видели: арест или похищение человека бандитами-террористами?

Возникает вопрос: зачем этот спектакль? Объяснение простое. *Во-первых*, изображается захват важного преступника. Уж коль не попадают настоящие шпионы, так разыграть хотя бы спектакль шпионский. *Во-вторых*, потренировать "молодцов" своих, натаскивать их "на людей бросаться". Мало ли как дело обернется. Это сейчас на такой огромный аппарат работы не хватает. А может, ведь и удастся развернуть дело, как в "благословенные" сталинские времена. Вот тогда и пригодится сегодняшняя тренировка. *В третьих*, пусть этот "вшивый сионист" сразу почувствует, в какие руки он попал, пусть узнает, что "цацкаться" с ним здесь не будут. И, наконец, *в-четвертых*, пусть поволнуются и те "сионисты", что дома остались. Когда там дежурный КГБ по городу подтвердит, что А. Щаранский у них. А до того пусть помучаются, подумают, что, может, действительно бандиты "умыкнули" и наутро только труп обнаружится где-нибудь на дороге.

За что же арестовали Анатолия Щаранского?

Я и все его друзья по работе в Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений твердо знаем, что *никаких уголовных* преступлений он не совершал. Следовательно, предъявят ему стандартное диссидентское обвинение — "антисоветская пропаганда" или "клеветнические измышления". Хотя, Бог знает, в сталинские времена и без всяких оснований людям, которые день и ночь клялись в верности режиму, давали "измену родине". Так почему бы не попробовать приравнять к измене право-

защитную критику. Но что бы там ни пытались сфальсифицировать, в действительности его арестовали, как и А. Гинзбурга, Ю. Орлова, М. Руденко, О. Тихого, за участие в работе Группы, т. е. за то, что помогал выяснению правды о выполнении Советским Союзом Хельсинкских договоренностей.

Но почему арестовали именно его, а не меня или еще кого-то из находившихся еще на свободе членов Группы? Ответ простой. Анатолий Щаранский прекрасно знает английский язык и может точно передать сущность заявлений Группы людям, не владеющим русским языком или плохо знающим его. Лишить Группу языка — вот истинная причина этого ареста. Группа в своем заявлении по поводу ареста А. Щаранского пишет:

Мы решительно протестуем против незаконных попыток задушить Группу путем арестов ее членов. Мы призываем советскую и международную общественность поддержать наш протест.

Каждый гражданин стран, подписавших Заключительный Акт Хельсинкского совещания, вправе проверять, как выполняются постановления этого Акта и высказывать свои суждения по этому поводу. Начав уголовное преследование членов Группы, советское правительство пытается путем запугивания лишить этого права всех своих граждан. Это грубое нарушение добровольно принятых на себя международных обязательств, поэтому правительства и народы стран-участниц Хельсинкского совещания не только вправе, но и обязаны указать на эти нарушения и потребовать их прекращения.

Мы требуем освобождения Анатолия Щаранского и ранее арестованных членов групп — Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколу Руденко, Олексу Тихого.

Заявление подписали члены Группы Елена Боннэр, Петр Григоренко, Мальва Ланда, Юрий Мнюх, Владимир Слепак.

16. 3. 77 г.

* * *

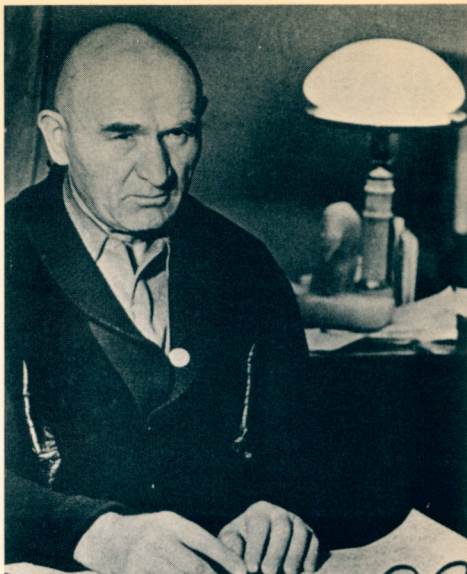
К друзьям моим!

В настоящих записках я назвал ряд имен. Условия работы, особенно ее спешность, обусловленная стремлением в короткие сроки и как можно полнее и доказательнее раскрыть абсолютную необоснованность последних арестов, помешали мне согласовать написанное с теми, чьи имена употреблены в тексте. За это прошу простить меня и без обиды сделать свои замечания, если они появятся. Я обещаю учесть все такие замечания при переиздании сих записок.

Многие из известных мне людей, которые ведут огромнейшую правозащитную деятельность, в моих записках поименно не названы. В большинстве это сделано, чтобы не привлекать к ним ненужного внимания. Остальные не названы по другим, более или менее основательным причинам. Не исключено, что кого-то я в спешке просто не вспомнил. Но никто не упущен по злему умыслу. Всех, с кем общаюсь, я уважаю и люблю. Поэтому от всех них жду замечаний и основательной критики.

С уважением, *П. Григоренко*

16. 3. 77 г.

Петр Григоренко (р. 1907) — один из наиболее известных деятелей движения за права человека в СССР.

В начале 20-х годов П.Г. — организатор комсомола на Украине, а позднее — член ЦК ЛКСМУ. С 1927 вплоть до исключения в 1964 — член коммунистической партии.

С 1922 года слесарь, машинист, студент Харьковского технологического института. С 1931 — кадровый офицер, участник войны и военный ученый. Преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

В 1961 году за смелое выступление на партконференции устранил от заведования кафедрой кибернетики Академии им. Фрунзе и с понижением в должности отправлен на Дальний Восток.

В 1964 — арестован и объявлен невменяемым с разжалованием из генералов в рядовые и заключением в ЛСПБ. После освобождения в 1965 г. П.Г. активно выступает против политических репрессий в СССР, против оккупации ЧССР в 1968 г., против национальной дискриминации нерусских народов СССР.

В 1969 — новый арест и новое заключение в специальную психиатрическую больницу г. Черняховска. После освобождения в 1974 году Петр Григоренко снова выступает в защиту прав человека, участвует в работе советской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.